

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2022 № 1

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. - «Современный Восток»)
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтерина (Нигерия), В.Я. Белокреницкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия), В.А. Мельянцев (Институт стран Азии
и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфаммади (ЮАР), М. Наср аль-Гибали
(Египет), У. Рено (США), С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
В.С. Окулов, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2022 № 1

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
O.I. Teterin (Moscow, Russia), H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; V.S. Okulov, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Исаев Л.М., Шишкина А.Р., Иванов Е.А. Исламское высшее образование в России: локальный опыт и влияние Ближнего Востока	5
Бондаренко Д.М. Формирование наций в постколониальных государствах Субсахарской Африки: Танзания, Замбия и Уганда в сравнении	15
Шиганова Ю.М. Влияние <i>COVID-19</i> на развитие внешней торговли КНР в 2020-2021 гг.	24
Шкваря Л.В. Инновационное развитие Китая и задачи на будущее	32
Филиппов В.Р. Операция «Бархан»: бесславное завершение?	40
Митрофаненкова О.Е. Женская наркомания в Афганистане	48
Бизяев А.И. Пассажирский транспорт в Израиле - состояние и проблемы	55
Акимова В.В., Парамзина Е.А. Юго-Восточная Азия как регион нового фармацевтического освоения	62

Трибуна соискателя

Mugadam M. Mugadam (Chad). African migration to Chad: diversity of ethnic groups as one of the motives for the choice of migrants	71
---	-----------

Рецензии

Мезяев А.Б. (Казань). Новые страницы истории советско-африканских отношений	77
--	-----------

© Российская академия наук, 2022
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2022

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой
зрения редакции.

**Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian
Science Citation Index на платформе Web of Science
и EBSCO Publishing.**

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
Тел.: +7 495-697-95-66, 691-02-70
E-mail: asaf-today@mail.ru
Интернет: www.asaf-today.ru

CONTENTS

POLITICS, ECONOMICS

Leonid M. Issaev, Alisa R. Shishkina, Evgeny A. Ivanov. Islamic education in Russia: Local experience and the influence of the Middle East	5
Dmitri M. Bondarenko. Nation-building in Post-colonial Sub-Saharan African states: Tanzania, Zambia, and Uganda compared	15
Julia M. Shiganova. The impact of COVID-19 on China's foreign trade in 2020-2021	24
Liudmila V. Shkvarya. China's innovative development and challenges for the future	32
Vasily R. Filippov. Operation «Barkhan»: An inglorious end?	40
Olga E. Mitrofanenkova. Female drug addiction in Afghanistan	48
Anton I. Bizyaev. Passenger transport in Israel - current state and related problems	55
Varvara V. Akimova, Ekaterina A. Paramzina. Southeast Asia as a region of new pharmaceutical development	62

POST-GRADUATE COLUMN

Mugadam M. Mugadam (Chad). African migration to Chad: diversity of ethnic groups as one of the motives for the choice of migrants	71
---	-----------

BOOK REVIEW

Alexander B. Mezyaev (Kazan). New pages of history of Soviet-African relations	77
---	-----------

© Russian Academy of Sciences, 2022
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2022

The authors opinions may not coincide with position
of the editorial.

**Included in Russian Science Citation Index on WoS platform,
and EBSCO Publishing.**

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66, 691-02-70**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

Исламское высшее образование в России: локальный опыт и влияние Ближнего Востока

© Исаев Л.М.^{a,b,c,d}, Шишкина А.Р.^{a,b,e}, Иванов Е.А.^{a,c,f}, 2022

^a НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

^b Институт Африки РАН, Москва, Россия

^c Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

^d ORCID ID: 0000-0003-4748-1078; isleonid@yandex.ru

^e ORCID ID: 0000-0002-2544-9184; ashishkina@hse.ru

^f ORCID ID: 0000-0003-2798-7880; eivanov@hse.ru

Резюме. Распад советской системы на Северном Кавказе сопровождался реисламизацией, чему, помимо прочего, способствовало влияние религиозных и государственных акторов Ближнего Востока. Одним из проявлений возрождения исламской традиции стал возросший спрос на религиозное образование. Часть мусульман, в основном старшие поколения, выступали за возврат к досоветским традициям ислама, тогда как молодежь ориентировалась на веяния, дошедшие с Ближнего Востока. В России сфера исламского образования до сих пор слабо институционализирована и практически не регулируется государством, ввиду чего деятельность исламских учебных заведений остается в «серой зоне». При этом, с одной стороны, развитие исламского образования препятствует распространению радикальных идей; с другой - оставаясь исключенным из системы государственного школьного и высшего образования, нерегулируемое исламское просвещение на Северном Кавказе может породить рост социально-политической нестабильности в регионе. Авторы приходят к выводу, что для улучшения сложившейся ситуации в ближайшей перспективе следует расширить перечень предметов, изучаемых в исламских вузах, чтобы выпускники имели более широкий круг навыков и компетенций. В долгосрочной перспективе необходимо совершенствовать исламское высшее образование по опыту мировых лидеров в этой сфере.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, Дагестан, Ближний Восток, исламское образование, ислам, терроризм

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках проекта № 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Для цитирования: Исаев Л.М., Шишкина А.Р., Иванов Е.А. Исламское высшее образование в России: опыт и влияние Ближнего Востока. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 1. С. 5-14. DOI: 10.31857/S032150750018302-4

Islamic education in Russia: Local experience and the influence of the Middle East

© Leonid M. Issaev^{a,b,c,d}, Alisa R. Shishkina^{a,b,e}, Evgeny A. Ivanov^{a,c,f}, 2022

^a HSE University, Moscow, Russia

^b Institute for African Studies, Moscow, Russia

^c RUDN University, Moscow, Russia

^d ORCID ID: 0000-0003-4748-1078; isleonid@yandex.ru

^e ORCID ID: 0000-0002-2544-9184; ashishkina@hse.ru

^f ORCID ID: 0000-0003-2798-7880; eivanov@hse.ru

Abstract. The collapse of the Soviet system in the North Caucasus was accompanied by re-Islamization, which, among other things, was facilitated by growing influence of the religious and governmental actors from the Middle East. The upsurge of Islam manifested the increased demand for religious education. Some Muslims in Russia, mostly middle-age ones, and the elders, stood for restoration of pre-Soviet Islamic traditions. Others, the youth, oriented to the Middle East. In Russia non-secular schools and universities are still poorly regulated by the state, and therefore Islamic educational centers remain in the "grey zone". On the other hand, being excluded from the state-based system of public school and higher education, unregulated Islamic education in the North Caucasus may shape a seething environment for socio-political destabilization. The authors conclude that two dimensions can be distinguished in the context of the problems and challenges of the Islamic education system in Russia. The first, short-term one, is associated with the modernization of the teaching format itself. It implies introduction of general humanitarian subjects and disciplines in educational programs. As for the long-term prospects, in this case it would be possible to refer to the experience of the world's leading religious educational centers. Modern Russian Islamic educational centers may borrow its organizational model and branding strategy without hiring foreign lecturers. Eventually, the system should become a self-reproductive one under which graduates would make up a stratum of teachers, scholars and other professionals including those whose activity is not related to Islam directly.

Keywords: Russia, North Caucasus, Dagestan, Middle East, Islamic education, Islam, terrorism

Acknowledgements. The study was carried out with the support of the Russian Science Foundation (research project No. 19-18-00155 "Islamist extremism in the context of international security: threats for Russia and opportunities for counteraction").

For citation: Issaev L.M., Shishkina A.R., Ivanov E.A. Islamic education in Russia: Local experience and the influence of the Middle East. *Asia and Africa today*. 2022. № 1. Pp. 5-14. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018302-4

ВВЕДЕНИЕ

Распад советской системы сопровождался ростом интереса к религии. В национальных республиках Северного Кавказа, где искоренение религиозного сознания переживалось особенно остро (см.: [1-3]), свои позиции начал восстанавливать ислам. Вместе с этим повысился запрос на исламское образование со стороны жителей северокавказских республик. Активно в эти процессы вовлекались младшие поколения. Свой вклад в реисламизацию внесли страны Ближнего Востока (напрямую и косвенно), оказавшие поддержку мусульманским общинам России. В 1990-х гг. в связи с увеличением роли ислама в политике ближневосточный регион превратился в мощный идеологический центр. Параллельно возникло множество неконвенциональных течений, включившихся в борьбу за умы. Это породило новые вызовы и угрозы. С открытием границ и глобализацией всплеск исламистского экстремизма стал представлять опасность и для России, особенно на Северном Кавказе [4; 5].

Как отмечает российский исламовед Ахмет Ярлыкапов, реисламизация на Северном Кавказе приобрела различные формы. В западной его части ислам возрождался практически с нуля, образуя особый сплав - т.н. «народный ислам». При этом важную роль играло как зарождающееся местное духовенство, так и миссионеры из соседних северокавказских республик (прежде всего из Чечни и Дагестана). В восточной части Северного Кавказа, напротив, даже во времена советской власти «существовали влиятельные суфийские группы, были авторитетные богословы; оставалась полноценная система религиозного образования» [6]. Не удивительно, что ранний постсоветский период стал временем стремительного становления множества исламских образовательных учреждений именно на северо-восточном Кавказе.

Несмотря на улучшение ситуации, Северный Кавказ остается одним из наиболее беспокойных регионов постсоветской России, поскольку сохраняются риски радикализации рядовых мусульман и вовлечения их в террористическую деятельность. Негативные тенденции вновь проявились в середине 2010-х гг. в связи с возникновением «Исламского государства» (ИГ). Кроме того, российские ВКС начали операцию в Сирии, после чего террористические группировки стали считать Россию одним из своих главных врагов. Вероятно, это может служить одной из причин череды терактов, совершенных в 2016-2017 гг. Например, убийство в декабре 2016 г. посла России в Турции Андрея Карлова. Как утверждает, нападение было совершено в ответ на воздушные удары России по позициям ИГ в боях при Алеппо. А в апреле 2017 г. гражданин России чеченского происхождения, воевавший на стороне ИГ в Сирии, устроил взрыв в вагоне петербургского метро, убив и ранив несколько десятков человек.

Летом 2016 г. «Исламское государство» разместило 9-минутный видеоролик в *YouTube*, в котором террористы обратились к своим последователям с призывом начать джихад в России¹. Глава ФСБ России А.Бортников заявил о подготовке терактов в России боевиками, находящимися за рубежом, а также отметил, что существует большая угроза всплеска террористической активности со стороны боевиков, которые массово возвращаются с Ближнего Востока².

При этом угрозы главарей ИГ в отношении России были не голословными. К 2015 г. многие лидеры террористического подполья на Северном Кавказе присягнули на верность лидеру ИГ Абу Бакру аль-Багдади и потребовали, чтобы их примеру последовали все прочие боевики³. Главой «Вилаята Кавказ» (филиала ИГ на Северном Кавказе) стал Рустам Асельдеров, который ранее возглавлял подпольную ячейку «Имарата Кавказ» в Дагестане. Ранее российские силовики нанесли серьезные удары по подполью, которое к тому же распадалось из-за внутренних противоречий. Поэтому, когда в конце июня 2014 г. аль-Багдади объявил себя «халифом» и сразу же назвал Россию и США главными врагами исламского мира, сторонники «Имарата Кавказ» увидели в этом возможности для себя. Так, ИГ привлек не только кавказское подполье, но и радикалов одиночек со всего постсоветского пространства. Ввиду большого количества выходцев из стран бывшего СССР в рядах ИГ, а также растущей доли сторонников ислама в этом макрорегионе, русский язык входил в тройку наиболее популярных языков пропаганды ИГ [7].

¹ Боевики ИГ записали видео с угрозами в адрес России. *Известия.ру*. <https://iz.ru/news/624777> (accessed 17.05. 2020)

² ФСБ: главарь банд на Ближнем Востоке готовит бандподполье на Кавказе. *Известия.ру*. <https://iz.ru/news/624081#ixzz4Fb7pyUyt> (accessed 17.05.2020)

³ Аваков А. ИГИЛ угрожает России: чего ждать от террористов, которые вернутся на Кавказ. *MK.RU*. <https://mk.ru/politics/2015/10/29/igil-ugrozhayet-rossii-chego-zhdad-ot-terroristov-kotorye-vernutsya-na-kavkaz.html> (accessed 17.05.2020)

Проведенные нами ранее исследования позволили выявить всплеск террористической активности в России в 2016 г. более чем в 3 раза [8], что фактически стало воплощением угроз со стороны лидеров ИГ в адрес России. Большинство террористических актов, произошедших в 2016 г., были совершены в северокавказском регионе, а ответственность за них взяло на себя именно ИГ.

Высокий потенциал конфликтогенности, а также тот факт, что в настоящее время Северный Кавказ и, в частности, Дагестан являются лидерами среди российских регионов по числу исламских образовательных учреждений, делает этот регион наиболее резонансным с точки зрения возможных трансформаций системы исламского образования.

В России до сих пор эта сфера слабо институционализирована и практически не регулируется светскими властями. Учитывая специфику работы исламских вузов, федеральный закон «Об образовании» оставляет деятельность исламских учебных заведений в «серой зоне». Некоторые из них имеют государственную лицензию, что дает право осуществлять образовательную деятельность, но ни один исламский вуз не получил аккредитацию, позволяющую выдавать дипломы государственного образца. Следовательно, выпускники таких вузов ограничены в своих карьерных перспективах.

В этой связи возникает закономерный вопрос, связанный с содержательной составляющей подготовки выпускников исламских учебных заведений на Северном Кавказе. Являются ли исламские вузы «прививкой» от радикализации мусульман или же формируют кипучую идейную среду, которая может породить новые вызовы стабильности в регионе? Из чего следует ещё одна дилемма: должно ли государство проводить политику содействия исламским образовательным инициативам (и каким образом?) или же активность подобных учреждений должна быть ограничена?

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Распространение и утверждение ислама на территории современной России датируется VII-VIII вв. и во многом было связано с правлением Омейядских халифов и их завоеваниями в Закавказье, доходившими до Дербента. Так ислам проник в Дагестан, после чего постепенно расширял свое влияние в регионе, а на территории современного Дагестана формировались очаги исламской науки (например, медресе в селекции Цахур), влиявшие на весь северо-восточный Кавказ [9].

Система исламского образования на Северном Кавказе изначально складывалась как трехступенчатая и состояла из коранической школы, мактаба и медресе. Несмотря на определенные ограничения, такая система была довольно эффективной, позитивно влияя на общий уровень грамотности. Исламское образование было престижным и востребованным. Для жителей горных районов это был чуть ли не единственный канал получения знаний [10].

Примечателен опыт Южного Дагестана, обеспечивавшего образованными людьми и преподавателями не только своей регион, но и Йемен, Сирию и другие страны мусульманского мира [10]. В VIII в. строительство соборной мечети для совместного пятничного намаза и 7-ми квартальных мечетей, предназначенных для ежедневной молитвы, способствовало тому, что Дербент стал средоточием культурной жизни мусульманской общины, а со временем превратился в крупный духовный центр на Северном Кавказе, доступный не только арабоязычным переселенцам, но и представителям местных народов, перешедших в ислам [11].

Особенностью развития исламского образования в Дагестане стало то, что здесь не только репродуцировали известные на тот момент работы исламских богословов, но и создали собственную разнообразную литературу на арабском языке [12], что в последующие века способствовало широкому распространению арабского языка на Северном Кавказе и превращению его в язык образованности.

Система исламского образования в разных регионах Российской империи была независимой от государства и существовала, в основном, за счет добровольных пожертвований родителей учащихся, закатов и т.д. Однако исламские институты признавались имперским правительством, и со второй половины XVIII в. до 1917 г. произошел быстрый рост числа мечетей, медресе и мактабов, в тюркоязычных регионах. Как отмечает Агнес Кефели, исследователь из Университета Аризоны (США), традиционное исламское образование среди жителей Среднего Поволжья способствовало исламизации тюркских народов этого региона и заложило основу для развития модернистского ислама в России [13], что связывало его с мусульманским «возрождением» в Османской империи.

Так, во второй половине XIX - начале XX вв. получила распространение идеология джадидизма и предпринимались попытки внедрения новых методов обучения, в т.ч. расширения спектра преподаваемых дисциплин за счет светских наук, включая русский язык. Принципы джадидизма были направлены на подготовку мусульманской интеллигенции к последующему включению в решение политических и идеологических проблем российских мусульман [14]. К началу XX в. система исламского образования включала в себя два компонента: а) традиционного, связанного с классическими принципами мусульманского богословия - в этом случае образование было нацелено на решение внутриконфессиональных проблем, происходила

адаптация к российским реалиям, а выпускники не были востребованы за пределами самой уммы, и б) джадидского, в рамках которого выпускники получали возможность легче адаптироваться в различных сферах российского общества [14].

Несмотря на то, что на территории Северного Кавказа описанные идеи обновления не получили широкого распространения [10], большинство консервативных правоведов не видели проблемы во внедрении гуманитарных и естественно-научных дисциплин. Светские дисциплины преподавались во многих медресе со времени их основания в Дагестане, и медресе становились зачастую центром не только религиозных наук, но и светских. Камнем преткновения становились непосредственно личности тех, кто были проводниками этих реформ - джадидиты, помимо инновационных взглядов на обучение, имели ряд расхождений с исламской ортодоксией в вопросах суфизма, калама, таклида и иджтихада.

В Дагестане главным предметом обсуждения и поводом для открытой вражды было неприятие традиционалистами ревизионистских попыток джадидитов в отношении взглядов на возможность иджтихада в современном мире, обязательности следования мазхабам и деятельности местных суфийских братств. То есть, ортодоксальные улемы противились не новым дисциплинам, а распространению идей «исламского модернизма», зарождавшегося тогда в Египте. Таким образом, разделение на джадидитов и традиционалистов вовсе не строилось на отношении к сторонним дисциплинам, а касалось гораздо более глубоких и не очевидных для сторонних наблюдателей вещей. Поэтому попытки представить историю исламского образования на Кавказе и, в целом, в России как некий путь эскапизма и идеологически выверенного курса на самоизоляцию от гуманитарных и естественно-научных дисциплин, которая часто встречается у советских авторов, оказываются выстроенными на изначально ограниченном понимании внутри-исламского дискурса прошлого века. Однако четкой системы исламского образования, в целом, к началу XX в. в России не сложилось.

В то же самое время пусть и далекая от совершенства система исламского образования, существовавшая в дореволюционной России, фактически была разрушена в советское время [15]. Ислам вытеснялся из общественной жизни страны, а профильные вузы сохранились только в Узбекистане [14; 16]. В результате, высшая и средняя ступени обучения были разрушены. Выжило лишь начальное образование, став более частным и тайным [10; 17].

БЛИЖНЕВОСТОЧНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ

Постсоветская реисламизация Северного Кавказа может рассматриваться как реакция на распад советской системы и сопутствующую аномию, а с другой стороны - как возвращение к исламской традиции, существовавшей в досоветский период, [18].

Можно сказать, что постсоветский период был временем религиозного энтузиазма: после нескольких десятилетий идеологической монополии и декларируемого атеизма религия снова стала играть важную роль в жизни людей. Вслед за этим начали открываться мусульманские учебные заведения. Возникновение первых из них относится к концу 1980-х гг. и, как правило, они финансировались зарубежными мусульманскими благотворительными организациями [14]. Вместе с распадом советской системы инфраструктура исламского образования начала постепенно восстанавливаться, однако фактически она стала воспроизводить традиционную модель, которая существовала в регионе в начале XX в. Досоветское исламское образование охватывало только уровень начальной школы. Как пишет А.Ярлыкапов, официальному исламскому образованию стали составлять конкуренцию «ваххабистские» учебные центры, отличающиеся внедрением военной подготовки и политико-идеологической индоктринацией как частью образовательной практики [10].

Интенсивная динамика постсоветских лет отразилась на дагестанских сообществах, в т.ч. дав толчок к переобретению религии, поскольку за годы встраивания в советскую идеологическую матрицу несколько поколений т.н. «этнических мусульман» сформировались во внеисламской среде. В 1990-е гг. этот разрыв, длиной в несколько десятилетий, стал заполняться со стремительной силой [19], делая этот процесс не поступательным, а хаотичным, что лишь приводило к новым противоречиям относительно того, что есть ислам и кого считать правоверным мусульманином. Уже начиная с перестройки, некогда существовавшие религиозные движения реактуализировались, а также появились новые; набирали силу такие тенденции, как распространение ваххабизма и одновременно - развитие суфийских тарикатов [20].

По мере того, как росли возможности для путешествий, усиливалось иностранное влияние, что сыграло важную роль в распространении салафитского фундаментализма. Жители Северного Кавказа не только совершали хадж, но и стремились получить международное образование, что привело к потере уважения к местному духовенству, которое, как правило, было старше и менее образовано [20].

Следует отметить, что концепция ваххабизма в контексте Дагестана фактически не связана с движением Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба (1703-1792), и представители этих движений не называют себя вахха-

битами. Это слово используется как собирательный образ для обозначения всех радикальных, по мнению властей, религиозных течений.

Конечно, ваххабиты в Дагестане не являются однородной группой. Однако их основу составляют молодые образованные люди. Часть из них получили религиозное образование на Ближнем Востоке, другие же учились в дагестанских религиозных центрах, созданных выпускниками ближневосточных вузов, вернувшись в Дагестан и открывшими там образовательные учреждения. При этом в деятельности таких учреждений обнаруживалось множество отклонений от «чистой» религии в исламских практиках Дагестана [21]. Ваххабитский дискурс был внедрен в политическую повестку республики, поскольку новые религиозные группы не были готовы к диалогу с властями, и последние были вынуждены вступить в союз с традиционным религиозным истеблишментом для борьбы с ваххабитами и мобилизовать Москву на борьбу с ними.

Тарикаты, влияние которых также усилилось в постсоветский период, являлись противовесом угрозам, связанным с т.н. «ваххабитами», из-за своей ориентации на местных шейхов и некоторых других особенностей. Тарикаты возникли в Дагестане в XIX в. и послужили духовным ответом на вырождение традиционного образа жизни из-за возросшего влияния Российской империи [20]. Таким образом, их можно считать традиционной формой ислама для Дагестана, но это верно только в отношении постсоветского периода, когда они воспринимались как оппозиция ваххабизму. В советское время представители тарикатов подвергались репрессиям или действовали подпольно.

Одной из тенденций постсоветского периода было вовлечение населения (в т.ч. женщин) в исламские образовательные структуры. Эта тенденция могла быть связана с интуитивным пониманием ими неоднородности религиозной ситуации в республике.

В 1992 г. был издан закон «Об образовании», предусматривавший формирование федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС). Среди них были ФГОСы по направлениям «Теология» и «Религиоведение». Это открыло возможности для начала подготовки богословов среди представителей различных конфессий в государственных и негосударственных вузах. Исламские религиозные учебные заведения открылись в Москве, Казани, Нижнем Новгороде и Махачкале. В то же время стало понятно, что развитие «внеконфессионального» богословия практически невозможно, и образовательный стандарт был расширен за счет предметов, преподаваемых во всех университетах - таких, как философия, социология, иностранные языки и др., а также история религий, право и т.д. [22].

Одной из главных тенденций 1990-х гг. для мусульманской молодежи стала также возможность получать высшее исламское образование за рубежом. Невозможность получить качественное исламское образование на родине подталкивала молодых людей массово уезжать за границу для обучения, что привело к усвоению ими идей и традиций, не характерных для мусульман России, а иногда и восприятию радикальных настроений [23].

Зайд Абдулагатов, зав. отделом в Институте истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, отмечает, что и в настоящее время исламское образование, полученное за рубежом, способствует салафитизации мусульман в Дагестане и провоцирует усиление межконфессиональной напряженности [24]. Так, Домитилла Саграмосо, преподаватель лондонского *King's College*, фиксирует тот факт, что различные исламские джамааты, возникшие в мусульманских республиках российского Северного Кавказа в начале 1990-х, зарождались как мирные религиозные организации. Но затем часть из них превратилась в боевые ячейки, схожие с джихадистскими движениями по всему миру [25]. Таким образом, можно предположить, что во многом поддержка развития собственной школы религиозного образования была связана с попыткой преодоления рисков описанных выше тенденций [10].

Нулевые годы характеризовались стабилизацией стихийного роста числа исламских образовательных учреждений, а также формированием ядра преподавателей религиозных дисциплин и собственных образовательных программ, а также были разработаны методики преподавания. О необходимости создания единой системы исламского образования неоднократно говорил председатель Духовного управления мусульман (ДУМ) РФ Равиль Гайнутдин [16], один из инициаторов учреждения Совета по исламскому образованию РФ (СИО) в 2010 г. Главными задачами Совета стали разработка образовательных стандартов и учебных программ, получение государственной аккредитации. Изначально Совет объединил более 20 учебных заведений, принадлежащих различным духовным управлениям и мусульманским организациям. Впоследствии список вузов и средних учебных заведений расширился [14; 16].

В 2006 г. также Советом муфтиев России была разработана Концепция развития исламского образования в России⁴, в которой в общих чертах обрисовывалась система исламского образования и программа действий - в частности, утверждение образовательных стандартов, аттестация исламских учебных заведений, унификация выдаваемых дипломов и т.д. А принятая в 2015 г. Концепция подготовки специалистов с

⁴ См.: <https://muslim.ru/articles/281/8580/> (accessed 17.05.2020)

углубленным знанием истории и культуры ислама уже в большей степени была сфокусирована на противодействии распространению радикальных исламских идей.

Современная система исламского образования, как и в прежние времена, состоит из трех уровней. Первый, начальный, зарождается в семье и религиозных группах в мечетях и направлен на формирование духовно-нравственного потенциала. Второй - базовый, представлен медресе и связан с овладением навыками обучения и развитием практических компетенций. При этом возможны различные траектории освоения этой ступени образования: одновременное обучение в школе и дополнительное - в медресе, обучение только в медресе после 9 класса, а также в медресе после завершения 11 класса школы. Третий уровень, высшей подготовки, связан с исламскими вузами и дает возможности профессионального совершенствования [26].

Среди проблем на пути развития и институционализации системы исламского образования в России наиболее часто исследователями отмечаются следующие: определение сфер профессиональной занятости выпускников, повышение престижности их деятельности [15], лицензирование и аккредитация, перспективы подготовки специалистов социально-гуманитарного и педагогического профиля, вопросы преподавания теологии в светских университетах [22], а также кадровые проблемы и оплата труда выпускников-имамов [14].

Одним из факторов, определяющих развитие системы исламского образования, исследователи также считают отношение к ней самих учеников и студентов, а также их родителей. Так, если, скажем, в Татарстане перевес на стороне родителей, которые хотели бы, чтобы их дети получали образование в области религии, то в Дагестане это соотношение оказывается обратным: число старшеклассников, которые видят свое дальнейшее профессиональное образование в этой сфере, превышает число родителей, разделяющих похожую точку зрения [15].

Описывая влияние процесса обучения в исламских вузах на свою жизнь, студенты исламских вузов отмечали, что стали более сдержанными и начали проявлять интерес к получению образования. «Я была непослушная, а сейчас изменилась на 180 градусов можно сказать. Религия же нас призывает к хорошему отношению к родителям», - отмечает студентка Дагестанского исламского университета. «Я сидела в телефоне, ничем не интересовалась, а оказывается, есть столько вещей, которые могут меня заинтересовать», - говорит студентка из Дагестанского гуманитарного университета (ДГИ).

Таким образом, налицо большая уверенность в себе как результат обучения в исламском вузе. Эта ситуация выглядит особенно проблемной в республике, где есть сильный запрос на формирование религиозной идентичности у постсоветской молодежи и где действительно повышены риски радикализации, в борьбе с которой официальное исламское образование как раз могло бы выступить нивелирующим инструментом.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВЫЗОВЫ

За 30 лет с момента распада Советского Союза на Северном Кавказе возникло множество исламских учебных заведений, что стало ответом на возросший запрос на религиозное самовыражение со стороны рядовых мусульман и острую на нехватку квалифицированных служителей культа. Развитие отрасли религиозного образования также связано с определенными вызовами, среди которых можно выделить следующие.

В первую очередь, речь идет о сопряжении деятельности исламских образовательных учреждений с нормативно-правовой базой РФ. В частности, это касается процедуры выдачи государственной лицензии и аккредитации, позволяющих исламским школам и вузам заниматься соответствующей деятельностью и предоставлять выпускникам дипломы единого образца.

Последнее достаточно важно, поскольку без сертификата о наличии высшего образования крайне сложно устроиться на приличную работу. Здесь следует обратить внимание на два аспекта данной проблемы.

Во-первых, отсутствие аккредитации и как следствие диплома государственного образца у выпускников исламских вузов. Это означает, что лица, окончившие исламские университеты в России де юре остаются людьми без высшего образования, что существенно ограничивает их дальнейшие траектории трудоустройства.

Во-вторых, сам по себе рынок труда для лиц, имеющих высшее религиозное образование даже в условиях Дагестана, крайне ограничен. Молодые люди выбирают исламские учебные заведения как религиозную траекторию карьеры с относительно понятными перспективами найти работу в будущем. На деле сфера деятельности выпускников зачастую ограничивается духовной или научной областями, и приходится искать альтернативные варианты, в том числе, например, работу в системе ФСИН по предотвращению радикализации заключенных.

Из вышесказанного вытекает и другой вызов, связанный с невозможностью удовлетворения запроса на религию со стороны населения в полном объеме. Большинство выпускников высших исламских учебных заведений Дагестана оказываются либо безработными, либо вынуждены заниматься работой, требующей низкой квалификации, многие из них испытывают чувство фрустрации и обиды как на официальных представителях духовных организаций, так и на государство. Что, в свою очередь, делает их потенциальным объектом вербовки со стороны и подпольных ячеек, остающихся в России, и экстремистских структур, базирующихся на Ближнем Востоке. Таким образом, уровень подготовки и, в целом, образовательной среды в исламских учебных заведениях может быть легко перехвачен радикальными течениями, предлагающими молодым людям яркие картинки своей деятельности и использующими агрессивные техники рекрутинга.

Опрошенные нами руководители исламских вузов Дагестана отмечали, что выпускники, получившие «правильное» исламское образование не застрахованы от «ухода в лес»⁵. Это, по их мнению, связано со сложностями поиска работы, коррупцией и в немалой степени - популярностью и авторитетностью радикальных движений.

Здесь важно отметить точку зрения, преобладающую среди многих студентов, выпускников и преподавателей исламских вузов Дагестана, что они могли бы прибегнуть к протестным действиям в «любой ситуации против ислама». С некоторыми оговорками (к примеру, относительно одобрения протестных действий джамаатом или отстаивания своих прав в рамках Конституции РФ), большинство респондентов выразили готовность участвовать в протестных акциях в случаях, угрожающих их религиозной идентичности.

Еще одна серьезная проблема - низкий уровень подготовки. Основной методологической сложностью на этом пути является фокус исламских вузов на корановедении в его базовом воплощении - чтении и заучивании текста Корана, а также физической подготовке. Практически во всех высших исламских учебных заведениях есть хорошо оборудованные спортзалы, а хорошая физическая подготовка является таким же неотъемлемым атрибутом выпускника исламского вуза, как и знание священных текстов. Нередко выпускные экзамены для студентов сводятся именно к проверке заученных сур и аятов Корана, а в качестве итоговой аттестации предлагается выучить весь Коран наизусть. При этом заучивание религиозных текстов, как правило, осуществляется за счет игнорирования гуманитарных и социальных дисциплин. В условиях отсутствия предметов, направленных на выработку навыков критического мышления и самостоятельного толкования священного текста, студенты и выпускники закономерно оказываются особенно подверженными влиянию различного рода толкований, в т.ч. радикального характера.

Наконец, проблема финансирования исламских вузов также несет в себе потенциальные риски социально-политической нестабильности. Большинство вузов либо получают символическую поддержку со стороны муфтиятов, либо не получают ее вовсе. Во многом существование исламских учебных заведений становится возможным благодаря пожертвованиям со стороны третьих лиц. При этом студент исламского вуза, как правило, получает полное обеспечение на протяжении всего периода обучения. Нехватка бюджетной поддержки чревата тем, что исламские вузы начинают ориентироваться на своих спонсоров и меценатов и в меньшей степени - на государство. Также есть и более глубокая проблема: студенты исламских вузов нередко испытывают чувство глубокой несправедливости по отношению государства к исламской религии.

«Студенты и выпускники конкретно нашего вуза, они несут обществу духовно-нравственное, патриотическое воспитание молодежи. Даже несмотря на то, что вуз не имеет государственной поддержки, он несет большую пользу. А что было бы, если бы у вуза была господдержка? Эта польза увеличилась бы в разы!», - говорит студентка Дагестанского гуманитарного института (ДГИ).

Здесь также следует отметить и ревностное отношение не только по отношению к светским учебным заведениям, но и к христианским. Так, например, другая студентка ДГИ в Махачкале на вопрос, должно ли государство им помогать, отвечает: «Да, конечно. В России каждый может выбирать свою религию, поэтому я не думаю, что не нужно. Если им помогаете, и нам помогайте».

Представители государства признают необходимость поддержки исламского образования и его интеграции в единое образовательное пространство [22]. Среди основных участников реализации стратегии развития исламского образования в России стоит выделить: Духовное управление мусульман, СИО, исламские вузы, медресе, центры повышения квалификации имамов и преподавателей исламских учебных заведений, государственные вузы и Фонд поддержки исламской культуры [14].

Базовым посылом со стороны государства по отношению к исламским вузам является призыв к стандартизации учебных планов и программ, а также расширение спектра преподаваемых дисциплин за счет светских предметов, что как раз могло бы способствовать унификации системы исламского образования.

⁵ Так в Дагестане принято говорить о лицах, присоединившихся к радикальным структурам (*прим. авт.*).

Тем не менее, здесь стоит учитывать тот факт, что в настоящее время исламские вузы на Северном Кавказе во многом выполняют функцию социализации той прослойки молодежи, которая может быть склонна к радикализации и у которой есть сильный запрос именно на религиозную составляющую образования. В этом случае перспектива получить «стандартное» университетское образование, пусть и с исламоведческим уклоном, не будет соответствовать стратегиям выстраивания их самоидентификации и может возникнуть риск потери этой регуляторной функции исламских университетов.

Кроме того, с учетом гетерогенности исламского дискурса в муфтиятах регионов России, идея выстраивания некой единой, унифицированной по стандартам светского образования, системы смотрится, как минимум, искусственной и оторванной от реальных запросов на образование со стороны исламских общин. Российский исламовед Игорь Алексеев называет создание такой системы вопросом чисто техническим, но отмечает: «В лучшем случае, это будет светское образование с исламоведческой составляющей, годное для подготовки функционеров и администраторов в сфере государственно-конфессиональных отношений, но оно не будет иметь никакого веса в религиозной среде, т.к. квалификация мусульманского ученого - богослова и правоведа - ни в какой мере не определяется государственными образовательными стандартами Российской Федерации» [27].

С другой стороны, существуют сложившиеся и наработанные веками традиции исламского образования в таких ближневосточных центрах, как, например, Аль-Азхар в Каире или Исламский университет имама Мухаммада ибн Сауда в Эр-Рияде и др. Авторитет этих учебных заведений высок среди представителей мусульманской уммы и может быть серьезным стимулом к поступлению в вуз, сформированный хотя бы формально по такому образцу. К тому же, достаточно широк спектр отраслей для трудоустройства выпускников - научная, духовная или медицинская сферы, а также возможность получить высокооплачиваемую работу в качестве переводчика.

Тем не менее, со стороны российского государства наблюдается настороженность, иногда небезосновательная, по отношению к религиозным идеям, привнесенным из-за рубежа. Так, приглашение иностранных преподавателей или развитие программ студенческого обмена может восприниматься как почва для распространения чуждых российскому исламу идей и, как следствие, потенциальной радикализации молодежи.

Особо подчеркнем, что понятие «традиционного ислама» в России является крайне размытым и, как правило, напрямую связывается с лояльностью того или иного направления существующему политическому курсу. И в этом смысле, в контексте перспектив развития системы исламского образования в России, можно было бы говорить только о закладывании фундамента российской школы понимания ислама, главным образом - через систему исламского образования. А попытки насаждения некой единой общероссийской системы, как уже было отмечено, представляются искусственными и не способными отвечать религиозным запросам населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из рассмотренных в статье проблем и вызовов системы исламского образования в России можно выделить два измерения, в контексте которых возможно ее дальнейшее развитие и/или реформирование.

Первое, краткосрочное, связано с модернизацией самого формата преподавания в сторону добавления пула общегуманитарных предметов и дисциплин, способствующих выработке навыков критического мышления и самостоятельного толкования текстов у студентов. В перспективе это может стать основой для формирования собственной теологической школы и формирования основ «традиционного ислама» для России.

При выработке долгосрочной стратегии можно обратиться к опыту ведущих ближневосточных религиозных образовательных центров, прежде всего, Университета аль-Азхар в Каире. Достаточно заимствовать организационную модель и маркетинговую стратегию, не привлекая при этом зарубежных («потенциально опасных») преподавателей, а наладив подготовку собственных квалифицированных кадров. Такие меры требуют устойчивого финансирования в противовес зарубежному. Всё это также могло бы способствовать как поддержанию высокого авторитета образовательных учреждений среди молодежи. Приток студентов, а также вольных слушателей, в университеты может служить профилактикой радикализации, и позволит решить многие кадровые вопросы в будущем, поскольку выпускники получили бы возможность работать не только в духовной и научной сферах, но и в более прикладных отраслях, включая профессии, напрямую не связанные с религией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курайши Д.А. Исламский фактор в политическом процессе современной России (на примере республик Северного Кавказа): докторская диссертация. М.: МГУ, 2009.

2. Ракитянский Н.М., Зинченко М.С. 2014. Политико-психологическая динамика реисламизации Северного Кавказа. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки.* № 2, с. 52-71.
3. Ярлыкапов А.А. 2013. Ислам на Кавказе и его влияние на конфликтность в регионе и России. *Сравнительная политика.* № 3, с. 133-155.
4. Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018. ISBN 978-5-227-07511-6
5. Стрельцов Д.В. (под ред.). Россия и страны Востока в постбиполярный период. М.: Аспект Пресс, 2014.
6. Ярлыкапов А.А. Современный ислам на Кавказе: глобальное и региональное. *МГИМО.* 04.03.2015. <https://mgimo.ru/about/news/experts/268592/> (accessed 17.05.2020)
7. Васильев А.М., Исаев Л.М., Коротаяев А.В., Шишкина А.Р. 2018. Инструменты «мягкой силы» ИГ: типология и оценка эффективности. *Азия и Африка сегодня.* № 12, с. 3-10. DOI:10.31857/S032150750002565-3
8. Исаев Л.М., Коротаяев А.В., Медведев И.А., Айсин М. 2020. Исламский терроризм на Ближнем Востоке и его влияние на мировую безопасность. *Вестник РУДН. Серия: Политология.* № 4, с. 713-730.
9. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана: материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала: ДагФАН СССР, 1964.
10. Yarlykapov A. 2003. Revival of Islamic Education in the Northern Caucasus. *Central Asia and the Caucasus.* № 1, pp. 166-168.
11. Ярлыкапов А.А. Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и настоящем. *Вестник Евразии: Образование.* 2003, с. 5-31.
12. Буттаева А.М., 2018. Общий взгляд на состояние исламского образования в современном Дагестане. *Образование и духовная безопасность.* № 1, с. 9-14.
13. Kefeli A.N. Becoming Muslim in imperial Russia: Conversion, apostasy, and literacy. Cornell University Press, 2014.
14. Мухаметшин Р.М., 2015. Стратегические направления развития мусульманского образования в России. *Ислам в современном мире.* № 4, с. 35-46.
15. Шаповалов А.В. 2011. Проблемы институционализации исламского образования в современной России. *Власть.* № 3, с. 107-110.
16. Гайнутдин Р.В. Ислам: Ответ на вызовы времени: выступления, статьи, интервью, документы. 1994-2008 гг. М.: Эксмо, 2011.
17. Ахмадуллин В.А., 2015. Особенности советской системы двухуровневой подготовки исламских кадров: опыт и уроки. *Ислам в современном мире.* № 2, с.153-164.
18. Bobrovnikov V. 2001 Al-Azhar and Shari'a Courts in Twentieth Century Caucasus. *Middle Eastern Studies.* № 4, pp. 1-24.
19. Ware R., Kisriev E., Patzelt W., Roericht U. 2003. Political Islam in Dagestan. *Europe-Asia Studies.* № 2, pp. 287-302.
20. Kisriev E., & Ware R. 2002. Irony and political Islam: Dagestan's spiritual directorate. *Nationalities Papers.* № 4, pp. 663-689.
21. Gammer M. 2002. Walking the tightrope between nationalism(s) and Islam(s): the case of Dagestan. *Central Asian Survey.* № 2, pp. 133-142.
22. Shmonin D. 2013. Theology in Secular and Denominational Universities in Contemporary Russia: Problems and Prospects for the Development of Religious Education. *Islamic Education in Secular Societies.* Frankfurt am Main. Pp. 237-246.
23. Хайретдинов Д.З. 2012. Основные тенденции развития мусульманских образовательных учреждений России. *Евразия: духовные традиции народов.* № 3, с. 47-49.
24. Абдулагатов З.М. 2014. Влияние зарубежного исламского образования на конфессиональное сознание мусульман Дагестана. *Исламоведение.* № 3, с. 77-87.
25. Sagramoso D. 2012. The Radicalisation of Islamic Salafi Jamaats in the North Caucasus: Moving Closer to the Global Jihadist Movement? *Europe-Asia Studies.* № 3, pp. 561-595.
26. Калимуллин Р.Х. Модернизация трёхуровневой системы исламского образования. *Фундаментальные исследования.* 2015, № 2.
27. Алексеев И.А. Подавляющее большинство мусульман ведет мирный образ жизни. *Газета.ru.* 21.05.2013. https://gazeta.ru/science/2013/05/21_a_5330973.shtml (accessed 17.05. 2020)

REFERENCES

1. Qurayshi D.A. 2009. Islamic factor in the political process of modern Russia (on the example of the Republics of the North Caucasus): Doctoral thesis. Moscow (In Russ.)
2. Rakityansky N.M. & Zinchenko M.S. 2014. Political and psychological dynamics of the re-Islamization in the North Caucasus. *Moscow State University Bulletin. Series 12. Political Science.* . Pp. 52-71. (In Russ.)
3. Yarlykapov A.A. 2013. Islam in the Caucasus and its influence on conflict in the region and in Russia. *Comparative Politics,* pp. 133-155. (In Russ.)
4. Vasiliev A.M. 2018. From Lenin to Putin. Russia in the Near and Middle East. Moscow. (In Russ.). ISBN 978-5-227-07511-6
5. Streltsov D.V. (ed.) 2014. Russia and the countries of the East in the post-bipolar period. Moscow. (In Russ.)
6. Yarlykapov A.A. Contemporary Islam in the Caucasus: Global and Regional. *MGI MO.* (In Russ.). <https://mgimo.ru/about/news/experts/268592/> (accessed 17.05.2020)
7. Vasiliev A.M et al. 2018. Tools of ISIS 'soft power': typology and efficiency assessment. *Asia and Africa Today.* № 12, pp. 3-10 (In Russ.). DOI:10.31857/S032150750002565-3
8. Issaev L.M. et al. 2020. Islamic terrorism in the Middle East and its impact on world security. *RUDN Bulletin. Series: Political Science.* № 4, pp. 713-730. (In Russ.)
9. Ramazanov Kh.Kh. & Shikhsaidov A.R. 1964. Essays on the history of Southern Dagestan: materials for the history of the peoples of Dagestan from ancient times to the beginning of the 20th century. Makhachkala. (In Russ.)
10. Yarlykapov A. 2003. Revival of Islamic Education in the Northern Caucasus. *Central Asia and the Caucasus.* № 1, pp. 166-168.

11. Yarlykapov A.A. 2003. Islamic education in the North Caucasus in the past and present. *Bulletin of Eurasia: Education*. (In Russ.)
12. Buttayeva A.M. 2018. General view of the state of Islamic education in modern Dagestan. *Education and spiritual security*. Pp. 9-14. (In Russ.)
13. Kefeli A.N. 2014. *Becoming Muslim in imperial Russia: Conversion, apostasy, and literacy*. Cornell University Press.
14. Mukhametshin R.M. 2015. Strategic directions for the development of Muslim education in Russia. *Islam in the Modern World*. Pp. 35-46. (In Russ.)
15. Shapovalov A.V. 2011. Problems of the institutionalization of Islamic education in modern Russia. *Power*. Pp. 107-110 (In Russ.)
16. Gaynetdin R.V. 2011. *Islam: Responding the challenges of the time: speeches, articles, interviews, documents. 1994-2008*. Moscow. (In Russ.)
17. Akhmadullin V.A. 2015. Features of the Soviet system of two-level training of Islamic personnel: experience and lessons. *Islam in the modern world*. Pp. 153-164. (In Russ.)
18. Bobrovnikov V. 2001 Al-Azhar and Shari'a Courts in Twentieth Century Caucasus. *Middle Eastern Studies*. № 4, pp. 1-24.
19. Ware R., Kisriev E., Patzelt W., Roericht U. 2003. Political Islam in Dagestan. *Europe-Asia Studies*. № 2, pp. 287-302.
20. Kisriev E., & Ware R. 2002. Irony and political Islam: Dagestan's spiritual directorate. *Nationalities Papers*. № 4, pp. 663-689.
21. Gammer M. 2002. Walking the tightrope between nationalism(s) and Islam(s): the case of Daghestan. *Central Asian Survey*. № 2, pp. 133-142.
22. Shmonin D. 2013. Theology in Secular and Denominational Universities in Contemporary Russia: Problems and Prospects for the Development of Religious Education. *Islamic Education in Secular Societies*. Frankfurt am Main. Pp. 237-246.
23. Khairtdinov D.Z. 2012. The main trends in the development of Muslim educational institutions in Russia. *Eurasia: Spiritual Traditions of Peoples*. Pp. 47-49 (In Russ.)
24. Abdulgatov Z.M. 2014. Impact of foreign Islamic education on the confessional consciousness of Muslims of Dagestan. *Islamic Studies*. № 3, pp. 77-87 (In Russ.)
25. Sagramoso D. 2012. The Radicalisation of Islamic Salafi Jamaats in the North Caucasus: Moving Closer to the Global Jihadist Movement? *Europe-Asia Studies*. № 3, pp. 561-595.
26. Kalimullin R.Kh. 2015. Modernization of the three-tier Islamic education system. *Fundamental Studies*. № 2. (In Russ.)
27. Alekseev I.A. Most of Muslims lead a peaceful life. *Gazeta.ru*. (In Russ.). https://www.gazeta.ru/science/2013/05/21_a_5330973.shtml (accessed 17.05. 2020)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Исаев Леонид Маркович, к.полит.н., доцент НИУ ВШЭ;
ст.н.с. ИАФР РАН и РУДН, Москва, Россия.

Leonid M. Issaev, PhD (Political Science), Associate Professor, HSE University; Senior Researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences & RUDN University. Moscow, Russia.

Шишкина Алиса Романовна, к.полит.н., ст.н.с. НИУ ВШЭ и ИАФР РАН, Москва, Россия.

Alisa R. Shishkina, PhD (Political Science), Senior Researcher, HSE University & Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Иванов Евгений Александрович, м.н.с. преподаватель, Департамент политики и управления, НИУ ВШЭ, Москва, Россия; м.н.с. РУДН, Москва, Россия.

Evgeny A. Ivanov, Junior Researcher, Lecturer, School of Politics and Governance, HSE University, Moscow, Russia; Junior Researcher, RUDN University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 29.09.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.11.2021

Принята к публикации
(Accepted) 12.12.2021

Формирование наций в постколониальных государствах Субсахарской Африки: Танзания, Замбия и Уганда в сравнении

© Бондаренко Д.М.^a, 2022

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-2020-3553; dbondar@hotmail.com

Резюме. В статье рассматривается процесс становления наций в трёх постколониальных государствах Африки - Танзании, Замбии и Уганде. Особое внимание уделено историко-культурным аспектам этого процесса. Показано, что сегодня вследствие лучших исторических предпосылок Танзания ближе, чем Замбия, Уганда и вообще большинство стран Субсахарской Африки, подошла к сложению нации в ее классическом, т.е. основанном на историческом опыте Европы Нового времени, понимании - как общности сограждан, приверженных единым базовым ценностям, обладающих единой культурой и идентичностью поверх локальных и частных - этнических, региональных, конфессиональных - культур и идентичностей с их системами ценностей. Общности, для которой лояльность одному для всех них национальному государству первична по отношению к обусловленным ими различиям. В Замбии же и Уганде локальные идентичности, особенно трибальные («племенные») и этнические, более значимы, чем в Танзании. В наше время государства Запада вынуждены отходить от классической концепции нации как культурно целостной общности и искать решения проблемы поддержки единства своих граждан при сохранении культурного многообразия, принесённого в последние десятилетия мигрантами со всего мира. В этой связи в статье ставится вопрос: с учётом глобальной тенденции мультикультурализации, особенно явно проявляющейся сегодня на Западе, не оказывается ли положение Замбии, Уганды и большинства подобных им постколониальных стран не менее перспективным, чем Танзании, с точки зрения формирования наций современного, мультикультурного, типа?

Ключевые слова: постколониальное государство, национальное строительство, историко-культурные факторы, мультикультурность, Танзания, Замбия, Уганда

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-18-00454, <https://rscf.ru/project/18-18-00454/>

Для цитирования: Бондаренко Д.М. Формирование наций в постколониальных государствах Субсахарской Африки: Танзания, Замбия и Уганда в сравнении. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 1. С. 15-23. DOI: 10.31857/S032150750018295-6

Nation-building in Post-colonial Sub-Saharan African states: Tanzania, Zambia, and Uganda compared

© Dmitri M. Bondarenko^a, 2022

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-2020-3553; dbondar@hotmail.com

Abstract. In the form the nation-state is known until now, it formed in Europe and North America in the Early Modern time and flourished in the 19th and 20th centuries, being adequate to realities of the world of industrial capitalism and cultural nationalism. However, other trends, related to super-intensive globalization and post-industrialism, are dominating in the world nowadays. At present, the Western states have to depart from the classical concept of the nation and seek solutions to a completely different problem - of supporting their citizens' unity at preservation of cultural diversity brought by migrants from all over the world in recent decades. Under the current circumstances, it should not be ruled out that post-colonial states, most of which are multicultural initially due to their unique history of formation, can find themselves in an advantageous position, if they abandon attempts to build nations according to the outdated classical Western pattern. While irreversible globalization is associated with Modernity started in the West half a millennium ago, nation-building in contemporary post-colonial countries shows that globalization is by no means equal to Westernization, and that Modernity as a historically specific type of society and culture, splits into multiple modernities.

The theoretical analysis is proved by comparison of the evidence from three post-colonial African states: Tanzania, Zambia, and Uganda. Although today, Tanzania is closer than Zambia and Uganda (as well as most other African countries) to formation of the nation in the classical Western sense, the author admits that the global trend towards multiculturalization of nations may become no less advantageous for countries like Zambia and Uganda. However, it is emphasized in the paper that proper leadership based on an ideology of multicultural nation is a necessary prerequisite for realization of these favorable conditions.

Keywords: post-colonial state, nation-building, historical and cultural factors, multiculturalism, Tanzania, Zambia, Uganda

Acknowledgement. The research is supported by the Russian Science Foundation, grant № 18-18-00454, <https://rscf.ru/en/project/22-28-00734/>

For citation: Bondarenko D.M. Nation-building in Post-colonial Sub-Saharan African states: Tanzania, Zambia, and Uganda compared. *Asia and Africa today*. 2022. № 1. Pp. 15-23. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018295-6

ВВЕДЕНИЕ

В статье рассматривается процесс строительства наций в его важнейших историко-культурных аспектах в трёх постколониальных государствах Африки: Танзании, Замбии и Уганде - странах, в которых между 2003 и 2018 гг. автор проводил полевые исследования этого вопроса. Географически эти страны образуют кластер или цепочку, поскольку Танзания граничит на севере с Угандой и с Замбией на юге. Исторически же их связывает то, что все эти страны в прошлом были британскими владениями (континентальная часть Танзании до того принадлежала Германии).

В предыдущих работах (см., например: [1], нами было показано, что сегодня Танзания ближе, чем большинство африканских стран, подошла к появлению нации в её классическом, т.е. новоевропейском, виде: как сообщества сограждан, разделяющих единую систему ценностей, принадлежащих к одной национальной культуре, в чьём сознании общегражданская идентичность доминирует над частными и локальными идентичностями, а лояльность национальному государству важнее делений по региональному, религиозному, этническому или какому-либо еще признакам. Для большинства других постколониальных обществ, в т.ч. замбийского и угандийского, частные, локальные идентичности гораздо значимее, чем для танзанийского.

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ И СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ

По нашему мнению, существенные различия с точки зрения сложения постколониальных наций между Танзанией - с одной стороны, и Замбией и Угандой - с другой, имеют историческую основу. Они связаны с различиями в историческом прошлом этих стран - доколониальном и колониальном - и его интерпретациях в период независимости. В противоположность Замбии и Уганде, в Танзании социокультурная основа, сегодня единая для подавляющего большинства населения, начала формироваться задолго до установления колониального режима (сначала, с 1885 г. - германского, а в 1919-1961/63 гг. - британского). Эта основа - культура суахили с её письменным языком. Благодаря этому в Танзании рост национального самосознания может проявляться преимущественно (хотя, конечно, не исключительно) на уровне не отдельных народов, а почти всего её автохтонного населения.

То, что культура и язык относительно небольшого даже сегодня прибрежного народа суахили начали широко распространяться вглубь материковой части страны только в XIX в. - несомненный исторический факт. Более того, расширение ареала суахилийских культуры и языка происходило не без участия европейских миссионеров, часто проповедовавших на суахили и сделавших его языком преподавания в миссионерских школах [2, с. 256; 3, pp. 34-36]. К тому же и культура, и язык суахили еще в Средние века и раннее Новое время впитали множество арабских элементов.

Тем не менее, сегодня огромная часть танзанийцев, независимо от происхождения и религиозной принадлежности, с гордостью причисляет себя к носителям суахилийской культуры, воспринимая ее как автохтонную - однозначно африканскую, не связанную с колониальным наследием - и объединяющую людей различных местных «племен» в танзанийскую нацию поверх (но не вместо) их локальных «племенных» идентичностей [4; 5].

В самом деле, африканцы, как правило, знают происхождение (не только «племенное» - этническое, но и региональное) своих друзей, соседей и коллег, но знать - не обязательно означает ставить во главу угла. Как сказал один из респондентов, «мы (танзанийцы. - Д.Б.), в известном смысле, этнически слепы. ... Если ты хочешь потерять уважение людей, повторяй каждый раз: “Из какой ты этнической группы или региона?” В конце концов, кто-нибудь решится спросить тебя: “Ну, а какая разница?”».

Для танзанийцев культура суахили, включая язык, - исток и основа танзанийской нации, таким образом, по их убеждению, не обязанной самим своим появлением европейцам и европейскому колониализму.

Вот несколько из множества типичных высказываний на этот счет танзанийцев разного возраста, уровня образования и социального положения: «Танзанийская нация существует, и она едина, потому что мы все говорим на одном и том же языке - суахили. В Танзании более 120 племен, но язык суахили объединяет нас всех ...»; «Да, есть танзанийская нация. Суахили - это не этничность. Неважно, является ли танзаниец по происхождению *гого* или *лугуру*, или кем-то еще, мы объединены тем, что все говорим на языке суахили»; «Быть танзанийцем означает уметь говорить на суахили»; «Я уверен, что единая танзанийская нация существует, потому что у нас есть общий язык - суахили»; «Мы все говорим на суахили, мы все - братья и сестры».

Многочисленные интервью с респондентами подтверждают правоту проф. Н.В.Громовой [6, с. 92], утверждающей, что, в целом, «...этнолингвистическая ситуация в Танзании характеризуется заметным преобладанием языка суахили и его использованием во всех ключевых функциях коммуникативной сферы. Языки относительно крупных этносов, таких, как сукума, ньямвези, хайя и некоторых других, сохраняющих компактность проживания, находятся не в столь угрожающем положении, как языки мелких этносов,

которые могут исчезнуть в недалеком будущем под влиянием мобильности и динамики современного языка суахили» (см. также [7; 8]).

Культура суахили служит не только основой для формирования, но и средством конструирования танзанийской нации с первых лет независимости. Официальная идеология, базирующаяся на «теории уджамаа», разработанной первым президентом страны Джулиусом К.Ньерере, в немалой степени поспособствовала утверждению в сознании граждан представления о танзанийской нации не как о наследии колониализма (что, как отмечалось выше, в определенной степени так и есть, притом, что именно в колониальный период язык и культура суахили распространились и утвердились во всей Танганьике): «... *нация*, которая в теории уджамаа является носителем национальной культуры, передаваемой через язык суахили, в действительности есть *государство*. Таким образом, государственная идеология и национальная культура становятся синонимами; это неоправданная синонимия, которая позволяет путать “объективную” культуру суахили (историческую культуру прибрежных обществ) и “субъективную” политическую культуру суахили (т.е. [культуру] современной Танзании)...» [9, р. 18. *Выделено автором*]. Государство и нация оказываются проявлениями единой сущности - как два лика Януса, как две стороны одной медали.

Напрямую связанная с государственной идеологией языковая политика, направленная на усиление позиций суахили как официального языка, также вносит существенный вклад во внедрение в сознание граждан страны убежденности в давнем самостоятельном сложении танзанийской нации. «В то время как принятие национального языка было неизбежным аспектом создания общего национального интереса, принятие четкой политической идеологии, как и установление сильного [политического] лидерства, стало важным инструментом, посредством которого можно было добиться легитимности [государства] и [сложения] нации» [10, р. 61]. Эта тенденция стала особенно сильной в последние годы, но Дж.К.Ньерере утверждал отношение к суахили как к единственному национальному языку Танзании с момента обретения страной независимости, и такой статус был законодательно закреплен за ним в 1967 г.

Тогда как существование с доколониальных времен автохтонных языка и культуры суахили, в раннеколониальный период распространившихся по всей стране, делает Танзанию счастливым исключением из правила, Замбия и Уганда, подобно большинству постколониальных государств, особенно африканских, не имеют такой основы национального единства. Ни одна из местных культур не в состоянии играть эту роль; интеграция народов современных Замбии и Уганды началась (вынужденно и противоречиво) только в колониальный период, вследствие установления колониальных режимов. Таким образом, исторической и культурной основой формирования замбийской и угандийской наций не может служить ни что иное, кроме колониального социокультурного наследия, включая язык бывшей метрополии - английский.

Некоторые наши респонденты в этих странах отмечали, что проживающие в каждой из них народы «имеют сходства в культурах и традициях», «говорят на схожих языках» и т.п., но, конечно, никто из них не мог утверждать, что они принадлежат к одной автохтонной культуре в том смысле, в каком танзанийцы огромного этнического происхождения причисляют себя к носителям культуры суахили. В то время как большая часть танзанийских респондентов утверждала, что единая танзанийская нация существует, большинство собеседников в Замбии и Уганде представляли свои страны как конгломераты «племен» (этнических групп) со своими языками и культурами.

В этих странах государствам приходится пытаться интегрировать население в нации, стараясь усилить довольно слабое культурное единство, которое начало появляться только в границах колоний и на основе языка бывшей колониальной державы (хотя, в частности, в Замбии государство с 1990-х гг. предпринимает попытки представить многоязычие и, следовательно, поликультурность не как препятствие, но, напротив, как фактор, способствующий строительству нации [11; 12, р. 67]). Как пишет сенегальский африканист Э.Ньянг, «...постколониальные государства построены на морально и этически неопределенных основаниях. ...Никогда не было... ясно, чем постколониальное государство должно было быть или какие добродетели и мораль оно должно было создавать или культивировать в африканских народах. ...Постколониальное государство не предложило никакого морального разрешения дилеммы “общины”, социальной солидарности и легитимной власти» [13, pp. 201, 202].

Примечательно, что в Танзании единство автохтонной культуры суахили для подавляющего большинства граждан африканского происхождения своей оборотной стороной имеет склонность некоторой части из них не считать членами своей нации сограждан - представителей этнорасовых меньшинств, образовавшихся в доколониальную и колониальную эпохи, главным образом, арабов и выходцев из Южной Азии, обобщенно именуемых «индийцами» [1, с. 227-229; 14].

В Замбии отсутствие подобной интегрирующей местной культуры и вынужденная опора на колониальное наследие привели к лучшему отношению к подобным сообществам, крупнейшим из которых является индийское [15; 16]. В Уганде диктатор Иди Амин в 1972 г. изгнал из страны южноазиатское по происхождению меньшинство - т.н. азиатов. В конце XX - начале XXI вв. лишь небольшая часть «азиатов» и их потомков вернулась в Уганду. Тем не менее, южноазиатская община восстановила прежние видные позиции в экономической жизни страны, проводя отдельных представителей коренного населения (в частности,

некоторых наших респондентов) на положительные оценки изгнания «азиатов» в 1972 г. Очевидно, что те события были вызваны нежеланием И.Амина в сплочении граждан опереться на колониальное наследие, как в Замбии, при отсутствии интегрирующей доколониальной автохтонной культуры, как в Танзании, и невозможностью сделать ставку на поддержку одного из крупных этносов страны, поскольку сам он был смешанного этнического происхождения, и по отцу, и по матери принадлежал к немногочисленным народам - каква и лугбара. В такой ситуации ему ничего не оставалось, кроме как пытаться объединить угандийцев вокруг собственной персоны, в т.ч. на основе ненависти к носителям иной и достаточно закрытой культуры, резко выделявшимся экономическим благополучием.

АВТОХТОННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ

Более того, с точки зрения перспектив построения наций Замбия и Уганда имеют, как минимум, еще один сдерживающий фактор по сравнению с Танзанией. В доколониальные времена на территории Танганьики (континентальной части Танзании) не сложились централизованные экспансионистские политические образования, за исключением королевства Шамбаа (Шамбала) одноименного народа. Если бы их возникло несколько, в постколониальном государстве они могли бы стать центрами трибалистского этнического регионализма или сепаратизма и пробуждать у соседних народов историческую память об их угнетении предками нынешних сограждан. В Танзании же потенциальное сопротивление относительно слабых вождей было эффективно и без больших сложностей пресечено на заре независимости страны. Пусть их неформальное влияние и сохранилось [17], они не могут представлять собой силы, противостоящей строительству нации. Некоторые наши респонденты указывали на отсутствие трибализма как признак существования танзанийской нации наряду с языком и культурой суахили.

В то же время на территории Замбии в доколониальный период возвысились, как минимум, четыре мощные политии: народов *бемба*, *лози* (*баротсе*), *лунда* и *чева*. После провозглашения независимости, в частности, лидеры *бемба* и *баротсе* попытались обеспечить политическое доминирование в стране своих народов, и первому президенту Замбии Кеннету Д.Б.Каунде потребовалось приложить много усилий, включая и осуществление репрессивных мер, и раздачу высоких государственных должностей, чтобы взять над ними верх [18, с. 129-138; 19, с. 175; 20, pp. 261-263]. Однако с переходом к многопартийности в 1990-е гг. этнический фактор громко заявил о себе вновь - несколько политических партий было создано на этнической основе [12, р. 63]. Особую остроту приобрела борьба между политическими организациями *бемба* и *лози*, подогревавшаяся чувством особой исторической значимости каждого из этих этносов в сердцах активистов. Другой проекцией на постколониальную современность доколониального прошлого в Замбии является не теряющий болезненности с первых лет независимости вопрос о предоставлении автономии Баротселенду - бывшему королевству *лози* [19; 12, pp. 63-64, 68-69]. Показателен ответ студентки на вопрос «Что необходимо сделать в сфере отношений между народами Вашей страны?» - «Улучшить их путем избавления от комплекса неполноценности, который отдельные люди из некоторых народов испытывают по отношению к другим народам, например, к бемба и лози».

Так же и в Уганде накануне провозглашения в 1894 г. британского протектората на региональной политической сцене доминировали четыре королевства: Буганда народа *ганда* было самым могущественным, за ним следовали Буньоро *ньоро*, Нкоре, или Анколе, народа *ньянке* и Торо одноименного этноса. Несмотря на искренние утверждения многих респондентов в этой стране о том, что они горды быть угандийцами и что угандийская идентичность очень важна для них, почти все они акцентировали и свою этническую принадлежность. Особенно характерно это для *ганда*, многие из которых называли свой народ «центральным народом» Уганды в географическом и политическом отношении, но также в историческом и культурном, утверждая, что *ганда* некогда «цивилизировали» другие «племена» современной Уганды, «дали им свою культуру и цивилизацию».

Вот типичное высказывание: «Сегодня ганда принимают другие племена: они позволяют другим племенам приходить в свое королевство, делятся с ними своей культурой. Ганда интегрируют угандийцев. Буганда как королевство объединяет Уганду. Так что сегодня нация едина потому, что она объединяется Королевством Буганда». Наши интервью ясно показывают, что эта концепция гандийского этнонационализма, даже исключительности *ганда* основывается на постулате о политическом и культурном доминировании в регионе Королевства Буганда накануне колониализма и на желании не просто восстановить, но и официально закрепить его исключительное положение в рамках Республики Уганда в будущем.

Если танзанийское законодательство не признает власть вождей с 1962 г., т.е. еще со времен до объединения Танганьики и Занзибара в Объединенную Республику Танзания, то Конституция Замбии 1996 г. провозгласила воссоздание некогда упраздненной К.Д.Б.Каундой Палаты вождей при национальном парламенте.

Как прямо заявил в беседе с нами один из ее членов, Палата старается оказывать влияние на все сферы общественной и политической жизни страны и на региональном, и на общегосударственном уровне, не-

смотря на то, что официально ее прерогативы ограничиваются т.н. «традиционными вопросами». Деревенские и окружные вожди также являются весьма влиятельными фигурами на своих уровнях компетенции (например, как нам удалось выяснить в ходе полевого исследования, их невозможно обойти добывающим компаниям, даже крупным зарубежным, желающим разрабатывать недра на подвластных им землях). Ситуация с вождями в Замбии настолько типична для современной Африки (при всем многообразии их официальных статусов и неформальных позиций в разных странах континента), что американский антрополог К.Болдуин сосредоточилась именно на них в своем исследовании «парадокса традиционных вождей в демократической Африке» [21, р. 83-146].

В Уганде президент А.М.Оботе объявил традиционных правителей вне закона на следующий год после свержения им в 1966 г. первого президента страны и одновременно *кабаки* (короля) Буганды Эдуарда Мутесы (Мутесы II). Отказался восстановить их власть и И.Амин, сменивший А.М.Оботе. Однако находящийся на посту президента по сей день Йовери К.Мусевени вскоре после прихода к власти в 1986 г. снова официально признал традиционных правителей В Уганде существует множество местных титулованных особ различного ранга; как сказал один респондент, «многие из них настолько бедны и незначительны, что у них даже нет собственных автомобилей». Однако некоторые - очень влиятельные персоны. Особенно это утверждение верно по отношению к *кабаке* Буганды. Американский африканист М.Карлстрём показал, что чувство «коллективного будущего» ганда - современное (*modern*), но отчетливо гандийское, поскольку оно укоренено в вере в нерушимость власти *кабаки* и нерасторжимость мистической связи между ним и его народом [22; 23].

Результаты наших полевых исследований дают все основания утверждать, что эти идеи только укрепились в головах большинства *ганда* со времени работы среди них М.Карлстрёма в 1991-1996 гг. Практически все наши респонденты-*ганда* признавали себя подданными *кабаки* и при этом многие открыто заявляли, что для них он важнее, чем президент Уганды. Как сказал один из них, «Поскольку вы - не ганда, вы не можете понять нас. Но у нас *кабака* - в крови и костях, тогда как президент - это кто-то, чья должность была придумана для нас британцами».

Кабака - живой символ и вместилище идентичности и культуры *ганда*, их бывшего могущества, сегодняшней славы и будущего величия. Колоссальная честь для *ганда* - получить сертификат подданного *кабаки*, подписанный самим правителем, взятый в рамку, он займет самое видное место в жилище своего обладателя. Почитание *кабаки* происходит, например, в форме добровольного совершения подношений его духу в священной роще Ссезибва.

С 1966 по 1986 гг. монархия семья Буганды проживала в изгнании. В 1986 г. она вернулась на родину, а в 1993 г. традиционная монархия *ганда* была восстановлена. Положение *кабаки* в сегодняшней Уганде не обусловлено просто «уважением к традициям»: он один из богатейших и политически влиятельнейших людей страны; возможно, второй после президента Республики. Помимо пышного двора *кабаки*, занимающего дворец в столице Уганды Кампале, важность Буганды в рамках Республики Уганды проявляется в существовании у нее собственных кабинета министров и парламента, также располагающегося в Кампале. По размерам и тщательности охраны дворец *кабаки* и здание парламента Буганды вполне сопоставимы с президентским дворцом и зданием национального парламента.

Другие традиционные правители Уганды не столь влиятельны, как *кабака* Буганды, но королевства Буньоро, Торо, Бусога (народа *сога*) и Рвензуруу (народов *конджо* и *амба*) тоже имеют собственные политические институты, параллельные органам угандийского государства. Следует отметить, что Бусога превратилась в королевство только в колониальный период, а Рвензуруу - даже в ранний постколониальный.

Подданные правителей всех этих королевств (как и множества более мелких правителей по всей стране) не менее преданны им, чем ганда *кабаке*. Для них их короли и вожди - тоже вместилища этнической и культурной идентичности их народов. «Чтобы обозначить свою идентичность, я должен принадлежать к определенному королевству. Поэтому вы можете увидеть, что многие люди здесь (в Уганде. - Д.Б.) уважают королевства. И вы даже можете сказать, что они уважают их больше, чем угандийское правительство», - объяснил один из образованных собеседников. Как сказал же, например, старик крестьянин: «Поскольку я *сога*, я должен признавать короля *сога*: его власть обязательна, и с этим ничего нельзя поделать».

С этой точки зрения естественно, что для многих граждан, даже несмотря на их приверженность Уганде как нации, «король важнее президента», как заключил другой респондент-*сога*. «Важно быть и угандийцем, и подданным короля, но я думаю, что быть подданным моего королевства - более важно в моей жизни», - сказала женщина-*ганда*, и она была далеко не единственным респондентом, утверждавшим это.

Также неудивительно, что нередко собеседники говорили, что в стране «до сих пор существует некоторая разобщенность по племенам» (хотя некоторые другие угандийцы подчеркивали вклад в недостаточную крепость национального единства социально-экономической стратифицированности общества или существующих в нем политических противоречий). По словам респондента, «моя идентичность *сога* - естественная, а искусственная - угандийская, потому что в наши дни ты должен иметь паспорт Уганды. Но здесь (в Уганде. - Д.Б.) я мусога, он муганда (ед.ч. от «сога», или «басога», и «ганда», или «баганда», соответственно. - Д.Б.). Вот как мы идентифицируем себя».

РЕЛИГИИ И СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ

Еще одним важным культурным фактором, влияющим на сложение наций, является религиозная ситуация в том или ином государстве, особенности которой также коренятся в его прошлом; в Африке, - доколониальном и колониальном. Эта ситуация различна в трех рассматриваемых нами странах, притом, что во всех них т.н. «традиционные», т.е. автохтонные, религии оттеснены на задний план религиями мировыми - христианством и исламом, сохраняясь в чистом виде в некоторых глубинных районах и более широко - в форме двоеверия. При этом и христианство, и ислам представлены огромным множеством мелких и крупных ответвлений.

В Танзании ислам утвердился (особенно прочно - на островах и побережье Индийского океана) задолго до европейского колониализма, который принес с собой широкое распространение христианства, прежде всего, в форме католицизма, лютеранства и англиканства.

Оценки современной численности христиан и мусульман в Танзании разнятся (а официальная фиксация религиозной принадлежности, например, при переписи населения запрещена), но можно утверждать, что христиане и мусульмане составляют, соответственно, примерно 60% и 35% населения страны (см., например: [24]¹). В государственных институтах заметно преобладание христиан, что мусульманами иногда воспринимается как проявление дискриминации, а христианами - как логичное следствие их, в среднем, более высокого образовательного уровня (что тоже является прямым наследием колониализма - в тот период путь вверх по социальной лестнице пролегал через получение европейского образования, а оно было тесно связано с Церквями, активно создававшими приходские школы [25, p. 53-90]). Несмотря на некоторое нарастание напряженности, взаимоотношения мусульман и христиан в Танзании, в целом, остаются мирными, к чему существуют долгосрочные предпосылки (см. [26; 27; 28]).

Среди этих предпосылок большую роль играют как политика государства, с момента получения страной независимости утверждающего себя как светское, официально не отдающее предпочтения какому-либо религиозному сообществу, так и социокультурные особенности танзанийского общества.

Таких особенностей можно выделить три. Первая - среди танзанийцев всех религий, а также социальных слоев и этнических групп по сей день первостепенную роль играют родственные связи, и это притом, что у многих людей среди родственников есть и христиане, и мусульмане. Вторая (отчасти как следствие первой) - в континентальной части Танзании не сложилось «мусульманских» и «христианских» народов: хотя в целом христиан больше на севере страны, а мусульман - на юге, практически в каждом этносе заметно наличие и тех, и других. Наконец, третья социокультурная особенность, способствующая интеграции и мусульман, и христиан в танзанийскую нацию, - опять же общность для подавляющего большинства граждан культуры суахили, на основе которой эта нация и формируется. Еще в доколониальные времена глубоко усвоившая ислам культура суахили благодаря тому, что миссионеры часто проповедовали и вели занятия в приходских школах на языке суахили, ощущается как своя и христианами.

В Уганде ислам также появился раньше христианства (хотя и намного позже, чем в Танзании). Однако на сегодняшний день христиане различных деноминаций (в основном, католики, англикане и пятидесятники) существенно превосходят в численности мусульман, составляя 84,5% населения, с одной стороны, с другой же стороны - мусульмане образуют его очень заметное меньшинство (13,7%, согласно переписи 2014 г.²). Особенно много мусульман в центральных и восточных районах страны, где исторически ислам распространился раньше, чем в других частях Уганды, и раньше, чем христианство. Наше полевое исследование выявило элементы настороженности во взаимоотношениях угандийских христиан и мусульман, но, как и в Танзании, на данный момент они, в целом, остаются мирными и даже улучшаются, по оценкам некоторых респондентов.

Политика же угандийского государства в области религии отличается от политики государства танзанийского. Если последнее, как упоминалось, со времен Дж.К.Ньерере официально отказывается отдавать преференции каким-либо деноминациям, то в Уганде в 1977 г. диктатор И.Амин запретил 27 религиозных организаций, а при нынешнем главе государства, Й.К.Мусевени, был создан Межрелигиозный совет Уганды, в который были включены далеко не все деноминации, представленные в стране, притом, что членство в нем дает религиозной организации статус официально признанной и поддерживаемой государством. Не случайно, что когда в 2016 г. правительство заявило о намерении впредь регулировать религиозную жизнь общества и деятельность религиозных организаций, члены Межрелигиозного совета эту инициативу единодушно поддержали, а лидеры не представленных в Совете деноминаций столь же единодушно осудили [29; 30]. Такая политика отражает меньшую интегрированность граждан Уганды в нацию по сравнению с танзанийцами и усиливает их разделение по религиозному признаку.

¹ Также см.: World Population Review. 2021. <https://worldpopulationreview.com/countries/tanzania-population> (accessed 10.03.2021).

² The National Population and Housing Census 2014 - Main Report. Kampala: Uganda Bureau of Statistics, 2016. P. 16. https://www.ubos.org/wp-content/uploads/publications/03_20182014_National_Census_Main_Report.pdf (accessed 10.03.2021)

В Замбии, в отличие и от Танзании, и от Уганды, абсолютно доминируют христиане, составляющие 95,5% населения³. Такое положение подтолкнуло государство в лице президента страны в 1991-2002 гг. Ф.Дж.Т.Чилубы к провозглашению Замбии «христианской нацией», т.е. к попытке сформировать национальное единство на религиозной основе. В 1996 г. положение о Замбии как «христианской нации» было включено в новую, действующую до сих пор Конституцию страны.

При этом опора Ф.Дж.Т.Чилубы на набирающих силу харизматических евангелистов-пятидесятников вызвала недовольство приверженцев давно ставших традиционными для Замбии христианских конфессий - англикан, пресвитериан, католиков и др. Оказалось, что в различных христианских деноминациях Замбии «христианскую нацию» видят по-разному, и между их лидерами развернулась напряженная политическая борьба [31]. Характерно, что, по сведениям наших угандийских респондентов, в их стране власти также в реальности оказывают покровительство и создают привилегированные условия для деятельности, в т.ч. общественной, «новых церквей» харизматических евангелистов.

Таким образом, многообразие религиозных идентичностей граждан, во всяком случае, на данном этапе, не особенно препятствует сложению единой национальной идентичности в Танзании, едва ли способствует ее формированию в Уганде, а в Замбии попытка государства построить «христианскую нацию» до сих пор не привела к успеху.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, наш главный тезис заключается в том, что разница в процессе нациестроительства и его текущих итогах в Танзании, с одной стороны, и Замбии и Уганде - с другой, может быть объяснена существенными различиями в их реальной доколониальной и колониальной истории и в том, как происходит опора на историю и совершается манипулирование ею в эпоху независимости.

Если в Танзании национальное единство имеет основу в доколониальной культурной истории автохтонных народов (и мысль об этом настойчиво внедряется в сознание граждан официальной идеологией), то в Замбии и Уганде основа единства была создана (разумеется, произвольно) только колониальными режимами. Многие замбийские и угандийские собеседники прямо говорили, что их нации сформировались (или начали формироваться) в колониальные времена, а получение независимости явилось кульминационным моментом в этом процессе.

Вот типичное высказывание: замбийская нация «сформировалась после того, как в 1911 г. Северо-Западная и Северо-Восточная Родезия были объединены и образовали Северную Родезию, которая была провозглашена независимой Замбией в 1964 г. С тех пор замбийская нация сохраняется, даже несмотря на то, что у нас [в стране] - 72 народа» (72 - официальное число «племен», образующих автохтонное население Замбии). Аналогично и угандийские собеседники утверждали, что «история Уганды начинается с прихода британцев» или даже «со дня независимости в 1962 г.»

В полную противоположность танзанийским информантам, в Замбии и Уганде никто не относил формирование наций к доколониальному периоду; напротив, несколько человек в обоих государствах утверждали, что даже в наши дни замбийской и угандийской наций не существует, а есть лишь конгломераты «племенных» культур. «... Колониализм и его наследие все еще вплетены в почти каждый аспект политической нестабильности и этнической фрагментированности в Уганде сегодня» [32, р. 37]. То же самое можно сказать и о Замбии. В этих странах колониализм и породил движение различных групп населения к национальному единству, и воздвиг колоссальные препятствия на пути к нему.

По нашему убеждению, выявленные различия обусловлены, в первую очередь, существованием с доколониальных времен основы для национальной интеграции в Танзании в виде наличия культуры и языка суахили и почти полного отсутствия сильных централизованных политий, с одной стороны, и лишенностью таких благоприятных предпосылок вплоть до периода колониализма Замбии и Уганды - с другой. И без того чрезвычайно важные, эти факты становятся еще более значимыми благодаря апелляции к ним и манипулированию исторической памятью о них государствами.

Во всех трех странах государства обращаются к исторической памяти народов в попытках консолидировать нации, но также в целях достижения более прочной собственной легитимности в умах и душах граждан - эти задачи неразрывны. Легитимация - убеждение управляемых в том, что именно данное правительство хорошо для них (обретение легитимности) - жизненно важная постоянная задача любой власти, и манипуляции с историей являются легитимизационными практиками по самой своей сути: государство предпринимает попытки построить нацию, члены которой ощущали бы свою неотделимость от государства в его ныне существующей форме.

Таким образом, вследствие лучших исторических предпосылок, сегодня Танзания ближе, чем, в частности, Замбия или Уганда, к формированию нации, адекватной западной версии модерна. Еще раз подчерк-

³ Zambia 2010 Census of Population and Housing - National Analytical Report. Lusaka: Central Statistical Office, 2012. Pp. 19-20.

нем, что танзанийская ситуация является, скорее, исключением из правила, тогда как Замбия и Уганда - случаи типичные. Теории, основывающиеся на европейском историческом опыте, подсказывают, что Танзания имеет лучшие перспективы нациестроительства. Однако мы не стали бы исключать, что в долгосрочной перспективе в условиях подъема мультикультурализма и существенного сдвига в восприятии нации как социальной реальности в современном мире положение Замбии и Уганды может оказаться не менее выигрышным для мультикультурного нациестроительства и создания эффективных постколониальных национальных государств, чем Танзании, несмотря на все очевидные сдерживающие факторы, включая этнонационализм.

Чтобы прояснить суть нашего тезиса, проведем аналогию между социокультурной и экономической историей постколониальных государств.

В первые десятилетия независимости многие из них стремились воплотить в жизнь т.н. «модель догоняющего развития», т.е. ставили задачу индустриализации страны, создания экономической системы, подобной существовавшей в развитых странах. Эта модель не оправдала себя - пока постколониальные страны пытались индустриализоваться, Первый мир уже перешел в постиндустриальное состояние, и разрыв между ним и Третьим миром только увеличивался. Так же в постколониальных государствах ставилась и продолжает ставиться задача строительства наций по образцу европейских наций Нового времени, несмотря на колоссальные трудности такого строительства, связанные, в том числе, с отличиями от европейских политических культур, социальных институтов, систем ценностей и т.д.

То есть, не является ли в современной глобальной ситуации, когда «национальные государства повсеместно вынуждены иметь дело с неоднородностью, как никогда раньше» [33, р. 46], положение Замбии, Уганды и постколониальных стран, подобных им, коих большинство, не менее перспективным, чем Танзании? Тем более что в таких странах, как Замбия и Уганда, основной водораздел пролегает между культурами составляющих абсолютное большинство населения автохтонных народов, различия между которыми не столь разительны, как между культурами коренного населения и многих общин мигрантов - двух основных «культурных акторов» в современных странах Запада.

На сегодняшний день поставленный нами вопрос не имеет достоверного ответа, в т.ч. ввиду неясности перспектив мультикультурализма на Западе, который, несмотря на множество внутренних проблем и подъем некоторых незападных государств, все еще играет ведущую роль в глобальных социокультурных процессах. Тем не менее, возможно, настало время этот вопрос хотя бы поставить.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Бондаренко Д.М. Постколониальный мир: формирование наций и историческое прошлое. *Культурная сложность современных наций* / ред. В.А.Тишков, Е.И.Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 224-240.
Bondarenko D.M. 2016. The Postcolonial World: Nation-Building and the Historical Past. *Cultural Complexity of Modern Nations* / Eds. V.A.Tishkov, E.I.Fillipova. Moscow. Pp. 224-240 (In Russ.)
2. Громова Н.В. Настоящее и будущее языка суахили в Восточной и Тропической Африке (этнолингвистическая ситуация). *Изучение истории Африки в России и за рубежом: этапы, тенденции, перспективы* / ред. А.С.Балезин. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 255-263.
Gromova N.V. 2012. The Present and Future of the Swahili Language in East and Tropical Africa (Ethnolinguistic Situation). *Studies in African History in Russia and Abroad: Stages, Trends, Prospects* / Ed. A.S.Balezin. Moscow. Pp. 255-293 (In Russ.)
3. Mortamet C., Amourette C. 2015. Missionary Descriptions in a Colonial Context: The Grammatization of Swahili through the Study of Four Missionary Grammars from 1885 to 1944. *Colonialism and Missionary Linguistics* / Eds. K.Zimmermann, B.Kellermeier-Rehbein. Berlin: De Gruyter. Pp. 29-49.
4. Бондаренко Д.М. Образование и толерантность в Танзании (по материалам Российской антропологической экспедиции 2003 и 2005 гг.). *Джулиус Камбарге Ньерере - первый президент свободной Танзании* / ред. Ю.Н.Винокуров. М.: ИАФР РАН, 2010. С. 56-62.
Bondarenko D.M. 2010. Education and Tolerance in Tanzania (by the Evidence Collected by the Russian Anthropological Expedition in 2003 and 2005). *Julius Kambarage Nyerere - the First President of Independent Tanzania* / Ed. Yu.N.Vinokurov. Moscow. Pp. 56-62 (In Russ.)
5. Иванченко О.В. Танзания: национальное и этническое самосознание. *Азия и Африка сегодня*. 2013, № 6. С. 53-59.
Ivanchenko O.V. 2013. Tanzania: National and Ethnic Consciousness. *Asia and Africa Today*. Pp. 53-59 (In Russ.)
6. Громова Н.В. Язык суахили в современной Танзании: значение, роль, перспективы. *Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании. Труды российской комплексной экспедиции в Объединенной Республике Танзания (сезон 2005 г.)* / ред. А.В. Коротаев, Е.Б. Деминцева. М.: ЛЕНАНД, 2008. С. 84-93.
Gromova N.V. 2008. The Swahili Language in Contemporary Tanzania: Importance, Role, Prospects. *Interracial and Interethnic Relations in Contemporary Tanzania. Publications of the Russian Complex Expedition to the United Republic of Tanzania (2005 Field Season)* / Eds. A.V.Korotayev, E.B.Demintseva. Moscow. Pp. 84-93 (In Russ.)
7. Batibo H. 1992. The Fate of Ethnic Languages in Tanzania. *Language Death: Factual and Theoretical Explorations with Special Reference to East Africa* / Ed. M. Brenzinger. Berlin - New York: Mouton de Gruyter. Pp. 85-98.
8. Yoneda N. 2010. "Swahilization" of Ethnic Languages in Tanzania: The Case of Matengo. *African Study Monographs*. Vol. 31, № 3. Pp. 139-148.
9. Blommaert J. 2006. Ujamaa and Creation of the New Waswahili. *Living through Languages: An African Tribute to René Dirven* / Ed. C. van der Walt. Stellenbosch. Pp. 5-22.

10. Kavina A. 2020. Positive and Negative Aspects of Globalization in Nation Building in Africa. *Journal of the Institute for African Studies*, № 1. Pp. 59-70.
11. Marten L., Kula N.C. 2008. Zambia: "One Zambia, One Nation, Many Languages". *Language and National Identity in Africa* / Ed. A.Simpson. Oxford. Pp. 291-313.
12. Prokopenko L.Ya. 2018. The Principle "One Zambia, One Nation": Fifty Years Later. *Social Evolution and History*. Vol. 17, № 1. Pp. 60-75.
13. Niang A. 2018. *The Post-colonial African State in Transition: Stateness and Modes of Sovereignty*. New York - London. 244 p.
14. Баншикова А.А., Иванченко О.В. Воспоминания об арабской работорговле и межэтнические отношения в современной Танзании: между семейной травмой и государственной политикой толерантности. *Антропологический форум*. 2020, № 44. С. 83-113.
Banshchikova A.A., Ivanchenko O.V. 2020. Reminiscences of the Arab Slave Trade and Interethnic Relations in Contemporary Tanzania: Between Family Trauma and State Policy of Tolerance. *Anthropological Forum*, № 44. Pp. 83-113.
15. Bondarenko D.M. 2014. Historical Memory and Intercultural Tolerance: Students' Attitudes to the Colonialism-Born Minorities in Tanzania and Zambia. *Social Evolution and History*. Vol. 13, № 2. Pp. 97-118.
16. Bondarenko D.M., Krishna K., Krishna R. 2013. A View from Campus. The Attitude of University Students to the European and South Asian Minorities in Tanzania and Zambia Compared. *Anthropos*. Vol. 108, № 1. Pp. 77-95.
17. Nkyabonaki J. 2019. The Influence of Indigenous Administration on Post-Independence Administration in Tanzania. *The Omnipresent Past. Historical Anthropology of Africa and African Diaspora* / Ed. D.M.Bondarenko, M.L.Butovskaya. Moscow. Pp. 183-195.
18. Чуваева М.А. Достижение независимости и политическое развитие Республики Замбии. *История Замбии в Новое и Новейшее время* / ред. Л.А.Демкина, Ю.В.Луконин. М.: Наука, 1990. С. 114-159.
Chuvaeva M.A. 1990. Gaining Independence and Political Development of the Republic of Zambia. *Modern and Contemporary History of Zambia* / Eds. L.A.Dyomkina, Yu.V.Lukonin. Moscow. Pp. 114-159 (In Russ.)
19. Прокопенко Л.Я. Народ баротсе в политическом пространстве Замбии. *Человек в социокультурном и политическом пространстве* / ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. М.: ИАФР РАН, 2001. С. 174-178.
Prokopenko L.Ya. 2001. The Barotse in the Political Space of Zambia. *The Person in the Sociocultural and Political Space* / Eds. I.V.Sledzevski, A.D.Savateev. Moscow. Pp. 174-178 (In Russ.)
20. Sardanis A.S. *Africa: Another Side of the Coin: Northern Rhodesia's Final Years and Zambia's Unsteady Progress to Nationhood*. London: Bloomsbury Academic, 2019. 340 p.
21. Baldwin K. *The Paradox of Traditional Chiefs in Democratic Africa*. New York: Cambridge University Press, 2016. 253 p.
22. Karlström M. 1999. *The Cultural Kingdom in Uganda: Popular Royalism and the Restoration of the Buganda Kingship*. 2 vols. PhD dissertation. Chicago: University of Chicago. 497 p.
23. Karlström M. 2004. Modernity and Its Aspirants: Moral Community and Developmental Eutopianism in Buganda. *Current Anthropology*. Vol. 45, № 5. Pp. 595-619.
24. Brown D., James P. 2019. *Religious Characteristics of States Dataset Project - Demographics v. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries Only*. 10 Feb. <https://www.thearda.com/Archive/Files/Descriptions/RCSDEM2.asp> (accessed 10.03.2021)
25. Mushi P.A.K. 2009. *History and Development of Education in Tanzania*. Dar es Salaam: Dar es Salaam University Press. 264 p.
26. Helman B.E., Kaiser P.J. 2002. Religion, Identity and Politics in Tanzania. *Third World Quarterly*. Vol. 23, № 4. Pp. 691-709.
27. Бондаренко Д.М. Образование и толерантность в современной Танзании: этнорасовый и конфессиональный аспекты. *Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании. Труды Российской комплексной экспедиции в Объединенной Республике Танзания (сезон 2005 г.)* / ред.: А.В.Коротаев, Е.Б.Деминцева. М.: ЛЕНАНД, 2008. С. 94-121.
Bondarenko D.M. 2008. Education and Tolerance in Contemporary Tanzania: The Ethnoracial and Religious Aspects. *Interracial and Interethnic Relations in Contemporary Tanzania. Publications of the Russian Complex Expedition to the United Republic of Tanzania (2005 Field Season)* / Eds. A.V.Korotayev, E.B.Demintseva. Moscow. Pp. 94-121 (In Russ.)
28. Kopwe W.A. Shari'a Implementation in the Context of Tanzania Mainland: An Analysis of Its Debate, Practice and Its Influence in Christian-Muslim Relations. PhD Dissertation. Dar es Salaam: Open University of Tanzania, 2013. 278 p.
29. Alava H., Ssentongo J.S. 2016. Religious (De)politicization in Uganda's 2016 Elections. *Journal of Eastern African Studies*. Vol. 10, № 4. Pp. 677-692.
30. Isiko A.P. 2019. State Regulation of Religion in Uganda: Fears and Dilemmas of Born-Again Churches. *Journal of African Studies and Development*. Vol. 11, № 6. Pp. 99-117.
31. Phiri I. 2003. President Fredrick J.T. Chiluba of Zambia, The Christian Nation and Democracy. *Journal of Religion in Africa*. Vol. 33, № 4. Pp. 401-428.
32. Tornberg H. 2012. *Ethnic Fragmentation and Political Instability in Post-Colonial Uganda: Understanding the Contribution of Colonial Rule to the Plights of the Acholi People in Northern Uganda*. Lund: Lund University. 38 p.
33. Comaroff J., Comaroff J.L. 2009. *Ethnicity, Inc*. Chicago - London: University of Chicago Press. 236 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бондаренко Дмитрий Михайлович, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Dmitri M. Bondarenko, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences (RAS), Dr.Sc. (History), Professor, Vice-Director, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.10.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 17.11.2021

Принята к публикации
(Accepted) 23.12.2021

Влияние COVID-19 на развитие внешней торговли КНР в 2020-2021 гг.© Шиганова Ю.М.^a, 2022^a Независимый исследователь, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9992-3187; jshiganova@gmail.com

Резюме. В статье представлен обзор ключевых тенденций и динамики развития внешней торговли Китая в 2020-2021 гг. КНР является одним из крупнейших производителей, экспортеров, инвесторов и потребительских рынков мира, однако в последние годы под влиянием различных внутренних и внешних факторов, а также торговых войн с США наблюдается замедление темпов его экономического роста. В конце 2019 г. Китай столкнулся с распространением нового коронавируса, охватившего постепенно почти все страны мира. COVID-19 кардинально поменял жизнь людей, временно блокировал экономику, Китаю первым начал вести борьбу с неизвестной никому болезнью и в условиях введения строгих карантинных мер испытывал двузначное падение объемов производства, розничных продаж, внешней торговли. Однако дисциплинированность и доверие населения своему правительству, принятые меры поддержки предприятий, расширение мирового спроса на противоэпидемические товары и промышленную продукцию позволили постепенно восстановить функционирование производств, работу транспорта и внешнеторговых компаний. В 2020-2021 гг. Китаю удалось преодолеть экономический спад, превзойти доковидные показатели социально-экономического развития, укрепить свои позиции крупнейшего участника мирового хозяйственно-го комплекса.

В статье автор упоминает о существующих проблемах и ограничениях, оказывающих существенное влияние на развитие внешней торговли страны и конкурентоспособность китайской продукции. Но даже в условиях мирового локдауна и рецессии Китаю удалось поставить новые экономические рекорды.

Ключевые слова: Китай, коронавирус, внешняя торговля, экономический рост, мировая экономика, развитие

Для цитирования: Шиганова Ю.М. Влияние COVID-19 на развитие внешней торговли КНР в 2020-2021 гг. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 1. С. 24-31. DOI: 10.31857/S032150750018306-8

The impact of COVID-19 on China's foreign trade in 2020-2021© Julia M. Shiganova^a, 2022^a Independent Researcher, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-9992-3187; jshiganova@gmail.com

Abstract. The article provides an overview of the key trends and dynamics of the development of China's foreign trade in 2020-2021. The PRC is one of the largest manufacturers, exporters, investors and consumer markets in the world, but in recent years, under the influence of various internal and external factors, trade wars with the United States, there has been a slowdown in its economic growth. At the end of 2019, China faced the spread of the COVID-19. China was the first to begin to fight an unknown disease and, in the context of the introduction of strict quarantine measures, experienced a double-digit drop in production, retail sales, and foreign trade. All this happened against the backdrop of the spread of the pandemic and the deterioration of the situation around the world. In 2020-2021 China has managed to overcome the economic downturn, exceed the dock-like indicators of socio-economic development, and strengthen its position as the largest participant in the world economic complex. The quantitative growth of exports and imports was accompanied by an improvement in the commodity structure, an increase in the number of foreign trade companies, the active inclusion of China's internal regions in the world economy, and a change in the vector of expanding cooperation with Asian neighbors. In the article, the author mentions the existing problems and restrictions that have a significant impact on the development of the country's foreign trade and the competitiveness of Chinese products. But even in the face of a global lockdown and recession, China has managed to set new economic records.

Keywords: China, coronavirus, foreign trade, economic growth, world economy, development

For citation: Julia M. Shiganova. The Impact of COVID-19 on China's Foreign Trade in 2020-2021. *Asia and Africa today*. 2022. № 1. Pp. 24-31. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018306-8

ВВЕДЕНИЕ

В 2020 г. мир охватила эпидемия коронавируса, с которой все страны продолжают бороться до сих пор. Новая, незнакомая человечеству болезнь серьезно повлияла на развитие национальных хозяйственных комплексов, потребовала перестройки систем здравоохранения, введения локдаунов, транспортной приостановки, закрытия границ. Пандемия усугубила прежние кризисные явления в мировой экономике и обусловила самое резкое, как отмечалось в «*World Economic Situation and Prospects*» ООН, за последние 90 лет падение мирового ВВП на 4,3% [1].

Китай, с которого началось распространение нового вируса и который в течение последних нескольких десятков лет в очень высокой степени был вовлечен в международные экономические отношения, ранее других стран столкнулся с последствиями COVID-19. В январе и феврале 2020 г. в КНР были введены карантинные ограничения, приостановлена работа офисов, производств, предприятий общественного питания, сферы развлечений, розничной торговли, транспортного сообщения, наблюдалось резкое падение потребительского спроса. В первом квартале показатель ВВП страны упал до уровня -6,8%¹ (см. табл. 1).

Таблица 1. **Квартальные темпы роста ВВП Китая в 2019-2021 гг. (%)***
Table 1. **Quarterly GDP growth rate in China in 2019-2021 (%)**

Период	I кв. 2019	II кв. 2019	III кв. 2019	IV кв. 2019	I кв. 2020	II кв. 2020	III кв. 2020	IV кв. 2020	I кв. 2021	II кв. 2021	III кв. 2021
Темп роста ВВП, %	6,3	6	5,9	5,8	-6,8	3,2	4,9	6,5	18,3	7,9	9,8

* Ввиду отсутствия материалов за весь 2021 г. на момент подготовки статьи приведены данные за первые три квартала 2021 г.

Источник: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1689190129965428637&wfr=spider&for=pc>; http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202107/t20210716_1819540.html; http://k.sina.com.cn/article_6862376589_199078e8d0010280ml.html (accessed 21.11.2021)

На фоне применения антиковидных мер, распространения вируса по планете и неопределенности дальнейшего развития общемировой ситуации сокращались объемы выпуска продукции, ориентированной также на внешний потребительский рынок и международные производственные цепочки. Все это сопровождалось отсутствием новых и отменой ранее размещенных заказов у внешнеторговых компаний, отсрочкой отгрузок, платежей, приостановкой работы транспорта, необходимостью организации перевозки сотрудников, разъехавшихся на каникулы домой, сбоями в поставках материалов и сырья.

Особенно сильное падение объемов внешней торговли КНР пришлось на февраль 2020 г. (см. *граф.*), когда к плановому сокращению производства и отгрузок в связи с традиционными длительными новогодними каникулами добавились последствия эпидемии.

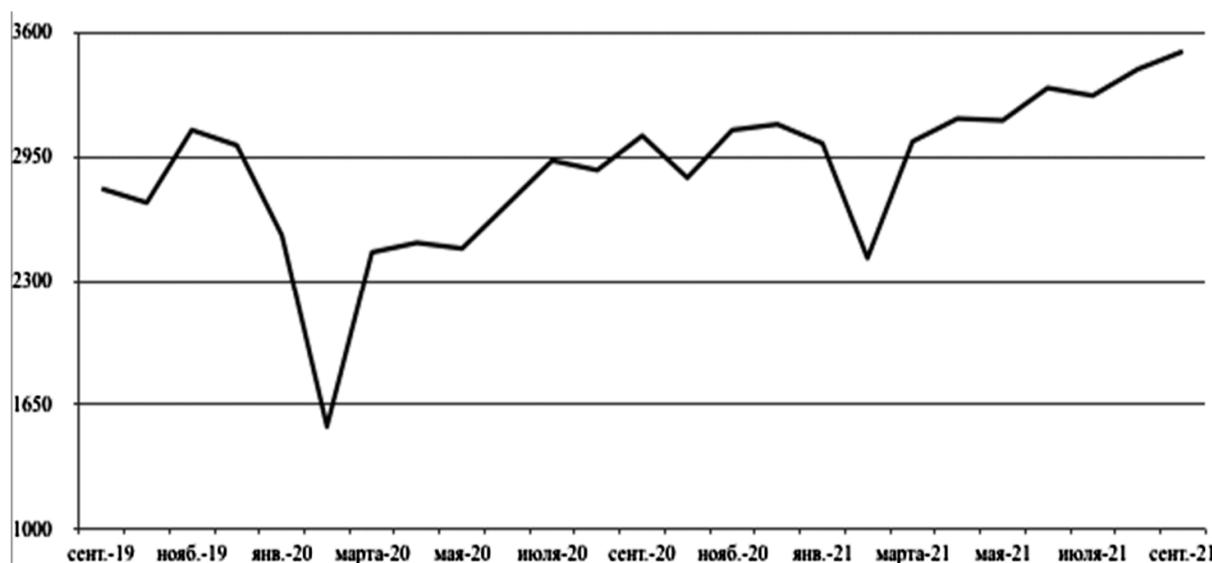

График. Динамика внешнеторгового оборота КНР (сентябрь 2019 - сентябрь 2021 гг.) (трлн юаней).
Graph. China Imports and Exports Value (September 2019 - September 2021) (trillion yuan).

Источник: <http://data.mofcom.gov.cn/hwmy/imexmonth.shtml> (accessed 21.11.2021)

Однако уже с марта того же года в Китае началось постепенное восстановление экономики. Применение правительством жестких изоляционных мер позволило добиться контроля над внутренней эпидемиологической ситуацией. Это дало предприятиям возможность вернуться в рабочий режим и замещать продукцию приостановленных зарубежных предприятий, обеспечивать растущий потребительский спрос и в

¹ -6.8%! Where has GDP gone? The reply makes everyone cry... (In Chin.). <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1664260180705987901&wfr=spider&for=pc> (accessed 02.10.2021)

Китае, и в мире на товары для дома, электронику, на средства индивидуальной защиты, лекарства, бытовую и медицинскую технику со стороны населения, медицинских учреждений всех стран, использовать онлайн каналы сбыта и добиться роста внешней торговли. Удар, нанесенный эпидемией, оказался не слишком долгосрочным. С II квартала в Китае наблюдался рост экономических показателей, к концу 2020 г. превысивших доковидные значения.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОБЕДА НАД ЭПИДЕМИЕЙ

В этих условиях Китай наращивал поставки за рубеж готовой продукции при одновременном сокращении доли давальческой торговли (обработки материалов, принятых от зарубежных компаний), сборочных, подрядных проектов (на 25,5%) уменьшении иностранного капиталовложения в оборудование (на 47,4%) [9]. При этом вследствие ограничительных мер, закрытия границ, неопределенности в период пандемии сократился приток зарубежных инвестиций в экономику КНР.

Практически весь экспорт Китая составляли промышленные изделия (95,5%) [2], значительно сократилась доля сырьевых товаров и продукции, прошедшей первичную переработку. Более половины поставляемой за рубеж товарной номенклатуры пришлось на такую высокотехнологичную продукцию, как электромеханическое оборудование, аудио и устройства связи, оргтехника и оборудование для автоматической обработки данных. [3]. В 2020 г. в связи ростом мирового спроса на технику для дома и обустройства удаленных рабочих мест в период изоляции был отмечен высокий рост объемов экспорта ноутбуков (+20,4%) и бытовой электроники (+24,2%²). В первый год эпидемии существенно увеличились экспортные поставки изделий из пластика (+20%³), микросхем (+15%), мебели (+12,2%), контейнеров (+10,5%), игрушек (+7,7%). В 2021 г. экспорт электротехнической продукции и отдельных видов трудоемких товаров (игрушки, сумки, мебель) вырос еще почти на 1/3 [4].

Рекордсменами по приросту объемов экспорта в 2020 г. стали медицинское оборудование (+41,5%⁴), продукция текстильной промышленности (+28,9%) за счет выпуска медицинских масок, а также медицинские товары и лекарственные препараты (+26,6%) [9] (см. табл. 2).

Таблица 2. Объемы экспорта противоэпидемической продукции (март - декабрь 2020 г.)
Table 2. China's exports of anti-epidemic supplies (March-December 2020)

Вид продукции	Количество, шт.
Медицинские маски	224,2 млрд
Медицинская защитная одежда	2,310 млрд
Защитные очки	289 млн
Хирургические перчатки	2,920 млрд
Аппараты ИВЛ	271 000
Мониторов для пациентов	6,630 млн
Инфракрасный термометр	119 млн
Реагенты для тестов на Covid-19	1,080 млрд

Источник: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1690670180657165354&wfr=spider&for=pc> (accessed 09.10.2021)

На начальном этапе эпидемии в КНР наблюдался дефицит респираторов, дезинфицирующих растворов, противовирусных средств вследствие недостаточной мощности имеющихся предприятий и введения карантинных мер. Для обеспечения растущего спроса многие непрофильные производства запустили линии по выпуску масок, санитайзеров, защитной одежды (*Shanghai Automotive Industry Corporation (Group), Foxconn Technology Group, Guangzhou Automobile Industry Group Co. Ltd., China Petroleum and Chemical Corporation, Sinopec BYD Company Ltd.* ⁵ и др.). Уже в марте 2020 г. выпуск лекарственных препаратов в Китае увеличился на 11,2%⁶, санитарно-гигиенических изделий - на 87,3%, изделий медицинского назначе-

² The China issue | The General Administration of Customs: 2020 China imports and exports total value was 32,16 trillion yuan, its foreign trade hit a new record. (In Chin.). http://news.china.com.cn/txt/2021-01/14/content_77114870.htm (accessed 02.10.2021)

³ Statistical Communiqué of the PRC on the 2020 national economic and social development. (In Chin.). http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202102/t20210227_1814154.html (accessed 08.10.2021)

⁴ The China issue | The General Administration of Customs: 2020 China imports and exports...

⁵ Foxconn produces medical masks, Sinopec, BYD and many companies switch to mask making. (In Chin.). https://www.sohu.com/a/371622116_119620 (accessed 02.10.2021)

⁶ Guangdong economic situation in the first quarter of 2020. (In Chin.). http://stats.gd.gov.cn/tjcx185/content/post_2980356.html (accessed 11.10.2021)

ния - на 348%, медицинского оборудования на 13,6%, объем выпуска масок вырос в 18,5 раз, дезинфицирующих средств - на 33,8%, пользующихся высоким спросом на внешних рынках. Поставки осуществлялись в более чем 200 стран и регионов, на долю противоэпидемических профилактических средств в период с марта до конца 2020 г. пришлось 2,45% китайского экспорта⁷.

В течение 2020 г. объем всего экспорта из Китая вырос на 4%, импорта - наоборот, сократился на 0,7% против показателя 2019 г. Несмотря на рост объемов ввоза оборудования, станков, меди, железной руды, стали, одежды, продуктов питания (гаоляна на 501,2%, свинины - на 157,6%, кукурузы - на 134,5%, пшеницы - на 134%) [9], вакцин, на показатели импорта повлияли закрытие на карантин зарубежных заводов, продолжение торговой войны между США и Китаем, отток инвесторов и сокращение операций по переработке.

Китай стал единственной страной мира, внешнеторговый сектор которого демонстрировал постепенный, но уверенный V-образный рост показателей, особенно экспорта, со второго квартала 2020 г. при одновременном ухудшении ситуации в мире (см. табл. 3).

Таблица 3. Динамика объемов экспорта и импорта некоторых стран мира в 2020 г. (%)
Table 3. Import and Exports trends of major economies in 2020 (%)

Динамика объемов импорта, %	Месяцы								
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь
Бразилия	-1	5	11	-15	-11	-20	-35	-29	-25
Китай	-7	-10	-1	-14	-17	3	-1	-2	13
ЕС	-3	-7	-12	-26	-28	-12	-15	-10	-2
Индия	0	4	-28	-60	-51	-48	-30	-26	-20
Япония	-5	-13	-1	-3	-25	-14	-21	-21	-14
Южная Корея	-5	1	0	-16	-21	-11	-12	-16	1
РФ	4	2	-2	-20	-13	-4	-13	-11	-3
ЮАР	-3	-4	-17	-38	-40	-43	-39	-31	-15
США	-4	-4	-7	-21	-25	-13	-8	-5	0
Динамика объемов экспорта, %	Месяцы								
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь
Бразилия	-19	-1	5	-9	-15	-5	-3	-11	-10
Китай	-22	-10	-7	3	-3	1	7	9	10
ЕС	-2	-3	-8	-31	-32	-9	-10	-9	3
Индия	-1	4	-34	-61	-35	-12	-10	-13	4
Япония	-4	0	-8	-19	-27	-25	-18	-15	-3
Южная Корея	-7	4	-2	-26	-24	-11	-7	-10	7
РФ	-2	-18	-20	-33	-36	-26	-28	-32	-14
ЮАР	10	6	-1	-61	-28	-6	-14	-3	10
США	0	2	-9	-29	-36	-24	-15	-15	-9

Источник: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctab2020d4_en.pdf (accessed 09.10.2021)

По данным китайских СМИ, к октябрю 2020 г. доли Китая в мировом товарообороте, экспорте и импорте достигли, соответственно, 12,8%, 14,2% и 11,5% [5], обновив исторические максимумы и укрепив позиции страны как крупнейшего мирового экспортёра и второго в мире импортёра.

2021 год оказался еще более результативным. За первые три квартала внешнеторговый оборот, объем экспорта и импорта КНР выросли еще на 23% [4] и превзошли аналогичные показатели 2019 г. Такие не просто высокие, а рекордные двузначные темпы роста объясняются сохранением карантинных мер и ограниченного функционирования производств в других странах, повышенным пост-изоляционным спросом на потребительскую продукцию по всему миру, по-прежнему высокой потребностью медицинских работников, населения в различных видах медицинской продукции, вакцинах и сохранением масочных режимов.

⁷ The China issue | The General Administration of Customs: 2020 China imports and exports...

Рекордный за месяц показатель внешнеторгового оборота был достигнут в сентябре 2021 г. (3,53 млрд юаней или \$554,6 млн) [6]. Кроме того, несмотря на существующие политические и экономические проблемы, в течение последних полутора лет исторического максимума достиг стоимостной объем китайского импорта, в т.ч. за счет роста цен на сырье, материалы. Ситуация способствовала, таким образом, достижению пиковых показателей внешней торговли страны и максимальной доли КНР на мировом рынке.

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ТОГОВЛИ В ДАННЫЙ ПЕРИОД

Среди особенностей развития внешней торговли Китая в течение периода распространения *COVID-19* можно отметить увеличение численности компаний, участвующих в международной торговле. Так, за первые три квартала 2021 г. количество субъектов внешнеторговой деятельности выросло на 142 400, 95% которых составляют частные предприятия⁸. С 2019 г. именно на частные компании в Китае приходится большая часть экспортно-импортных операций. В 2021 г. их доля во внешнеторговом обороте достигла 48,2% [4]; государственные предприятия обеспечили лишь 15% объемов внешней торговли при том, что наряду с частными компаниями в текущем году они интенсивно расширяли объемы экспорта и импорта (+28,5% и +25,1% [4]). На долю иностранных предприятий приходится чуть более трети внешнеторгового оборота Китая, а прирост в 2021 г. составил 14,7% [4].

Частные компании отличаются большей гибкостью, готовностью к риску, зависят только от воли собственника или инвестора и быстрее адаптируются к новым условиям. Кроме того, в первую очередь на индивидуальные средние и мелкие предприятия в 2020 г. были ориентированы меры поддержки центрального правительства Китая и местных властей: на 2,5 трлн юаней (\$393 млрд) [7], Так были сокращены объемы налоговых платежей, на 1,6 млрд юаней (\$251 млн) - взносы на социальное страхование, функционирование трансфертных механизмов позволило осуществлять денежные переводы из центрального бюджета на местные уровни.

Также были уменьшены сроки возврата экспортных налогов, введены отсрочки уплаты налоговых платежей, упрощен порядок уплаты налогов для обеспечения поступления экспортной продукции на внутренний рынок, увеличен срок периодичности уплаты различных взносов для сокращения расходов компаний. Государство поддерживало проекты льготного предоставления кредитов предприятиям, организацию доступа к электронным торговым платформам. Развитие интернет-торговли, прирост экспорта в которой в 2021 г. составил 20,1% [4], систем закупок, перевод в онлайн формат международных выставок-ярмарок также были ориентированы на национальных экспортеров.

Кроме качественного улучшения структуры внешней торговли Китая, можно отметить включение в мировую экономику центральных и западных регионов страны, которое тоже было связано с условиями развития экономики в пандемию. Так, по темпам прироста внешнеторгового оборота в 2021 г. центральные и западные регионы Китая (+27,2%) обогнали восточные и южные регионы (21,2%) [4], традиционно являющиеся крупнейшими производственными, экспортными, торговыми центрами Китая. Однако пока по объемам ВВП и экспорта внутренние провинции в разы отстают от регионов-лидеров (провинции Гуандун, Цзянсу).

В 2020 г. объем внешней торговли одной из самых экономически мощных провинций Китая - Гуандун, которая обеспечивает более 1/5 внешнеторгового оборота страны [8], снизился на 0,9%⁹, тогда как у провинции Гуйчжоу, занимающей 22-е место из 31 по объемам валового регионального продукта (ВРП) среди китайских регионов¹⁰, вырос на 20,4% [9]. Это объясняется высокой вовлеченностью Гуандуна в международные производственные цепочки, более 30% объемов экспорта и импорта которого составляет давальческая торговля¹¹, существенной зависимостью экономики от внешней торговли, в которой участвует 2/3 произведенной в регионе продукции¹², чувствительностью его масштабного производственного сектора к общемировой ситуации.

Участие же внутренних провинций в международном обмене ранее было незначительно, в 2021 г. их доля во внешнеторговом обороте Китая составила 17,5% [4]. Двухзначный прирост был достигнут за счет

⁸ Ministry of Commerce of the PRC: China's foreign trade growth rate hits 10-year high in January-September 2021. (In Chin.). <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1713944803051225263&wfr=spider&for=pc> (accessed 28.11.2021)

⁹ Guangdong's 2020 GDP tops 11,08 trillion yuan, grew by 2,3%. (In Chin.). <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1689828048246226173&wfr=spider&for=pc> (accessed 02.10.2021)

¹⁰ 2021 first half 31 China's provinces and regions statistics: Beijing & Shanghai per capita GDP exceeded 80 K yuan. (In Chin.). <http://sh.people.com.cn/n2/2021/0802/c176738-34848828.html> (accessed 04.10.2021)

¹¹ China Statistical Yearbook 2019, table 6-5. (In Chin.). http://stats.gd.gov.cn/gdtjnj/content/post_2639622.html (accessed 02.10.2021)

¹² Analysis of the dependency ratio in different provinces and cities of China: advantages and disadvantages of externally oriented economy drivers. <https://new.qq.com/omn/20200804/20200804A0X9W900.html> (In Chin.) (accessed 07.10.2021)

расширения внутреннего спроса, политики правительства, ориентированной на развитие внутренних территорий, функционирования предприятий трудоемких отраслей в местах происхождения трудовых мигрантов, с более низкой стоимостью труда, что объяснимо и оправдано в условиях пандемии, транспортной паузы, спада производства, срывов заказов в наиболее развитых в приморских провинциях. Сложившиеся в период эпидемии условия способствовали расширению производства, хозяйственному освоению, росту доходов населения и занятости на местах.

Основным внешнеторговым партнером Китая в 2020 г. были азиатские страны, на которые пришлось 51,4% ее внешнеторгового оборота [9], особенно Япония и Южная Корея (см. табл. 4). Им удалось потеснить с первого места страны ЕС, хотя в начале 2020 г. картина была обратной: внешнеторговый оборот с азиатскими странами, в первую очередь затронутыми пандемией, снижался при параллельном росте торговли с европейскими государствами.

Таблица 4. Рейтинг стран – внешнеторговых партнеров Китая по объемам внешнеторгового оборота в 2018-2021 гг.

Table 4. Rating of China's Top Export and Import Partners in 2018-2021

Страны/регионы	Годы			
	2018	2019	2020	2021
ЕС	1	1	2	2
АСЕАН	3	2	1	1
США	2	3	3	3
Япония	4	4	4	4

Составлено автором по: https://www.sohu.com/a/367914835_120009286 (accessed 20.10.2021); <https://www.huaon.com/story/399327> (accessed 22.10.2021); <http://news.hexun.com/2021-01-15/202836280.html> (accessed 27.10.2021); <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1713726719088472511&wfr=spider&for=pc> (accessed 21.11.2021)

В 2021 г. крупнейшим внешнеторговым партнером Китая оставались страны АСЕАН, внешнеторговый оборот с которыми вырос на 21,1% [4] объем торговли увеличился также с традиционными партнерами - ЕС (+20,5%), США (+24,9%), Японией (11,2%) и Южной Кореей (+17,3%). По мере снятия строгих ограничений, охвата населения вакцинацией, постепенного восстановления функционирования экономики в других странах наблюдается расширение мирового спроса, обеспечившего более чем 20%-ый прирост экспорта из Китая в США, европейские и африканские страны и более чем 40%-ый прирост в страны Латинской Америки в течение первых 3-х кварталов этого года.

СЕГОДНЯШНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Несмотря на достаточно впечатляющие темпы роста внешней торговли Китая в период распространения эпидемии, нельзя не упомянуть о нестабильности международных производственных цепочек и цепочек поставок, росте стоимости морских¹³ и железнодорожных перевозок¹⁴.

Все это стало следствием постепенного, но неравномерного восстановления мировой экономики, реализации отложенного в связи с началом пандемии спроса на товары народного потребления, скоплением в терминалах большого количества предназначенных для экспорта грузов, нехватке контейнеров из-за нерациональности их возврата пустыми в китайские порты, неполном восстановлении докризисного уровня сотрудничества и сокращения получения предприятиями достаточного количества заказов.

В результате, существенно снизилась интенсивность использования морских линий. Погодные условия, форс-мажорные ситуации, в т.ч. блокировка Суэцкого канала контейнеровозом *Ever Given* в марте 2021 г., ревальвация китайского юаня на 8,5% в период с января 2020 г. по ноябрь 2021 г.¹⁵, резкое повышение цен на сырье и материалы в 2020-2021 гг. (в среднем, на 20-30%¹⁶) повлияли на себестоимость экспортных и импортных товаров.

¹³ Drewry World Container Index Assessed by Drewry. <https://www.drewry.co.uk/supply-chain-advisors/supply-chain-expertise/world-container-index-assessed-by-drewry> (accessed 03.10.2021)

¹⁴ Всё дело в логистике: эксперт о подорожании морских перевозок. <https://regnum.ru/news/economy/3178827.html> (accessed 02.10.2021)

¹⁵ The People's Bank of China, RMB Exchange Rates. <http://www.pbc.gov.cn/rmyh/108976/109428/index.html> (In Chin.) (accessed 29.11.2021)

¹⁶ The rise in commodity prices, how are Chinese suppliers to go about steadily. <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1696734212700494699&wfr=spider&for=pc> (In Chin.) (accessed 19.10.2021)

К этому можно добавить многолетний непрерывный рост стоимости рабочей силы (в 2010-2020 гг. повышение по регионам составило, в среднем, 26% в год¹⁷) и нехватку «синих воротничков» при наличии в Китае значительного количества рабочих-мигрантов (свыше 20% населения страны в конце 2019 г.) Потребность в рабочей силе особенно возросла в постковидный период восстановления китайского производства, обострив существующую проблему дефицита трудовых ресурсов [10].

Кроме старения населения Китая, причинами этого социального феномена являются нежелание молодежи работать на производствах в силу удаленности от городских центров, непривлекательность бытовых условий, размеры оплаты труда, переток рабочих в сферу курьерской доставки, общественного питания, торговлю [11].

В 2021 г. новой проблемой для производств стало ужесточение экологического законодательства, направленного на достижение максимальных значений выбросов к 2030 г. и превращение Китая в углеродно-нейтральное государство к 2060 г., а также резкий рост стоимости угля, подготовка к Олимпиаде-2022, потребовавших сокращения потребления электроэнергии и выбросов углекислого газа уже в 2021 г. С сентября введение временных приостановок или ограничений электроснабжения и выбросов затронуло и население Китая, и, по разным оценкам, от 44% до 66% производственных мощностей страны, что не могло не сказаться на стабильности производственного процесса и выполнении экспортных заказов [12]. По мнению аналитиков *Goldman Sachs*, одного из крупнейших в мире инвестиционных банков, следствием сокращения производства станет снижение темпов прироста валового внутреннего продукта (ВВП) Китая в 2021 г. на 0,4-0,5 п.п.¹⁸

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы видим, несмотря на распространение эпидемии, шло развитие внешней торговли и в количественном, и в качественном плане. Выбранные кардинальные меры борьбы с коронавирусом оказались достаточно эффективными, позволив купировать ухудшение ситуации в стране и перейти к быстрому восстановлению экономики на фоне усугубления общемировых тенденций, мирового спада производства при наличии высокого спроса на потребительскую, промышленную продукцию и медицинские изделия. Такая тенденция, очевидно, не может быть долгосрочной и будет меняться по мере возобновления производств, преодоления кризисных явлений в других странах, влияния экологических и прочих факторов, поэтому особый акцент в развитии внешнеторгового сектора делается на разработках и производстве сложной, технологичной продукции, продвижении собственных брендов.

2020 год доказал всем нам, что ни мир, ни отдельные экономически мощные страны не застрахованы от воздействия множества условий, обстоятельств, неочевидных и непредсказуемых сил, даже распространения болезней и вирусов, но пример КНР по преодолению социальных и экономических последствий эпидемии является очень показательным.

REFERENCES

1. World Economic Situation and Prospects. United Nations, New York, 2021. https://www.un.org/development/desa/dpad/wpcontent/uploads/sites/45/WESP2021_FullReport.pdf (accessed 02.10.2021)
2. 观察 | 2020年中国对外贸易分析 (Overlook. Analysis of China's Foreign Trade in 2020). (In Chin.). https://www.sohu.com/na/448517702_731021 (accessed 08.11.2021)
3. 商务部有关负责人谈2021年1-7月我国外贸运行情况 (The person in charge from the Ministry of Commerce discussed China's foreign trade performance in January-July 2021). (In Chin.). http://www.gov.cn/shuju/2021-08/10/content_5630536.htm (accessed 02.11.2021)
4. 我国外贸稳中提质 (Chinese foreign trade improves quality while maintains an overall stability). (In Chin.). <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1713726719088472511&wfr=spider&for=pc> (accessed 21.11.2021)
5. 海关总署: 2020年全年我国进出口、出口总值双双创历史新高 (The General Administration of Customs: China's foreign trade and exports rise to record high in 2020). <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1688827908081622109&wfr=spider&for=pc> (In Chin.) (accessed 15.10.2021)
6. 2021年9月全国进出口总值表 (人民币值) (The Department of Statistical Analysis of the General Administration of Customs of the PRC. China's total export & import values, September 2021 (in CNY)). <http://www.customs.gov.cn/tjs/sjgb/tjcx/3947036/index.html> (accessed 19.11.2021)

¹⁷ Average annual wages in China from 2010 to 2020 (in yuan). <https://www.statista.com/statistics/743522/china-average-yearly-wages/> (accessed 02.10.2021)

¹⁸ China power cuts hit factories, threaten growth. <https://asiatimes.com/2021/09/china-power-cuts-hit-factories-threaten-growth/> (accessed 28.11.2021)

7. 国常会：2020年确定新增减税降费2.5万亿 部署帮扶外贸企业渡难关 (Standing Committee of the State Council Decided to cut a total of 2.5 trillion yuan in taxes to help foreign trade companies to get over difficulties). (In Chin.). https://www.sohu.com/a/401057298_120064303 (accessed 02.10.2021)

8. 外贸第一大省之变：广东进出口总值占全国比重由巅峰时期40%降至21% (A change of the top Chinese foreign trade province: a share of Guangdong in China's foreign trade turnover decreased from 40 % in its peak period to 21%). (In Chin.). <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1711423415438520420&wfr=spider&for=pc> (accessed 28.11.2021)

9. 观察 | 2020年中国对外贸易分析 (Overlook. Analysis of China's Foreign Trade in 2020). <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1690670180657165354&wfr=spider&for=pc> (In Chin.) (accessed 06.10.2021)

10. 中国有2.9亿农民工，为何工厂哭诉“招工难”？原来都干这行去了 (Why do Chinese factories face labor shortage with 290 million migrants workers? All have transferred to other sectors). (In Chin.). <https://new.qq.com/omn/20210104/20210104A0G9WS00.html> (accessed 03.11.2021)

11. 中国有2.9亿农民工，为何工厂哭诉“招工难”？原来都干这行去了 (China has 300 million unemployed youth and companies struggling with a labor shortage, what is the problem?). (In Chin.). <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1677787356450797617&wfr=spider&for=pc> (accessed 28.10.2021)

12. Goldman Sachs cuts China growth forecast over power outages. <https://www.bbc.com/news/business-58704200> (accessed 28.11.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шиганова Юлия Михайловна, кандидат экономических наук, Москва Россия.

Julia M. Shiganova, PhD (Economics), Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 11.09.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 18.11.2021

Принята к публикации
(Accepted) 10.12.2021

Инновационное развитие Китая и задачи на будущее

© Шкваря Л.В.^а, 2022

^а Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-6653-939X; destard@rambler.ru

Резюме. В статье анализируется ход и результаты инновационного развития КНР, а также цели и задачи страны в этом аспекте до 2035 г. Автором показано, что Китай на протяжении десятилетий активно и последовательно стремится к инновационному прорыву как возможности достижения лидерства в мировой экономике, и уже зафиксировал ряд достижений в этой сфере. Но проблемой Китая остается в значительной степени сохраняющаяся инновационная и технологическая зависимость от зарубежных стран. Это серьезный сдерживающий фактор для КНР - как в технологической и инновационной сферах, так и в социально-экономической системе и внешнеэкономической деятельности. В то же время Китаю важно обеспечить устойчивое и долгосрочное развитие. В этой связи принципиальным моментом государственных программ развития КНР служит задача стать «технологически самодостаточным» государством, создавая собственные наработки самостоятельно. Для этого Китай стремится содействовать международному научно-техническому и инновационному сотрудничеству как равноправный, а не «младший» партнер, как инноватор, а не как импортер. Именно такой подход может обеспечить Китаю не только внешнеэкономическую, но и инновационно-технологическую экспансию на зарубежные рынки. В этой связи предпринимаются более или менее успешные попытки работать вместе с другими странами над созданием открытой, справедливой и недискриминационной среды для научно-технического развития.

Ключевые слова: КНР, инновации, технологии, технологическое развитие, международное сотрудничество

Для цитирования: Шкваря Л.В. Инновационное развитие Китая и задачи на будущее. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 1. С. 32-39. DOI: 10.31857/S032150750018296-7

China's innovative development and challenges for the future

© Liudmila V. Shkvarya^a, 2022

^a Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-6653-939X; destard@rambler.ru

Abstract. Based on the information published in a number of primary documents (in particular, the Ministry of Science and Technology of China, the Program of International Scientific, Technical and Innovative Cooperation in 2006-2020, the 14th five-year Plan of Economic and Social development, etc.). The article analyzes the progress and results of the innovative development in China, as well as the goals and objectives of the country in this aspect until 2035. The author shows that China has been actively and consistently striving for an innovative breakthrough for decades as an opportunity to achieve leadership in the world economy, and has already recorded a number of achievements in this area. But the problem of China remains largely the continuing innovative and technological dependence on both Western countries and the Russian Federation. This is a serious deterrent for China - both in the technological and innovative spheres, as well as in the socio-economic system and foreign trade activities. At the same time, it is important for China to ensure sustainable and long-term development. In this regard, the main point of the state development programs in China is the task of becoming a "technologically self-sufficient" state, creating its own developments independently. To this end, China seeks to promote international scientific, technical and innovative cooperation as an equal, not a "junior" partner, as an innovator, not as an importer.

Keywords: China, innovation, technological development, international cooperation

For citation: Liudmila V. Shkvarya. China's innovative development and challenges for the future. *Asia and Africa today*. 2022. № 1. Pp. 32-39. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018296-7

ВВЕДЕНИЕ

Китай сформировал свой первый план высокотехнологичных исследований и разработок еще в 1986 г. В 1998 г. было создано Министерство науки и технологий КНР - для реализации поставленных задач научно-технического и инновационного развития страны и в рамках идей и направлений, изложенных в стратегических государственных документах. Именно с начала 1980-х гг., и особенно в последнее десятилетие XX в., в стране начала складываться национальная инновационная система. Причем ее формирование осуществлялось не только на основе развития науки и технологий, но и глубокой институциональной перестройки, а также многоуровневого международного сотрудничества [2].

Следует отметить, что до конца XX в. включительно Китай в очень значительной степени (и даже почти исключительно) зависел от импортных инвестиций, технологий и международного сотрудничества, в т.ч.

с Россией [5; 9; 13], от имплементации в национальную экономику предприятий с иностранным участием. Некоторые авторы усматривают в инвестиционной политике Китая, сумевшего стать крупным реципиентом прямых иностранных инвестиций (ПИИ), «интервенционистские черты», т.к. зачастую одним из условий Китая, предъявляемым к иностранным компаниям для разрешения им ПИИ и размещения их производства в КНР, в т.ч. в свободной экономической зоне (СЭЗ), было требование о безвозмездной передаче иностранных технологий китайской стороне [13]. В последней четверти XX в. Китаю удалось не только стать «домом» для ряда высокотехнологичных производств иностранных компаний, но и, используя западные технологии, создать собственные предприятия с высокой инновационной составляющей и даже копировать популярные в мире технологии.

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ

В XXI в. начался, фактически, новый этап в инновационном развитии страны, связанный уже не столько с импортом инновационных товаров и технологий, сколько с разработкой и адаптацией собственных. Однако в «нулевые годы» Китай был больше ориентирован на трансфер технологий как некий промежуточный этап - использование иностранных технологий на национальных китайских предприятиях, которые уже не принадлежали иностранным компаниям и не управлялись ими [9].

Эта практика реализовывалась в рамках национальной Программы международного научно-технического и инновационного сотрудничества КНР, рассчитанной на 2006-2020 гг. Китайские исследователи отмечают, что программа ориентировала на рост в КНР роли и результатов международного научно-технического и инновационного сотрудничества (МНТИС), на интеграцию в мировую инновационную систему и эффективное взаимодействие в ее поле. Все это призвано создать новые возможности и новые источники финансирования и развития (и оптимизировать имеющиеся) [6].

Мировой опыт показывает, что многослойная и многоканальная система МНТИС объединяет разнообразные глобальные ресурсы, выступает важным направлением создания нового типа международных отношений, основанных на интеграции в глобальную инновационную сеть. Участие страны в МНТИС способствует росту инновационной конкурентоспособности, постоянному наращиванию потенциала для систематического и комплексного использования международных и национальных ресурсов. Кроме того, взаимодействие в сфере инноваций - это стратегическая опора для национального развития и реализации всех поставленных перед той или иной страной социально-экономических задач [8].

Председатель КНР Си Цзиньпин в 2020 г. отмечал: «Наиболее существенной особенностью построения новой модели развития выступает достижение высокого уровня самообеспеченности. Мы должны уделять больше внимания независимым инновациям, всесторонне укреплять развертывание научно-технических инноваций, собирать преимущества ресурсов, энергично и упорядоченно продвигать инновационные исследования, укреплять инновационную цепочку и стыковку промышленных цепочек» [10].

В 2021 г. Министерство науки и техники КНР приступило к подготовке 14-го пятилетнего плана действий по научно-инновационному сотрудничеству между Востоком и Западом с учетом имеющихся в стране заделов. Среди этих заделов можно отметить, например, создание в КНР 2020 г. Исследовательского центра инновационного сотрудничества между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), проведение Форума молодых талантов в области науки и техники между Китаем и ЦВЕ и публикацию Системы показателей научно-технических инноваций Китая и ЦВЕ. В рамках этой инициативы КНР стремится овладеть новым форматом, расширить сотрудничество в цифровой экономике, электронной коммерции, здравоохранении и других областях.

Стремясь содействовать созданию механизма диалога по сотрудничеству в области инноваций и технологий, Китай принял решение о проведении в 2020-2021 гг. Годов российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества. На этот период было запланировано проведение более 1 тыс. российско-китайских совместных мероприятий в различных сферах, в т.ч. в разработке и внедрении новых знаний, технологий, инноваций. Среди успешных проектов можно отметить завершение строительства коллайдера на базе ускорителя «Нуклотрон», поскольку Китай активно участвует в нескольких элементах этого проекта, и открытие Российско-Китайского математического центра. [15]

Так, среди заделов инновационного и технологического развития Китая можно назвать рост государственных инвестиций в сферу НИОКР с 1,42 трлн юаней (\$219,675 млрд) в 2015 г.) до 2,4 трлн юаней (\$371,28 млрд) в 2020 г.¹, в т.ч. практически удвоившееся в 2016-2020 гг. финансирование фундаментальных исследований. В 2020 г. объем финансирования фундаментальных исследований, по оценкам, превысил 150 млрд юаней (\$23,205 млрд), что составило около 6% инвестиций в НИОКР. При этом частные пред-

¹ 14-й пятилетний план экономического и социального развития КНР и программа перспективных целей на 2035 год. http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (на кит. яз.).

приятия профинансировали порядка 76,4% всех расходов на НИОКР [11]. Следовательно, приоритетными в финансировании НИОКР в настоящее время в Китае стали не столько государственные, сколько негосударственные структуры, которые, следует заметить, стимулируются к таким расходам как государством, так и рынком, а также задачами развития страны.

Растет количество высокотехнологичных предприятий в КНР. Оно уже превысило 200 тыс., а штат работников сферы НИОКР в эквиваленте полного рабочего дня возрос с 376 тыс. до 4,8 млн человек. Есть и другие изменения - произошло углубление приоритетных направлений реформирования национальной научно-технической системы, формирование «новой экосистемы» инновационного предпринимательства. В результате, на отечественные предприятия приходится 65% заявок на патенты на изобретения. Наконец, Китай активно интегрируется в глобальную инновационную сеть, чтобы использовать имеющиеся и создать новые возможности национального высокотехнологичного и инновационного развития, шире использовать ресурсы мировой системы.

В 2020 г. на экономическое развитие Китая негативно повлияла пандемия *COVID-19*, но поддержка науки и техники в экономике стала еще более заметной в условиях невзгод. Тем не менее, в 2020 г. добавленная стоимость высокотехнологичного производства в промышленности Китая выросла на 7,1% по сравнению с предыдущим годом. Это на 4,3% выше, чем в целом в национальной экономике [3], что подтверждает устойчивость системы. На основе данного задела Китай ставит важные цели и задачи по дальнейшему развитию инновационной составляющей национальной экономики, отраженные в ряде государственных документов с учетом сохраняющихся трудностей.

В частности, отмечается², что, несмотря на впечатляющие успехи китайских инноваций (пилотируемая космонавтика, гибридный рис, теория и практика наземного синтеза нефти, высокопроизводительные компьютеры и т. д.), сохраняется много проблем - как в социально-экономической, так и в инновационной сферах. Среди них - чрезмерная зависимость экономического роста от потребления энергоресурсов, серьезное загрязнение окружающей среды; иррациональная структура экономики, в т.ч. по регионам; слабая сельскохозяйственная база, отставание в развитии высокотехнологичных отраслей и современных услуг; слабый независимый инновационный потенциал, низкая конкурентоспособность предприятий и экономической эффективности, низкая инновационная абсорбционная способность основной массы малых и средних отечественных предприятий. Есть много трудностей и проблем, которые необходимо решить в плане расширения занятости, рационализации отношений распределения, обеспечения охраны здоровья и обеспечения национальной безопасности.

Так, для Китая стратегически важны агротехнологии (обеспечивающие рост АПК и продовольственная безопасность); энергетика и энергосберегающие и «зеленые» технологии, (снижение энергопотребления); строительство, инфраструктура и др. Страна стремится сформировать модель национального замкнутого технологического цикла, создать ряд научно-исследовательских институтов и университетов мирового класса, а также научно-исследовательских центров, активно сотрудничающих с международными конкурентоспособными инновационными и производственными субъектами хозяйствования, что будет способствовать формированию более совершенной китайской национальной инновационной системы.

Общая задача на 2021-2035 гг. - получить независимую интеллектуальную собственность на основные технологии производства и информационной индустрии, как прорыв в повышении конкурентоспособности отрасли в Китае, обеспечить появление автономных инноваций и рост (количественный и качественный) собственных разработок в ключевых областях исходя из реальных задач.

Представляется, что решение этих задач имеет для страны жизненно важное значение.

Собственный потенциал КНР в инновационной сфере все еще довольно слаб. Отмечается низкий уровень самообеспеченности ключевых технологий, небольшое количество патентов на изобретения. По-прежнему низок уровень технологий в некоторых районах, особенно в сельской местности Среднего Запада. Недостаточно высокое качество собственных научных исследований, относительно малое количество высококвалифицированного персонала, несовершенны институциональные механизмы³. В этих условиях, по нашему мнению, Китаю не остается ничего другого, как активизировать международное инновационное сотрудничество.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ КНР

Большое внимание уделяется Китаем не только оценке современного инновационного положения страны, но и тем элементам, формирование и внедрение которых позволят достичь поставленных задач в предполагаемые сроки.

² Там же.

³ Там же.

Первым из них остается устойчивый рост инвестиций в НИОКР. Так, согласно Плану развития Китая на 14-ю пятилетку 2021-2025 гг. (или «План 145»), опубликованному 12 марта 2021 г., до 2025 г. среднегодовой рост инвестиций в НИОКР должен составлять 7%, что сопоставимо с темпом роста национального ВВП, который в 2025 г. в КНР должен увеличиться с нынешних 70 трлн юаней (\$10,829 млрд) до более чем 100 трлн (\$15,470 млрд)⁴. При этом предполагается, что капитальные затраты на фундаментальные исследования должны составлять до 8% от общего объема инвестиций в НИОКР⁵.

Для достижения этой цели предлагаются налоговые льготы предприятиям, инвестирующим в фундаментальные исследования, а также поощряется финансирование НИОКР за счет т.н. общественных «многоканальных средств», таких, как пожертвования. Кроме того, предполагается создание специального фонда для формирования устойчивого и стабильного механизма инвестиций.

Такое внимание к фундаментальным исследованиям и инновациям связано с тем, что стратегические потребности страны требуют оптимизации портфеля инновационных систем и ускорения создания «стратегических научно-технических сил», возглавляемых национальными лабораториями. «План 145» предусматривает ускорение цифровизации экономики, создания цифрового общества и цифрового правительства. Добавленная стоимость основных отраслей цифровой экономики достигла 7,8% ВВП Китая к 2020 г. и, как ожидается, увеличится до 10% к 2025 г., а добавленная стоимость новых отраслей - до 17% ВВП.

Основные показатели, которые были достигнуты в 2020 г. и должны быть достигнуты в 2025 г., представлены в *таблице*.

Как видно из *таблицы*, важной задачей Китая в условиях старения населения стал возврат к росту рождаемости (см. п. 12 в *табл.*). С этой целью предусмотрена значительная поддержка рождаемости детей и их обучения, срок которого также увеличивается, что, в свою очередь, должно в долгосрочном периоде обеспечить стране стабильность научных исследований и их результатов. Также предусматривается улучшение качества жизни, в т.ч. экологии, наряду с развитием городских агломераций, сельских общин, транспортной инфраструктуры, а также всех направлений производственной сферы, что даст возможность роста инновационного спроса в стране - как на уровне предприятий, так и домохозяйств.

Таблица. Основные показатели экономического и социального развития Китая в 2000 и в 2025 г.
Table. Key indicators of China's economic and social development in 2000 and in 2025

	Категория	2020	2025
1.	Рост ВВП, среднегодовой, %	2,3	6
2.	Рост производительности труда, %	2,5	-
3.	Уровень урбанизации, %	60,6	65
4.	Рост расходов на НИОКР, среднегодовой, %	6	7
5.	Затраты на фундаментальные исследования в общем объеме финансирования НИОКР, %	6	8
6.	Количество изобретений на 10 000 человек, ед.	6,3	12
7.	Рост стоимости сектора цифровой экономики, % от ВВП	7,8	10
8.	Рост доходов граждан, %	2,1	-
9.	Средний срок образования, лет	10,8	11,3
10.	Число практикующих врачей на 1000 человек (чел.)	2,9	3,2
11.	Коэффициент участия в базовом страховании по старости, %	91	95
12.	Число детей в возрасте до 3 лет, на 1000 человек	1,8	4,5
13.	Продолжительность жизни, лет	77,3	-
14.	Снижение энергопотребления в ВВП, %	-	13,5
15.	Снижение выбросов CO ₂ , %	-	18
16.	Коэффициент лесовосстановления	23,2	24,1

Составлено по: 14-й пятилетний план экономического и социального развития КНР и программа перспективных целей на 2035 год. http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (на кит. яз.).

В следующем десятилетии такие технологии, как автопилот, машинный перевод и цифровые операции в различных сферах экономики и регионах, согласно плану, перейдут от количественных изменений к качественным. Изменение качества, повышение эффективности и трансформация основ мотивации, кото-

⁴ В текущих ценах по текущему курсу (прим. авт.).

⁵ 14-й пятилетний план экономического и социального развития КНР...

рые способствуют экономическому развитию, неотделимы от технологических инноваций, что подтверждает опыт многих стран, в т.ч. и самого Китая [12].

Среди основных задач инновационного развития Китая на будущее можно выделить следующие:

- всестороннее стремление к инновационному развитию и формирование новых преимуществ, что включает модернизацию Китая, научно-техническую самостоятельность в качестве стратегической цели национального развития, совершенствование национальной инновационной системы, ускорение роста научно-технической мощи;
- создание крупных научно-инновационных платформ, формирование международных научно-инновационных центров, строительство крупной научно-технической инфраструктуры для повышения уровня и эффективности совместного международного использования и обмена научно-технической информацией;
- совершенствование технологических инноваций на предприятиях: улучшение механизма рыночной ориентации на технологические инновации, укрепление статуса предприятия как инновационного субъекта, содействие объединению различных инновационных элементов в одном предприятии, формирование корпоративной, рыночной, производственной и научно-исследовательской системы глубокой интеграции технологических инноваций. Подчеркивается важность стимулирования предприятий к увеличению инвестиций в НИОКР и совершенствования налоговых льгот, предоставления необходимых услуг и «правильной оценки результатов», т.е. вклада инновационной составляющей в экономическую деятельность и ее результат;
- рационализация системы инновационного обслуживания предприятий, в том числе - на основе формирования «цепочек инноваций» (по аналогии с «цепочкой поставок»), а также инновационной инфраструктуры;
- стимулирование инновационной активности талантов;
- оптимизация институционального механизма научно-технических инноваций;
- активное содействие открытому сотрудничеству в области науки и техники.

Новая национальная стратегия Китая, как предполагается, может быть реализована на основе 5-ти составляющих (см. рис.). Эти составляющие, собственно, представляют собой те требования, которые предъявляет к формирующейся китайской инновационной системе.

Деятельность этой системы поддерживают, **во-первых**, государство как руководитель и вдохновитель, разрабатывая долгосрочные стратегии, обеспечивая финансирование и предоставляя другие ресурсные возможности - материальные и нематериальные, в т.ч. людские, а также «среду обитания», например, защиту интеллектуальной собственности, кибербезопасность и др.; **во-вторых**, субъекты хозяйствования (в качестве основного потребителя инноваций); **в-третьих**, рынок (как важнейшее условие, т.к. инновации и разработки должны быть востребованными, конкурентоспособными и соответствовать спросу количественно и качественно), и, наконец, производители инноваций - в качестве основного разработчика.

Рис. Компоненты национальной инновационной стратегии Китая.
Разработано автором.

Причем на данном этапе и в перспективе должны формироваться прямые связи между производителями и потребителями инноваций и, в целом, рост внутреннего спроса на инновации, прежде всего китайские, как основа для их последующего экспорта. На сегодняшний день интернет-провайдеры *Alibaba, Baidu*

и *Tencent* являются мировыми лидерами онлайн-сервисов, в первую очередь, благодаря успехам на огромном внутреннем рынке [14].

Этот подход обеспечивает не только формирование новых структур, но и трансформацию и модернизацию существующих - на основе использования цифровых технологий, возможностей Интернета, электронной коммерции и интеллектуальных технологий нового поколения.

А поскольку строительство такого «здания» предполагает значительный уровень ресурсных вложений, то Китаю важно иметь возможность использовать вложения таким образом, чтобы обеспечить именно международное сотрудничество, т.е. участие не только в международных цепочках стоимости и транспортно-логистических цепочках, но и в инновационных, которые могут быть использованы двумя и более странами-партнерами. Причем в этой стратегии привлечение инвестиций уступает место развитию инновационной составляющей. Китай на данном этапе развития уже меньше интересуется финансовой составляющей, а больше - инновационной. Китай сам готов финансировать инновации в зарубежных странах - при условии получения на эти инновации «прав собственности» [15].

Интересно, что одним из элементов такой цепочки выступает строительство «инновационных хабов». Очевидно, что создание устойчивых инновационных цепочек - это жизненная необходимость не только для Китая; с другой стороны, их наладка и контроль, к которому стремится Китай, а также эффективность (прежде всего, для Китая), представляют пока серьезную проблему.

Так, государственная научно-техническая инновационная программа Китая на 13-ю пятилетку (2016-2020 гг.) ставила задачу сформировать в стране региональную систему инновационных хабов, примерами которых в настоящее время служат центральная инновационная зона дельты реки Янцзы и Гуанчжоу и Шэньчжэнь в качестве центральной инновационной зоны дельты реки Чжуцзян. В этом случае «инновационный хаб» имеет определенную иерархическую структуру, соответствующую особенностям и задачам развития той или иной территории.

Следовательно, Китай вступает в эпоху инновационной глобализации. Пекин стремится к лидерству в деле формирования архитектуры этой инновационной глобализации, создавая и обеспечивая те или иные условия ее развития на основе комплексной трансформации национальной экономики и социальной сферы, а также формирования собственной инновационной системы. Эта система должна быть высоко конкурентной и взаимодействовать с зарубежными инновационными системами в максимальном объеме и с максимальным эффектом [4]. Кроме того, она должна быть гибкой и адаптивной, что особенно важно в условиях растущей глобальной нестабильности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно выделить ряд этапов в развитии инновационной системы Китая:

Первый (1980-е - конец 1990-х гг.) - период высокой зависимости от иностранных инвестиций, технологий, инновационного менеджмента, ученых и т.д. **Второй** (с конца 1990-х гг. до 2005 г.) - мы условно называем промежуточным (*иностранные* инвестиции и технологии управлялись на *отечественном* уровне). **Третий** (2006-2020 гг.) - этап количественно-качественного развития инновационной системы, попытка добиться создания собственных нововведений, их распространения и формирования рынка инноваций. **Четвертый** (2020-2035 гг.) - перспективный период качественно-количественного развития, т.е. обеспечения китайского производства современных инноваций, высоко востребованных не только на китайском, но и на зарубежных рынках, и на этой основе, на наш взгляд, происходит не только встраивание Китая в мировую инновационную систему, но и формирование ее «правил игры».

На всех этих этапах роль международного сотрудничества в инновационной сфере была основополагающей.

Поэтому сегодня - и в перспективе до 2035 г. - Китай ставит задачу реализации более открытой, инклюзивной и взаимовыгодной стратегии международного научно-технического сотрудничества и более активной интеграции в глобальные инновационные сети. КНР стремится активно продвигать международное научно-техническое сотрудничество в таких областях, как предотвращение и борьба со вспышками болезней и общественное здравоохранение, фокусируя внимание на изменении климата, продовольственной безопасности, энергетике, космонавтике и других вопросах, укрепляя совместные научные исследования и разработки национальных и зарубежных исследователей.

Страна активно разрабатывает и возглавляет международные крупные научные программы и крупные научные проекты, которые играют уникальную роль в научной сфере. Достижения фундаментальных исследований Китая в области квантовой запутанности, фермионов Вейля и эмбриональных стволовых клеток оказали влияние на весь мир, заявил министр Ван Ган на пресс-конференции в кулуарах ежегодной сессии Всекитайского собрания народных представителей [17]. В этой связи происходит активизация национальных научно-технических программ, запуск ряда крупных научно-технических совместных проек-

тов, создание глобального научно-исследовательского фонда, реализация программ обмена учеными, поддержка создания на территории КНР и других стран международных научно-технических организаций, зарубежных ученых и др.

За последние 10 лет с нуля возникла новая волна высокоинновационных китайских компаний, некоторые из них даже вышли на ведущие позиции в мировой экономике. Это 3 крупнейшие интернет-компании в Китае, которые имеют глобальный охват - *Baidu*, *Alibaba* и *Tencent*, или *BAT*, как их все вместе называют, и 3 корпорации-разработчика и производителя электроники, как *Huawei*, *Xiaomi* или *ZTE*, которые в совокупности создают многоотраслевую цифровую экосистему. [16]

Другими словами, мы видим, что КНР предпринимает большие усилия для ускоренного роста инновационной составляющей, стремится занять лидирующие позиции в мировом инновационном процессе [18]. Например, с 2017 г. китайская интернет-компания *Tencent*, обогнала *Facebook* по рыночной стоимости и стала 5-й по значимости компанией в мире, в то время как *Facebook* занимает 7-е место. А китайский рынок *Alibaba* сейчас занимает 6-е место в мире. Более того, за последнее десятилетие Китай стал ведущей мировой державой в нескольких областях цифровой экономики. Например, доля Китая в глобальной электронной торговле в настоящее время составляет более 40%, что превышает совокупную долю Франции, Германии, Японии, Великобритании и США. [16]

Очевидно, что Китай будет увеличивать инвестиции в науку и технику, уделять пристальное внимание совершенствованию инновационной системы, ускорять трансформацию научно-технических достижений в реальную производительность, усиливать защиту прав интеллектуальной собственности, и будет способствовать реализации инновационного роста, основанного на коннотации. Пекин стремится содействовать международным научно-техническим обменам и сотрудничеству с более открытым мышлением и мерами, работать вместе с другими странами над созданием открытой, справедливой, и недискриминационной среды для научно-технического развития и поощрять взаимный обмен. Развивая международное технологическое и инновационное сотрудничество, Китай исходит из того, что научно-технические достижения должны приносить пользу всему человечеству, а не быть средством ограничения и сдерживания развития других стран.

Еще одной важной задачей, которую, на наш взгляд, необходимо будет решать КНР, является формирование активно развивающегося внутреннего рынка инноваций. Его развитию будет содействовать как рост инновационного экспорта, так и углубление международного инновационного сотрудничества в рамках различных инициатив. По-видимому, высокая значимость этого сотрудничества сохранится и в перспективе.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Babenko V., Pravotorova O., Yefremova N., Popova S., Kazanchuk I., Honcharenko V. 2020. The Innovation Development in China in the Context of Globalization. *WSEAS Transactions on business and economics*. DOI: 10.37394/23207.2020.17.51
2. Baviera A. 2016. China's Strategic Foreign Initiatives Under Xi Jinping: An ASEAN Perspective. *China Quarterly of International Strategic Studies*. Vol. 2, № 1, pp. 57-79. DOI: 10.1142/S2377740016500032
3. Chen J., Yin X., Mei L. 2018. Holistic Innovation: An Emerging Paradigm of Sustained Competitive Advantage. *International Journal of Innovation Studies*. № 1, pp. 1-35. DOI: 10.1016/j.ijis.2018.02.001
4. Fu X., Woo W.T., Hou J. 2016. Technological innovation policy in China: the lessons, and the necessary changes ahead. *Economic Change and Restructuring; Dordrecht*, № 49(2-3), pp. 139-157. DOI: 10.1007/s10644-016-9186-x
5. Karataev V.B., Grosheva P.Y., Shkvarya L.V. 2018. From the history of the development of controlled aerostats (Airships) in the XIX - early XX centuries. *Bylye Gody*, 49(3), pp. 1159-1165. DOI: 10.13187/bg.2018.3.1159
6. Liu S. 2016. Innovation Design: Made in China 2025. *Design Management Review*, № 27, pp. 52-58.
7. Nitin A., Rana D.C. 2019. China's Policy on Science and Technology: Implications for the Next Industrial Transition. *India Quarterly Journal of International Affairs*, Vol. 75, Iss. 2, pp. 206-227. DOI:10.1177/0974928419841786
8. Philipson S. 2020. Sources of innovation: Consequences for knowledge production and transfer. *Journal of Innovation & Knowledge*, № 5, pp. 50-58. DOI:10.1016/j.jik.2019.01.002
9. Solovieva Yu.V., Chernyaev M.V., Korenevskaya A.V. 2017. Transfer of technology in Asian-Pacific economic cooperation states regional development models. *Journal of Applied Economic Sciences*, vol. 12, № 5 (51), pp. 1473-1484.
10. Xi Jinping on scientific and technological innovations. https://www.xuexi.cn/lqpage/detail/index.html?id=5058796047456294330&item_id=5058796047456294330 (accessed 03.06.2021)
11. Zhifeng S., Ahsan S., Hongbing J., Yongming Z., Junjie L. 2020. Chinese-Style Innovation and Its International Repercussions in the New Economic Times. *Sustainability*, № 12, pp.1859-1876; DOI:10.3390/su12051859
12. Родионова И.А., Шкваря Л.В. На пороге «азиатского индустриального века». *Азия и Африка сегодня*. 2012, № 12, с. 2-5. Rodionova I.A., Shkvarya L.V. 2012. On the threshold of the «Asian industrial age». *Asia and Africa today*. № 12, pp. 2-5 (In Russ.)
13. Сую Ч. Обзор инновационной составляющей национального экономического развития. *Научное образование: теория и практика*. 2021. Т. 11. № 5 (85). С. 1307-1318. Xu Ch. 2021. Review of the innovative component of national economic development. *Scientific education: theory and practice*, vol. 11. No. 5 (85). pp. 1307-1318.

14. Шкваря Л.В., Ван С. СЭЗ Китая как драйвер внешней торговли. *Азия и Африка сегодня*. 2019, № 12, с. 57-63. DOI: 10.31857/S032150750007658-5
Shkvarya L.V., Wang S. 2019. China's FEZ as a driver of foreign trade. *Asia and Africa today*. № 12, pp. 57-63 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750007658-5
15. Завершились Китайско-российские годы научно-технического и инновационного сотрудничества 2020-2021. <https://russian.cgtn.com/n/BfJEA-CcA-GIA/EGBcIA/index.html> (accessed 01.12.2021)
The Chinese-Russian years of scientific, technical and innovative cooperation 2020-2021 have come to an end. <https://russian.cgtn.com/n/BfJEA-CcA-GIA/EGBcIA/index.html> (accessed 27.11.2021)
16. How China Creates the Strongest Innovation System <https://bnilab.com/blog/2017/11/29/how-china-creates-the-strongest-innovation-system> (accessed 01.11.2021)
17. China's science, technology make breakthroughs in strategic sectors: minister. http://english.www.gov.cn/state_council/ministries/2018/03/11/content_281476074114716.htm (accessed 30.10.12.2021)
18. China to initiate big science projects. http://english.www.gov.cn/policies/latest_releases/2018/03/28/content_281476092988226.htm (accessed 12.11.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шкваря Людмила Васильевна, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономики, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия.

Liudmila V. Shkvarya, Dr.Sc. (Economics), Professor, Department of Political Economy, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 27.09.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 29.11.2021

Принята к публикации
(Accepted) 16.12.2021

Операция «Бархан»: бесславно завершение?

© Филиппов В.Р.^a, 2022

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-0501-8528; fvr1957@mail.ru

Резюме. В июне 2021 г. президент Франции Э.Макрон заявил о предстоящем выводе войск из стран Сахеля и завершении операции «Бархан». Она была инициирована в 2014 г. с целью борьбы с исламским терроризмом в Африке. Театр военных действий распространился на территорию пяти государств Сахеля - Мали, Мавритании, Буркина Фасо, Нигера и Чада. Присутствие французских войск в регионе вызывало нарастающее недовольство африканцев. Стало очевидным, что они находятся здесь не для борьбы с терроризмом, а для защиты интересов Франции в Западной Африке. Военно-политический кризис 2020-2021 гг. в Мали, отстранение от власти в этой стране президента И.Б.Кейты изменили отношение французов к происходящему в Сахеле: более половины опрошенных в 2021 г. граждан Франции продемонстрировали негативное отношение к операции «Бархан». В условиях кризиса, вызванного пандемией *COVID-19*, нарастания протестных акций «желтых жилетов» во Франции, критики его политики со стороны политических оппонентов, президент Франции принял решение о выводе войск из Сахеля. Макрон шлет сигнал лидерам стран, входящих в военно-политический блок *G5 Sahel*: вы держитесь у власти до тех пор, пока опираетесь на французские штыки. Наконец, он надеется повысить свой рейтинг в канун выборов в 2022 г.

Ключевые слова: Франция, операция «Бархан», Мали, страны Сахеля, Западная Африка, Евросоюз, блок *G5 Sahel*

Для цитирования: Филиппов В.Р. Операция «Бархан»: бесславно завершение? *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 1. С. 40-47. DOI: 10.31857/S032150750018297-8

Operation «Barkhan»: An inglorious end?

© Vasily R. Filippov^a, 2022

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0501-8528; fvr1957@mail.ru

Abstract. In June 2021, French President Emmanuel Macron announced the forthcoming withdrawal of troops from the states of the Sahel and termination of Operation «Barkhan». It was initiated in 2014 towards to battle with Islamic terrorism in Africa. The theater of war has spread to the five states of the Sahel - Mali, Mauritania, Burkina Faso, Niger and Chad. The actions of the expeditionary force were not successful. The presence of French troops in the region caused growing discontent among Africans. It became obvious that they were not here to fight terrorism, but to protect French interests in West Africa. Military-political crisis 2020-2021 in Mali, the removal of President I.B. Keita from power in this country has changed the attitude of the French towards what is happening in the Sahel. E. Macron was unable to attract the EU countries to participate actively in hostilities against Islamists and separatists in West Africa. In the context of the crisis caused by the *COVID-19* pandemic, the growth of protest actions of the «yellow vests», criticism of his policy from political opponents, the French president decided to withdraw troops from the Sahel. In addition, Macron sends a signal to the leaders of the countries belonging to the military-political alliance *G5 Sahel*: you hold on to power as long as you rely on French bayonets. Finally, he hopes to boost his rating on the eve of the election in 2022.

Keywords: France, Operation «Barkhan», Mali, states of the Sahel, West Africa, European Union, alliance *G5 Sahel*

For citation: Vasily R. Filippov. Operation «Barkhan»: An inglorious end? *Asia and Africa today*. 2022. № 1. Pp. 40-47. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018297-8

«Без Африки у Франции не будет собственной истории в XXI веке».

Франсуа Миттеран

ВВЕДЕНИЕ

На пресс-конференции в Елисейском дворце президент Франции Эммануэль Макрон 10 июня 2021 г. сделал оглушительное заявление: менее чем за год до президентских выборов объявил о завершении операции «Бархан». Позже он уточнил, что Париж «пересмотрит только формат присутствия французских войск в регионе» [1].

Макрон заявил о намерении инициировать «глубокую трансформацию» французского военного присутствия в Сахеле. «Форма нашего присутствия, заключающаяся в проведении внешних операций с участием более пяти тысяч человек... больше не адаптирована к реальности боевых действий» [2]. Он надеется, что борьба с терроризмом будет вестись силами специального назначения, построенными вокруг операции «Такуба» с сильным французским компонентом, а также африканскими, европейскими и международ-

ными силами. (Отмечу, что европейский спецназ «Такуба» пока существует лишь на бумаге; эта структура, «которая должна аккумулировать европейские войска, но еще не достигла боевой готовности с начала формирования в прошлом году» [3]).

По замыслу главы французского государства, вместо сугубо национальной военной операции Франции в бывших африканских колониях будет взят курс на борьбу с терроризмом силами международного альянса, состоящего из стран региона. (Имеется в виду военно-политический альянс *G5 Sahel* - пяти государств Сахеля: Мали, Мавритании, Буркина Фасо, Нигера и Чада. Создание этого блока было инспирировано Елисейским дворцом в феврале 2014 г., под предлогом необходимости борьбы с исламскими террористами, а в действительности - для защиты интересов Пятой республики в регионе).

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА. ПУТЧ 2012 ГОДА В МАЛИ

Чтобы понять суть происходящего сейчас в Сахеле, необходимо вспомнить, что спровоцировало направление французских войск в Мали. Напомню, в апреле 2012 г. в этой стране должны были пройти очередные президентские выборы. Но 21 марта произошел путч в Бамако. Главарь путчистов Амаду Саного объявил о захвате власти в стране. Законно избранный президент Амаду Тумане Туре покинул страну, «временным президентом» стал спикер парламента Дионкунда Траоре.

В стране воцарился хаос. Наступление туарегов¹ на юг страны продолжалось, жители южных провинций сформировали народное ополчение и ждали случая прорваться на север и заняться грабежами. 23 мая 2012 г. в Бамако начались массовые акции против политики «временного президента», которые закончились штурмом президентского дворца. Д.Траоре был избит и вскоре вылетел в Париж. Связавшись с Елисейским дворцом, он объявил всеобщую мобилизацию, ввел чрезвычайное положение и обратился к президенту Франции Франсуа Олланду с просьбой о военной помощи.

11 января 2013 г. началась операция французских войск, получившая название «Сервал». Первоначально Франция направила в Мали 2 тыс. штыков «для оказания помощи малийской армии в борьбе с сепаратистами и исламистами, которые угрожали захватить Бамако»². До конца января был восстановлен контроль малийских правительственных войск почти над всей территорией страны. 3 февраля 2013 г. Олланд объявил, что миссия французской армии в Мали окончена. Операция «Сервал» формально завершилась в конце июня 2013 г. За время операции от туарегов и исламских фундаменталистов были освобождены все города на севере Мали, которые почти год удерживались мятежниками. К концу операции на малийском театре военных действий находились около 4 тыс. французских военнослужащих, а также военный контингент соседних африканских государств, направленный туда в рамках Африканской международной миссии по поддержке Мали.

Казалось бы, операция «Сервал» стала успехом французского экспедиционного корпуса и дипломатической победой Елисейского дворца. Но нужно иметь в виду, что сепаратизм туарегов и расширение влияния исламистов - это дестабилизирующие факторы на протяжении всей истории государства Мали. В 2013 г. французам удалось выбить какие-то вооруженные группировки сепаратистов из городков на севере страны. Но туареги растворились в песках Сахары и горах Сахеля.

Тем временем очевидным становилось сближение, а в ряде случаев и слияние боевых группировок туарегов с самыми различными террористическими объединениями исламских фундаменталистов. Французские военные столкнулись с новым объединением террористов, назвавших себя «Нусрат аль-Ислам валь-Муслимин». В него вошли туарегская группировка «Ансар ад-Дин», которая является филиалом «Аль-Каиды в Исламском Магрибе» (АКИМ), организация «Аль-Мурабитун», возглавляемая полевым командиром алжирского происхождения Мухтаром Бельмухтаром, и группировка «Эмират Сахара», также связанная с АКЦИМ и действующая на севере Мали [4] (более подробно см. [19]).

ОПЕРАЦИЯ «БАРХАН»

Туареги, а также исламисты, которые все более активно поддерживали сепаратистов, рассеялись по всей Субсахарской зоне - а это необъятные и труднопроходимые полупустыни, которые простираются от Атлантики до Красного моря и занимают площадь более 3 млн кв. км. Франция столкнулась с необходимостью контролировать всю эту громадную территорию. Операция «Сервал» как-то незаметно переросла в еще более масштабную и дорогостоящую военную акцию, которая в июле 2014 г. получила название «Бар-

¹ Бербероязычные племена, проживающие в Мали, Нигере, Буркина Фасо, Алжире и Ливии. «Белые люди Сахары» стремятся к политическому самоопределению в границах самопровозглашенного государства Азавад. Сепаратизм туарегов - фактор всей пост-колониальной истории Мали (*прим. авт.*).

² French troops continue operation against Mali Islamists. *BBC*. 2013. 12 January. <https://www.bbc.com/news/world-africa-20997522> (accessed 05.06.2020)

хан» и распространилась, помимо Мали, еще на четыре государства - Мавританию, Буркина Фасо, Нигер и Чад. Во время президентской речи на военной базе Ниамей в Нигере 19 июля 2014 г. Ф.Олланд анонсировал это как «новый этап борьбы с радикальным исламским терроризмом в Африке» [5].

Примечательно, что теперь президент Франции говорил уже не о помощи правительству Мали в борьбе с туарегами-сепаратистами, а о противодействии исламскому фундаментализму и терроризму. По официальным заявлениям Минобороны Франции, операция имела двоякую цель: во-первых, помочь вооруженным силам блока *G5 Sahel* в борьбе с террористическими сетями в Сахеле (в частности, с целью уничтожения салафитских группировок, связанных с «Аль-Каидой» [2]); во-вторых, способствовать предотвращению появления баз террористов в регионе.

Еще 20 декабря 2014 г. *G5 Sahel* при поддержке Африканского Союза призвала Совбез ООН создать международные силы для «нейтрализации вооруженных групп, содействия национальному примирению и установления стабильных демократических институтов в Ливии» [6]. Понятно, что призыв этот был инспирирован Парижем. Разумеется, речь о защите энергетической безопасности Франции не шла, говорилось лишь о противодействии терроризму и установлении демократии в Ливии.

Поначалу масштабы операции «Бархан» были значительно скромнее, чем масштабы предшествовавшей операции «Сервал». Предполагалось, что в операции будут задействованы 3 тыс. солдат, 6 штурмовиков *Rafale Mirage 2000*, 20 вертолетов, 200 бронетранспортеров, 10 транспортных самолетов и 3 дрона³. Однако уже к 2018 г. объем сил и средств был значительно увеличен.

В операции «Бархан» используются французские базы в гг. Гао (Мали), Атар (Мавритания), Уагадугу (Буркина Фасо), Ниамей (Нигер) и Нджамена (Чад). Задействованы «форвардные» или «контрольные» базы в г. Тессалит (Мали), Мадама (Нигер), Фая-Большо и Зуаре (Чад) [6]. Истребители базируются в Чаде, дроны-разведчики - в Нигере, войска специального назначения - в Буркина Фасо; логистический центр находится в Кот-д'Ивуаре [7].

К началу 2021 г. силы и средства, вовлеченные в операцию «Бархан», были таковы: 5100 военнослужащих, 3 беспилотных летательных аппарата, 29 единиц армейской авиации, 10 - транспортной авиации, 380 - транспортной автотехники, 290 бронетранспортеров и 240 броневедомостей⁴. Нет нужды говорить, что это достаточно мощная группировка, а воинский контингент имеет хорошую подготовку и серьезный боевой опыт: только в 2020 г. было проведено 128 операций [2]. И, тем не менее, операция «Бархан», закончилась провалом. Почему?

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 2020-2021 гг. В МАЛИ

Здесь мы вынуждены вновь вернуться к ситуации в Республике Мали. Завершение операции «Сервал» позволило Елисейскому дворцу в сентябре 2013 г. способствовать назначению президентом в Мали Ибрагима Б.Кейты, человека, зависящего от Парижа. Однако его правление не принесло Мали успокоения. Ему так и не удалось установить конституционный порядок на северных территориях и эффективно противостоять исламистам и сепаратистам-туарегам. Президент не проявлял должной гибкости и не был готов предпринять сколько-нибудь значительные шаги для достижения необходимого компромисса на переговорах с вождями кочевников. В одном из знаковых интервью в 2014 г. он заявил: «Я говорю четко! Никакой независимости, никакой автономии...» (цит. по: [8]).

После неудачной попытки правительства заключить мирное соглашение с сепаратистами в 2015 г. гражданская война возобновилась и привела к новым жертвам. За первые три года правления И.Б. Кейты с той и другой стороны погибли более 1300 человек. Резко возросло число нападений на туристов и захватов заложников.

Наиболее кровавым стало нападение в ноябре 2015 г. джихадистов на столичный отель *Radisson Blue*: боевики взяли в заложники 170 человек, погибли 19, в т.ч., 6 россиян⁵. Эскалация конфликта продолжалась и все последующие годы: число погибших в конфликте в 2017 г. составило 716 человек. С декабря 2019 по март 2020 гг. были совершены 266 террористических атак, в результате которых 242 человека были убиты и 119 ранены. Имели место 22 нападения на миротворческий контингент ООН, десятки терактов, направленных против французских солдат, принимавших участие в операции «Бархан», и против солдат малийской национальной армии.

³ François Hollande's African adventures. <https://www.economist.com/europe/2014/07/21/francois-hollandes-african-adventures> (accessed 21.07.2021)

⁴ Французская операция «Бархан»: насколько эффективна борьба с терроризмом в Сахеле. <https://riafan.ru/1365262-francuzskaya-operaciya-barkhan-naskolko-effektivna-borba-s-terrorizmom-v-sakhele> (accessed 08.06.2021)

⁵ Bamako: prise d'otages à l'hôtel Radisson Blue. *L'Express*. 2016. 18 janvier. https://www.lexpress.fr/actualite/monde/afrique/bamako-prise-d-otages-a-l-hotel-radisson-blue_1737877.html (accessed 18.01.2016)

К лету 2020 г. Республика Мали переживала системный политический, социальный и экономический кризис. Фактически страна распалась на две части: правительство не контролировало обширные области, находившиеся под властью джихадистов и сепаратистов. Традиционный конфликт между темнокожим населением и «белыми людьми пустыни» - туарегами и арабами - усугубился нарастанием противостояния различных племен темнокожего населения; трибалистская рознь между скотоводами и земледельцами становится все более кровопролитной. Власть не смогла консолидировать малийское общество. Коррупция и nepотизм дискредитировали государственный аппарат и провоцировали недоверие к власти. Армия была деморализована и была не в состоянии оказывать сопротивление террористическим угрозам, сепаратизму туарегов и межплеменным конфликтам среди темнокожего населения юга страны.

Присутствие французских войск в стране вызывало нарастающее недовольство малийцев. Стало очевидно, что истинной целью операции «Бархан» является защита интересов Франции в Западной Африке, прежде всего, сохранение контроля над урановыми рудниками и месторождениями золота в Мали и Нигере. С конца 2019 г. в стране быстро нарастал протест, направленный против присутствия французской армии в Сахеле и коллаборационистской политики президента Мали.

ПУТЧ 2020 ГОДА

В августе 2020 г. в Мали произошел военный переворот - пятый со времени обретения в 1960 г. независимости. Путчисты без боя захватили президентский дворец. У памятника Независимости бунтарей приветствовала толпа сторонников, армия и национальная гвардия поддержали восставших практически в полном составе.

Вечером 18 августа путчисты объявили об аресте президента страны Ибрагима Кейты, премьер-министра Бубу Сиссе, председателя Национальной ассамблеи Мусы Тимбине. На следующий день И.Б.Кейта сказал, что не желает кровопролития и объявил о своей отставке, об отставке правительства и роспуске Национальной ассамблеи. Повстанцы, в свою очередь, декларировали создание Национального комитета спасения народа (НКСН) - высшего органа государственной власти в Мали. Комитет призван осуществлять руководство страной в переходный период и подготовить проведение новых всеобщих выборов в рамках «гражданского политического перехода». Председателем НКСН стал Ассими Гоита - полковник вооруженных сил, на момент путча командир батальона сил быстрого реагирования. (Позже, 27 августа, А.Гоита провозгласил себя главой государства.)

Вечером того же дня по решению НКСН из тюрем были освобождены активисты оппозиционного «Движения 5 июня - Объединения патриотических сил» (известного в Мали как *M5-RFP - Mouvement du 05 Juin-Rassemblement des forces patriotiques*), в т.ч. Усман Мамаду Траоре - один из признанных лидеров оппозиции и наиболее последовательных оппонентов И.Б.Кейты. Примечательно, что лидеры «Движения 5 июня» называют происходящее в стране не военным мятежом, а народным восстанием.

Начались переговоры с лидерами оппозиционных политических структур. В итоге, 12 сентября члены НКСН согласились на 18-месячный политический переход к гражданскому правлению. 21 сентября временным президентом страны был назначен Ба Ндао. С мая 2014 г. до момента путча этот известный малийский политик занимал пост министра обороны.

Казалось бы, после описанных событий ситуация в стране должна была стабилизироваться. Но этого не произошло. Причина тому - отсутствие единства среди инициаторов переворота, различие во взглядах на будущее страны, на выбор союзников во внешней политике. Постепенно назревал конфликт между радикально настроенными инициаторами августовского путча и политиками, которые пришли к власти в результате сентябрьских выборов.

Армейская верхушка была недовольна скромным, по их мнению, представительством военных во властных структурах Республики, недостаточным учетом интересов армии во внутренней политике правительства переходного периода. Кроме того, временный президент и его кабинет не смогли нейтрализовать террористическую активность исламистов. Ситуация в стране оставалась напряженной, на территории Мали продолжали действовать многочисленные группировки туарегов и террористов, аффилированных с ИГ и «Аль-Каидой».

Не прошло и девяти месяцев с момента августовского путча, как страна вошла в новый виток политической турбулентности. Переходное правительство Мали 14 мая 2021 г. ушло в отставку, временный президент Б.Ндау поручил премьер-министру Моктару Уану сформировать новый кабинет. Это и стало камнем преткновения на пути выстраивания новой политической системы - армейскую верхушку не устроил предложенный состав правительства⁶.

⁶ Mali: pourquoi Bah N'Daw et Moctar Ouane sont toujours retenus à Kati. *Jeune Afrique*. 2021. 24 mai. <https://www.jeuneafrique.com/1177369/politique/mali-bah-ndaw-et-moctar-ouane-arretes/> (accessed 24.05.2021)

ПУТЧ 2021 ГОДА

25 мая наиболее радикально настроенные офицеры малийской армии воспользовались правительственным кризисом и вновь взяли власть в стране в свои руки. Военные, лояльные вице-президенту Мали полковнику А.Гоите, уже через час после объявления о формировании второго переходного правительства, арестовали Б.Ндау и М.Уану и перевезли их на армейскую базу в Кати. Президентская гвардия отказалась защитить президента, армия в большинстве своем поддержала путчистов, о чем свидетельствуют массовые митинги военных в Бамако. И гражданское население не встало на защиту временного президента.

В тот же день было опубликовано коммюнике вице-президента, в котором говорилось: «Вице-президент обязан действовать для сохранения хартии переходного периода и защиты республики с целью освобождения от исполнения полномочий президента и его премьер-министра, а также всех, вовлеченных в происходящее»⁷.

Полковник А.Гоита заявил, что освободил президента и премьера от исполнения обязанностей именно за нарушения ими хартии переходного периода. Как сообщила французская радиостанция *RFI*, на встрече с делегацией ЭКОВАС полковник объявил о своем намерении стать следующим временным президентом страны на период до середины 2022г., оставив должность вице-президента вакантной. Он также уведомил членов делегации о том, что на переходный период военный совет возьмет на себя управление страной, и снова заверил, что выборы и референдум пройдут в соответствии с изначальными планами.

28 мая 2021 г. Конституционный суд Мали объявил А.Гоиту временным президентом страны [9], а 10 июня - через неделю после того, как Париж объявил о завершении двустороннего сотрудничества с Бамако - Э.Макрон объявил о завершении операции «Бархан» и пересмотре форм присутствия Франции в регионе. Президент Франции квалифицировал как «ошибку» решение Экономического сообщества западно-африканских государств (ЭКОВАС) о признании полковника Гоиты [1].

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В САХЕЛЕ

События в Мали нельзя рассматривать вне общего геополитического контекста. Обстановка в этой стране накануне путча в той или иной степени напоминает ситуацию, которая сложилась в настоящее время в других странах Западной Африки. Военный переворот в Мали, поддержанный структурами гражданского общества, стал индикатором глубокого кризиса африканской политики Елисейского дворца.

Сетевое издание *Mond Afrique* еще в июле 2019 г. опубликовало аналитический обзор, в котором отмечалось, что «операция “Бархан” стала предметом резкой критики и поводом к недружественным демонстрациям в связи с поддержкой И.Б.Кейты и его властей» и «поддержка этого коррумпированного режима дискредитирует Францию, президента Макрона и его министра иностранных дел Жан-Ива Ле Дриана» [10].

Подобные упреки по понятным причинам раздражали президента Франции. Дело дошло до того, что Э.Макрон еще в начале 2019 г. предупредил африканских коллег о возможности сокращения участия или даже о выходе Франции из операции «Бархан». Даже лояльным по отношению к Елисейскому дворцу журналистам понятно, что «приглашение малийского народа» - политический миф. Время, когда французов воспринимали как освободителей, судя по всему, осталось в прошлом. Их присутствие вызывает все большее недовольство. Демонстрации в поддержку малийской армии перерастают в публичную критику роли Франции в кризисе, как это уже было в период наступления туарегов на север страны в 2012 г.

В январе 2020 г. на саммите военно-политического блока *G5 Sahel* президент Франции потребовал у лидеров входящих в него стран подтвердить свое согласие с операцией «Бархан» и поддержать военное присутствие Франции в регионе⁸. Это, разумеется, лишь усилило протестное движение в государствах Сахеля. Сейчас ситуация в этих странах такова, что путч в Мали и отставка И.Б.Кейты могут спровоцировать цепную реакцию в Западной Африке.

Распространение коронавируса в регионе еще более накалило ситуацию. В начале апреля 2020 г. эксперты парижского Центра анализа, прогнозирования и стратегии (*CAPS*) направили французскому президенту доклад «Эффект панголина: грядущий шторм в Африке». Его авторы призвали Э.Макрона готовиться к «длительной дестабилизации» в Африке в условиях «предстоящего кризиса обществ и государств».

Французские дипломаты высказывали обоснованные опасения, что грядущий кризис может уничтожить «хрупкие режимы» в Сахеле и Центральной Африке. Они сочли, что *COVID-19* может стать «политическим вирусом, который... покажет неспособность этих государств защитить свое население». При этом

⁷ Mali: la junte accuse le président et le Premier ministre de "sabotage" de la transition. *TV5 Monde*. 2021. 25 mai. <https://information.tv5monde.com/afrique/mali-la-junte-accuse-le-president-et-le-premier-ministre-de-sabotage-de-la-transition-410129>

⁸ Sommet du G5 Sahel à Pau: Emmanuel Macron veut resserrer le front antijihadiste. *France 24*. 2020. 13 janvier. <https://www.france24.com/fr/20200113-un-sommet-du-g5-sahel-%C3%A0-pau-pour-resserrer-le-front-antijihadiste> (accessed 14.01.2020)

аналитики *CAPS* указывали на особую уязвимость «некоторых экономически слабых и политически нестабильных франкоязычных стран, менее надежных и структурированных, чем другие». Эксперты предупредили, что «сравнение определенных государств, чья государственная политика терпит неудачу (государства Сахеля и Центральной Африки) с другими африканскими странами, обладающими более прочными властными институтами (например, Руанда или Сенегал) было бы «неблагоприятно» для первых.

«Эффект сравнения» может стать дополнительным конфликтогенным фактором и привести к смене политических элит. Дипломаты *Quai d'Orsay* полагают, что прямым следствием пандемии коронавируса станет «жесткая конкуренция за передел геополитического и экономического пространства на Африканском континенте» [11]. Как показал путч в Мали, концептуальные положения, содержащиеся в этом документе, оказались пророческими.

Кроме того, было понятно, как скажется на боеспособности французских войск резкое сокращение американского военного присутствия в Сахеле. Напомню, что в начале 2020 г. глава Пентагона Марк Эспер объявил о сокращении или полном выводе американских войск из стран Субсахарской Африки. Согласно этому плану, американцы должны покинуть военную базу в Нигере и прекратить поддержку Франции в борьбе с исламистами. Э.Макрон тогда назвал это «плохой новостью» [18].

ПРИЧИНЫ НЕУДАЧ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ

Начало конца военной интервенции Франции в Субсахарской зоне эксперты связывают с военным переворотом в Мали. Турецкий политолог Язар Демир полагает, что «первый серьезный провал операции «Бархан» произошел после военного переворота в этой стране, когда недавно созданное правительство, которое Франция не приветствовала, объявило о приостановлении совместных операций с Францией» [2]. Он справедливо констатировал тот факт, что в сложившейся ситуации «Франция внезапно оказалась в Мали нежелательным государством», что серьезно сказалось на общественном мнении граждан Пятой республики и, прежде всего, в армейской среде. Вплоть до последнего времени французы верили в то, что их солдаты защищают малийцев от исламистских экстремистов и несут демократические ценности на Черный континент. Теперь в это мало кто верит.

Социологические опросы с 2013 г. постоянно свидетельствовали о том, что более половины французов одобряли военные операции в Сахеле. Перелом в массовом сознании наступил в 2021 г. - 51% опрошенных высказался за вывод войск из Африки⁹. Президент Франции вынужден был признать, что решение о завершении операции «Бархан» было принято «на фоне разочарования во французском общественном мнении по поводу присутствия армии Пятой республики в этом районе» Он заявил, в частности: «Франция не может обеспечивать политическую стабильность в регионе и противостоять выбору суверенных государств...» [12].

Другой фактор, оказывающий серьезное влияние на исход операции «Бархан», - финансовый. Накануне избрания Э.Макрона президентом, в 2016 г. на операцию «Бархан» уже было потрачено около €1,3 млрд, расходы на одного солдата составили около €100 тыс. (Впрочем, есть иная оценка затрат на проведение этой операции - €700 млн ежегодно [5].) Подобная расточительность вызвала серьезное недовольство во французском обществе и в 2016 г. стала предметом рассмотрения Сената. На заседании парламентской комиссии был озвучен прогноз, согласно которому (на основе расходов, понесенных к тому моменту времени) в ближайшие 10 лет стоимость операции должна была составить €37 млрд [2].

Финансист Макрон отлично понимает, как скажется это на экономике страны. Но и держать иностранный легион «на голодном пайке» он не решает. Примечательный факт: уже через три дня после своей инаугурации в мае 2017 г. Макрон прибыл на встречу с французским воинским контингентом в Мали и Нигере. На этой встрече основную проблему операции «Бархан» ее командующий Пьер де Вильерс обозначил как «отсутствие денег на ее проведение» [4]. Тогда президент обещал увеличить финансирование, однако выполнить обещанное оказалось затруднительно - на фоне нарастающего социального возмущения во Франции (вспомним о «желтых жилетах!»), пандемии *COVID-19* и связанного с ней экономического и политического кризиса ситуация выглядит угрожающей.

Между тем, командование французского контингента в Сахеле уже несколько лет говорило о необходимости замены морально и физически устаревших бронетранспортеров *VAB* новыми - «*Griffon*», «*Jaguar*», «*Serval*» [13; 14]. Но из-за проблем с финансированием эта задача решена не была. Как свидетельствуют эксперты, французы стараются не удаляться далеко от своих баз, а в случае боестолкновения быстро возвращаются обратно. По оценке упомянутого выше П.де Вильерса, «такой африканский формат операции стоит не очень дорого, но при этом не имеет никакого эффекта» [4].

⁹ Франция завершит военную операцию против террористов в Африке. https://lenta.ru/news/2021/06/11/sahel_over/ (accessed 11.06.2021)

ПЛАЧЕВНЫЙ ИТОГ

Всем и во Франции, и в странах Сахеля стало ясно, что французский экспедиционный корпус все это время крайне неэффективно пытался отстаивать интересы Пятой республики в Субсахарской Африке.

Французские эксперты пишут о том, что «две поставленные Францией задачи обернулись провалом. Во-первых, она не смогла восстановить суверенитет Мали на севере. Во-вторых, джихадистская угроза не только не была побеждена, но и распространилась на центр страны и на другие государства региона, в частности, на Буркина Фасо», - отмечает Лоран Лорше в статье с примечательным названием «Франция увязла в Мали, ООН бессильна» [15].

С этим можно согласиться лишь отчасти. Автор умалчивает о том, что эти две задачи были второстепенными, главная же заключалась в том, чтобы отстоять экономические, политические и военно-стратегические интересы бывшей метрополии в бывших африканских колониях. Потеря эксклюзивных возможностей эксплуатировать минеральные ресурсы африканских стран и, в частности, урановых залежей Субсахарской зоны, чревата для Франции большими потерями (подробнее см. [16, pp. 171-185]).

Тогда почему Э.Макрон счел возможным объявить окончание операции «Бархан»? В чем смысл предпринятого демарша?

Прежде всего, расчет на то, что политические элиты Европы испугаются нового наплыва мигрантов из африканских стран. Аналитик радиостанции «*France Inter*» Антуан Глейзер констатировал, что «Франция оказалась очень одинокой» в Сахеле (см. [7]). Война «всех против всех» в этом регионе будет провоцировать все новые и новые волны беженцев, будет нарастать угроза терроризма в благополучных европейских странах.

Макрон надеется на то, что это побудит его европейских коллег активнее поддержать Францию в войсковых операциях если не штыками, то финансами. Правящие элиты стран Сахеля, в свою очередь, должны испугаться того, что на волне антифранцузских настроений их сметут оппозиционеры, в т.ч. исламисты. Ведь граждане этих стран, в большинстве своем исповедующие ислам, и сейчас не слишком охотно участвуют в боевых действиях.

Население стран Сахаро-сахельского региона симпатизирует, скорее, исламистам, чем французским «миротворцам», а властные элиты стремятся извлечь из участия в контролируемом Францией альянсе материальную и политическую выгоду. Макрон шлет послание лидерам стран *G5 Sahel* - посмотрим, что вы будете делать без французских солдат. По словам президента, французская армия не может воевать вместе «государств, которые отказываются брать на себя ответственность» [3].

Однако на этот посыл последовал неприятный для Парижа ответ. Выступая на сессии Генассамблеи ООН премьер Мали Шогель Кокалла Майга заявил: «Новая ситуация, возникшая в результате завершения операции «Бархан», ставит Мали перед свершившимся фактом: нас в определенной степени бросили в середине полета. Это заставляет нас исследовать пути и средства для лучшего обеспечения нашей безопасности самостоятельно или с другими партнерами»¹⁰.

18 сентября агентство *France 24* сообщило, что новые малийские власти привлекут ЧВК «Вагнер» для обучения своих военнослужащих. В связи с этим, отвечая на вопросы журналистов в кулуарах Генассамблеи ООН, министр иностранных дел России С.Лавров заметил: «Власти Мали имели законные основания обратиться к одной из российских частных военных компаний (ЧВК) для содействия в борьбе с терроризмом, правительство России не имеет к этому отношения»¹¹.

Явно раздосадованный таким поворотом дела, глава МИД Франции Жан-Ив Ле Дриан осмелился «предупредить» С.Лаврова о последствиях вмешательства ЧВК в ситуацию в Мали. Но, как показал центрально-африканский прецедент, российскую дипломатию не слишком смущают такие декларации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятно желание Э.Макрона «таскать каштаны из огня» руками своих союзников по НАТО и африканских государств, тесно связанных с Францией. Но и те, и другие прекрасно понимают, что Пятая республика стремится решать собственные проблемы за их счет.

Наконец, нужно помнить, что президентские выборы во Франции состоятся в апреле 2022 г., а рейтинг Макрона продолжает стремительно падать: если в мае 2021 г. деятельность Макрона одобряли 62% французов, в июле - 54%, то на сегодняшний день - менее 40% [17]. Заявление о завершении непопулярной теперь Сахельской операции - это, помимо прочего, попытка набрать очки в предвыборной гонке.

¹⁰ Власти Мали объяснили обращение к «ЧВК Вагнера» тем, что страну «бросила» Франция. <https://kommersant.ru/doc/5006151> (accessed 08.11.2021)

¹¹ Лавров заявил об обращении властей Мали к российской ЧВК. <https://www.rbc.ru/politics/25/09/2021/614f50f79a7947241e0f7fd7> (accessed 08.11.2021)

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Coutausse J.-C. Fin de l'opération «Barkhan », dons de vaccins, haine en ligne : les points essentiels de la conférence de presse d'Emmanuel Macron. *Le Monde*. 2021, 10 juin.
2. Demir Y. Operation Barkhane: France's Afghanistan. <https://www.aa.com.tr/en/search/?s=anti-France%20sentiments%20in%20Africa&tag=1> (accessed 17.06.2021)
3. Май Г. «Глубокая трансформация» французского военного присутствия в Сахеле. https://anna-news.info/glubokaya-transformatsiya-frantsuzskogo-voennogo-prisutstviya-v-sahele/?utm_source=yhnews&utm_medium=desktop&nw=1623479264000 (accessed 11.06.2021)
Maj G. "Deep transformation" of the French military presence in Sahel (In Russ.). https://anna-news.info/glubokaya-transforma-tsiya-frantsuzskogo-voennogo-prisutstviya-v-sahele/?utm_source=yhnews&utm_medium=desktop&nw=1623479264000 (accessed 11.06.2021)
4. Быстров А.А. О причинах неудачи операции «Бархан» в зоне Сахеля. <http://www.iimes.ru/?p=35817> (accessed 21.06.2021)
Bystrov A.A. About the reasons for failure of operation Barkhan in the zone of Sahel. (In Russ.). <http://www.iimes.ru/?p=35817> (accessed 21.06.2021)
5. Larivé M. Welcome to France's New War on Terror in Africa: Operation Barkhane. <https://nationalinterest.org/feature/welcome-frances-new-war-terror-africa-operation-barkhane-11029?page=0%2C1> (accessed 21.06.2021)
6. Lagneau L. Une page se tourne : les opérations Serval et Épervier sont désormais terminées. <http://www.opex360.com/2014/08/01/page-se-tourne-les-operations-serval-epervier-sont-desormais-terminees/> (accessed 10.11.2021)
7. Keenan J. France's Operation Barkhan and Saharan ghosts. <http://www.middleeasteye.net/columns/france-s-operation-barkhan-and-sahara-s-ghosts-225752252> (accessed 01.07.2020)
8. Кусов В.Г. Правители Африки. XXI век. Ибрагим Бубакар Кейта. https://africanrulers.ru/main/biographies/mali_keita/ (accessed 25.08.2021)
Kusov V.G. Rulers of Africa. XXI century. Ibrahim Bubacar Keita. (In Russ.). https://africanrulers.ru/main/biographies/mali_keita/ (accessed 25.08.2021)
9. Lorgerie P. Mali's top court declares coup leader Goita as interim president. <https://www.reuters.com/world/africa/malis-top-court-declares-coup-leader-goita-interim-president-2021-05-28/> (accessed 05.06.2021)
10. Boukhars A. L'offensive militaire russe au Mali // Mond Afrique. 9 juillet 2019. <https://mondafrique.com/loffensive-militaire-russe-au-mali/> (accessed 12.07.2019)
11. Bobin F., Tilouine J. Coronavirus: les experts du Quai d'Orsay redoutent le «coup de trop» qui «déstabilise» l'Afrique. https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/04/03/coronavirus-les-experts-du-quai-d-orsay-redoutent-le-coup-de-trop-qui-destabilise-l-afrique_6035470_3212.html (accessed 09.03.2020)
12. Vincent E. Risques et périls de la fin de «Barkhane» au Sahel. https://www.lemonde.fr/international/article/2021/06/11/risques-et-perils-de-la-fin-de-barkhane_6083674_3210.html (accessed 15.11.2021)
13. Хогг Я. Средства для борьбы с терроризмом. М., Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 142-143.
Hogg Ya. 2001. Funds for the fight against terrorism. Moscow. Pp. 142-143. (In Russ.)
14. Чихачев А.Ю., Бирон Ю.С. Французская операция «Бархан»: Pro et Contra. *Мировая политика*. 2018. № 4. С. 56-66. DOI: 10.25136/2409-8671.2018.4.28394
Chikhachev A.Yu., Biron Yu.S. 2018. French operation «Barkhan»: Pro et Contra. *Mirovaya politika*. № 4. Pp. 56-66. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-8671.2018.4.28394
15. Larcher L. Au Mali, la France embourbée et l'ONU impuissante. <https://www.la-croix.com/Monde/Afrique/Au-Mali-France-embourbee-IONU-impuissante-2019-11-26-1201062880> (accessed 04.03.2020)
16. Philippov V.R. 2015. Uranium factor in France's foreign policy towards Africa. *SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences*. № 2. Pp. 171-185. DOI: 10.7256/1339-3057.2015.2.15408
17. Добров Д. Французы недовольны Макроном. <https://ria.ru/20170830/1501371288.html> (accessed 26.05.2021)
18. Филиппов В.Р. «Плохая новость» для Эммануэля Макрона. *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 4. С. 4-12. DOI: 10.31857/S032150750009087-7
Fillipov V.R. 2020. "Bad news" for Emmanuel Macron. *Asia and Africa today*. 2020, № 4. Pp. 4-12 (In Russ). DOI: 10.31857/S032150750009087-7
19. Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., Сидибэ У. (Мали). Конфликт в Мали: взаимоотношения основных акторов. *Азия и Африка сегодня*. 2021, № 12, с. 47-56. DOI: 10.31857/S032150750017789-9
Davidchuk A.S., Degterev D.A., Sidibe O. (Mali). Crisis in Mali: interrelationship of major actors. *Asia and Africa today*. 2021, № 12. Pp. 47-56 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750017789-9

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Филиппов Василий Рудольфович, доктор исторических наук, Центр изучения стран Тропической Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Vasily R. Filippov, Dr.Sc. (History), Centre for Tropical African Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 25.08.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 11.10.2021

Принята к публикации
(Accepted) 12.12.2021

Женская наркомания в Афганистане

© Митрофаненкова О.Е.^a, 2022

^a Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-0076-2956; mitrofanenkova.olga@bk.ru

Резюме. В последние десятилетия в Афганистане обостряется проблема массовой наркотизации населения. Рост наркомании здесь пришелся на начало 2000-х гг. - период стремительного увеличения объемов наркопроизводства внутри страны. Афганистан перестал быть только производителем и экспортером наркотиков, но стал и активным их потребителем. Рост наркомании стал угрозой для национальной безопасности страны. В сложившейся ситуации особое место занимает наркотизация афганских женщин, которая оказывает разрушительное воздействие на устои и нормы, лежащие в основе «повседневной» жизни афганцев. Ситуация с наркотической зависимостью у женщин обнажает особенности афганского общества и разницу в положении мужчин и женщин. Уникальность афганского социума и его приверженность исламу - один из тех факторов, которые вынуждают исследователей рассматривать проблему женской наркомании в Афганистане отдельно от мужской. Определенный отпечаток на восприятие сложившейся ситуации самими афганцами оказывает социальная роль женщины и ее место в обществе, закрепленное вековыми обычаями и традициями, отличающими Афганистан от других регионов мира. После повторного прихода к власти в Афганистане Движения талибов ситуация, связанная с правами женщин, несколько месяцев оставалась неопределенной. В декабре 2021 г. был издан указ, который значительно расширил права женщин. При этом политика талибов по борьбе с женской наркоманией, несомненно, будет крайне жесткой.

Ключевые слова: Афганистан, женская наркомания, наркотики, наркомания, социальные проблемы

Для цитирования: Митрофаненкова О.Е. Женская наркомания в Афганистане. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 1. С. 48-54.
DOI: 10.31857/S032150750018298-9

Female drug addiction in Afghanistan

© Olga E. Mitrofanenkova^a, 2022

^a Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-0076-2956
mitrofanenkova.olga@bk.ru

Abstract. In recent decades, the problem of drug addiction to its population has become increasingly acute for Afghanistan. The growth of drug addiction here occurred during the period of a rapid increase in the volume of drug production within the country in the early 2000s. During this period, Afghanistan ceased to be not only a producer and exporter of drugs, but also became an active consumer of it. In this turn it led to the quick spread of drug addiction throughout its territory. This social problem is closely connected with the set of internal problems that already existed here. The growth of drug addiction has become a threat to the country's national security. In this situation, a special place is occupied by the drug addiction of Afghan women, which has a destructive effect on some of the foundations and norms that underline the «daily» life of Afghans. The situation with drug addiction among women reveals the peculiarities of Afghan society and the difference in the position between men and women. The uniqueness of the Afghan society and its adherence to Islam are some of the factors that force researchers to consider the problem of female drug addiction in Afghanistan separately from males ones. A certain imprint on the perception of the current situation by the Afghans themselves is made by the position of women in society, which is fixed to her by age-old customs and traditions that are common among the majority of the Afghans' population. In addition, the social role of woman and her place in society also have an impact on the formation of drug addiction, which has a significant difference from a similar phenomenon in other regions of the world. After Taliban came back to power in Afghanistan, the situation related to women's rights remained uncertain for several months. In December 2021, an index was published that significantly expanded the rights of women.

Keywords: Afghanistan, drug addiction among women, drugs, drug addiction, social problems

For citation: Mitrofanenkova O.E. Female drug addiction in Afghanistan. *Asia and Africa today*. 2022. № 1. Pp. 48-54. (In Russ.).
DOI: 10.31857/S032150750018298-9

ВВЕДЕНИЕ

В наши дни на Афганистан приходится до 84% от всего мирового производства героина. Это делает его не только абсолютным мировым лидером в области производства наркотиков опиатной группы, но также закрепляет за ним практически полную монополию в этой области (эти виды наркотиков производятся также в Мексике и Мьянме, но в меньших объемах). Афганские наркотики поставляются сейчас во все регионы мира за исключением стран Латинской Америки (этот регион сам является мировым центром наркопроизводства).

ПРОИЗВОДСТВО НАРКОТИКОВ В АФГАНИСТАНЕ

Переход к массовому производству наркотиков произошел при режиме талибов в конце XX в. Какое-то время конкуренцию Афганистану составляла Мьянма. Но уже в 1998 г. ситуация изменилась, и Афганистан вышел на 1-е место в мире по производству опиатов. В XXI в. здесь сохранилась тенденция к постоянному росту объемов производимых наркотиков.

Несмотря на все попытки борьбы с наркотиками в Афганистане, мало какие из них оказываются успешными. Единственный успешный пример сокращения наркопроизводства связан со строгим запретом, наложенным движением Талибан в 2000 г. на выращивание опийного мака.

На фоне сложившейся ситуации в стране, где постоянно растет как производство наркотиков, так и вовлеченность местного населения в эти процессы, происходит рост внутреннего потребления наркотиков. Сегодня наркомания для Афганистана стала одной из самых острых социальных проблем и несет угрозу его национальной безопасности.

Особого внимания заслуживает проблема женской наркомании. Для ее лучшего понимания начнем с характеристики общей наркоситуации в стране. Она сильно отличается от подобной в странах Европы, в России и на постсоветском пространстве, в Северной и Латинской Америке и в других регионах мира. Афганистан, мировой лидер по производству опиатов, лидирует также и по количеству наркозависимых на душу населения [1].

Тем не менее, в отличие от некоторых стран расположенных с Афганистаном в одном регионе (например, от Пакистана, Ирана и Индии) для него не характерна культура употребления наркотиков.

НАРКОТИКИ И НАРКОМАНИЯ

Длительное время афганское руководство и международное сообщество не обращало внимания на проблему наркомании. Десятилетия непрерывного вооруженного конфликта отвлекали внимание от многих социальных проблем. Местное население было сконцентрировано прежде всего на собственном выживании в условиях непрекращающихся военных действий.

Уровень наркомании в Афганистане рос параллельно с вовлеченностью местного населения в производство наркотиков. Особенно сильно ситуация изменилась после терактов 11 сентября 2001 г. и разгрома режима Исламского движения Талибан в конце 2001 г. Новые власти на первых порах да и в дальнейшем слабо контролировали ситуацию на местах. В результате уровень наркомании стал расти.

Самыми популярными наркотиками среди местного населения были производные каннабиса (конопли) и опия, опийного мака - это героин, а также опий-сырец. Синтетические наркотики долгое время не получали широкого распространения и свою популярность стали набирать только в последние несколько лет.

Распространение опиатной наркомании можно связать с большим количеством факторов. Прежде всего, это недостаток, а зачастую и полное отсутствие медикаментов и медицинской помощи, что заставляет местное население использовать наркотики в медицинских целях [2].

Другая причина для употребления наркотиков - голод. Согласно данным ООН, Афганистан до сих пор входит в восьмерку стран, где наиболее остро ощущается недостаток продовольствия. В 2019 г., около 47% афганских крестьян страдали от голода и постоянного недоедания¹. Чтобы хоть как-то его приглушить, люди начинают использовать опий. Часто это приводит к тому, что они с течением времени становятся наркозависимыми. Наркотики начинают употреблять и на фоне сильного стресса, чтобы хоть как-то снять напряжение и уйти на какое-то время от опасностей и сложностей повседневной жизни.

Важной составляющей проблемы наркомании в Афганистане становится распространение наркозависимости среди афганцев в лагерях для беженцев в Пакистане и Иране². Находясь в чужой стране в стрессовых, тяжелых условиях, многие афганцы начинают употреблять наркотики, а вернувшись в Афганистан, они привозят с собой и наркозависимость.

Нередки случаи, когда зависимость от наркотиков формируется у людей, занятых в наркоиндустрии, - у тех, кто занимается выращиванием мака, последующим сбором урожая и переработкой опия-сырца в героин. Постоянный контакт с наркотическим веществом в сочетании с тяжелой работой часто толкает на то, чтобы начать употреблять наркотики для снятия стресса или чтобы легче переносить тяжелый труд и не чувствовать усталости.

Афганская независимая комиссия по правам человека приводит следующие причины, которые толкают афганцев употреблять наркотики: затянувшийся конфликт внутри страны, безработица, отсутствие обра-

¹ Monitoring food security in countries with conflict situations. *Food and agriculture organization of the United Nations*. 2019, p. IV.

² Situational Analysis of drug users in Afghan Refugees camps of NWFP, Pakistan 2005-2006. *UNODC*. 2007. P. 28.

зования или недостаточное образование (владение только базовой грамотностью), постоянное столкновение с насилием, бедность, отсутствие перспектив в будущем [18]. Безусловно, также способствуют росту употребления наркотиков их повсеместное распространение, доступность и низкая цена.

Неудивительно, что рост наркозависимого населения в 2000-х гг. происходил стремительными темпами. В 2009 г. в стране насчитывалось около 1 млн наркоманов. Согласно данным за 2015 г., наркотики опийной группы употребляли на регулярной основе от 1,9 млн до 2,4 млн взрослых афганцев, наркозависимыми были приблизительно 13% взрослого населения³.

Данные о количестве наркозависимых в Афганистане в официальных источниках - Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), официальный сайт ЦРУ [3], а также отчеты *SIGAR (Special Inspector General for Afghanistan reconstruction)* [4] - приводятся за 2015 г. После 2015 г. в различных международных источниках практически не встречаются данные о количестве наркозависимых в Афганистане.

Согласно афганскому источнику со ссылкой на министерство здравоохранения Афганистана, в 2020 г. стране насчитывалось около 2,5 млн наркозависимых. Население Афганистана - 35 млн человек. Таким образом, от наркозависимости страдают примерно 7% населения. Этот показатель может говорить о том, что либо наркоситуация в Афганистане остается на том же уровне, что и в 2015 г., либо об отсутствии возможности отслеживать ситуацию в стране. Учитывая тот факт, что в 2017 г. производство наркотиков здесь достигло абсолютного максимума - 9000 т⁴, следовательно, потребление внутри страны могло существенно вырасти. Высока вероятность того, что статистика по наркомании с 2015 г. не обновлялась.

Возвращаемся к данным за 2015 г.: около 31% всех афганских домохозяйств напрямую сталкивались с проблемами наркозависимости. Важная особенность наркоситуации - в сельской местности наркозависимых в 2,5 раза больше, чем в городской среде⁵. Для большинства западных стран характерна обратная ситуация: уровень наркомании выше в городах, чем в сельской среде. Основные наркопроизводства и плантации мака в Афганистане расположены в отдаленных от Кабула провинциях, которые слабо контролируются официальной властью.

НАРКОМАНИЯ СРЕДИ ЖЕНЩИН

Важная отличительная особенность наркомании в Афганистане - необходимость разделения ее на мужскую и женскую. При рассмотрении этой проблемы в большинстве западных стран не делается строгого гендерного разделения. Мужчины и женщины зачастую рассматриваются вместе, как равнозначные представители общества, социальных групп и т.д. В афганских условиях подобное разделение на мужскую и женскую наркоманию имеет в своей основе культурные аспекты общества, влияние религии, традиций и обычаев, а также уникальный уклад жизни афганских крестьян. Подобное разделение необходимо делать в силу неравного положения мужчин и женщин в афганском обществе, которое закреплено, прежде всего, вековыми обычаями и традициями.

В Афганистане, как и в других странах мира, отдельно выделяют детскую и подростковую наркоманию. В некоторых случаях с проблемой женской наркомании будет иметь связь преимущественно детская наркомания.

Проблема женской наркомании стала чаще упоминаться в различных исследованиях и публикациях [4; 5] уже после 2005 г. Ранее, в 1990-х и начале 2000-х гг., статистические данные о женской наркомании отсутствовали, сложно было найти и четкие упоминания о наличии самой проблемы. Не было и упоминаний о распространении наркомании в целом по Афганистану.

Скорее всего, эта ситуация была связана с политикой талибов в отношении населения, когда под жесткий запрет попали не только наркотики, табак и алкоголь, но и совершенно обычные вещи - музыка, шахматы и т.д. Запреты, наложенные талибами, население всегда соблюдало, т.к. их несоблюдение строго наказывалось.

Первые крупные исследования по проблеме женской наркомании в Афганистане относятся уже к 2010 г. Сегодня можно выделить две основные группы источников. В первой группе - исследования и доклады таких американских аналитических центров, как *RAND corporation*, *Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction (SIGAR)*, а также отчеты международных организаций - Управления по наркоти-

³ Quarterly report to the United States Congress. *SIGAR*. 2020. P. 148.

⁴ Afghanistan opium survey 2017. Cultivation and production. *UNODC*. 2018. P. 8.

⁵ UNODC drug report Afghanistan 2015. *UNODC*. 2016. P. 56. В Афганистане 71% населения проживают в деревнях, 23,5% - в городах, 5,5% составляют кочевники. См.: National statistics and information authority <https://nsia.gov.af/Content/files/%2525D8%2525B1%2525DB%25258C%2525D8%2525A7%2525D8%2525B3%2525D8%2525AA%252520%2525D8%2525AF%2525DB%25258C%2525D9%252585%2525D9%252588%2525DA%2525AF%2525D8%2525B1%2525D8%2525A7%2525D9%252581%2525DB%25258C/population/Final%252520Population%2525201397.pdf> (accessed 21.02.2021)

кам и преступности ООН, ВОЗ [6], *UN Development Program*⁶. Среди афганских источников можно отметить портал *TOLO news* [9; 10] - новости публикуются на пушту, дари и английском.

Вторая группа - это публикации зарубежных средств массовой информации (например, *The Washington Post* [7], *Thomson Reuters Foundation News* [8], и т.д.), с интервью афганских женщин, конкретными случаями из жизни отдельных женщин, о влиянии наркотиков на жизнь как отдельного индивида, так и целой семьи. Это дает возможность для анализа ситуации на макро-уровне. позволяет оценить проблему не только с точки зрения статистики, но также и ее значение для самих афганцев, то, как проблема воспринимается внутри афганского общества.

В российских работах проблема женской наркомании в Афганистане практически не освещена.

ОБОСТРЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ НАРКОМАНИИ

Проблема женской наркомании в последние годы становится для Афганистана все более актуальной. Распространение наркомании среди женщин несет в себе определенную угрозу для афганского общества, в целом, и тесно связано не только с женским вопросом, но и с правами женщин в стране. Неравное положение мужчин и женщин в обществе накладывает определенную специфику на процесс формирования и развития проблемы наркомании.

Афганистан до сих пор остается страной с патриархальным укладом жизни, где главное положение в социальной структуре общества занимает мужчина. Положение женщины кардинально отличается от положения мужчины. Семейные отношения закрепляют положение женщины как подчиненной мужчине.

Социальное положение женщины определяется также и религией. 99% населения Афганистана исповедуют ислам. Около 80% населения - сунниты, 19% - шииты (преимущественно персы и хазарейцы) [3]. Религия оказывает серьезное влияние на жизнь общества в целом, закрепляя за мужчинами и женщинами определенные роли. За мужчинами - роль главы семьи, отвечающего за финансовое обеспечение, а за женщиной - роль покорной, заботливой жены и матери, основная обязанность которой - заботиться о муже и детях.

Для афганских женщин многодетную семью преподносят с детства как эталон. Во главе семьи всегда стоит мужчина - либо отец, либо дед. Каждый член семьи обязан отдавать все свои доходы именно ему, из чего складывается общий семейный фонд. В результате все финансовые траты зависят только от одного конкретного мужчины [11 с. 54]. Он контролирует все процессы жизни своей семьи.

Афганскими традициями закреплено, что женатые сыновья со своими семьями должны жить в родительском доме и полностью подчиняться власти родителей. Работающая женщина зачастую вынуждена отдавать свой доход главе семьи, она не может свободно распоряжаться тем, что сама заработала. Это приводит к тому, что женщина лишается возможности самостоятельно заботиться о себе и своих детях.

Несмотря на то, что в начале XXI в. были попытки изменить положение женщины в афганском обществе и установить равенство мужчин и женщин (Конституция Афганистана 2004 г. уравнила в правах мужчин и женщин), прогресс в этой области идет крайне медленно. Особенно сложным и практически полностью зависимым остается положение женщин в сельской среде, в районах, где доминируют племенные обычаи и традиции [12].

Именно эти факторы наложили определенные особенности на женскую наркоманию. Свои первые наркотики женщины чаще всего получают от наркозависимого родственника мужского пола (отец, брат, муж, сын и т.д.) и начинают употреблять наркотики в рамках своей семьи. И это важное отличие от наркомании в других странах мира, где подобные случаи встречаются намного реже.

Наркомания среди женщин приводит к тому, что отношения внутри семьи нарушаются или полностью разрушаются, страдает материальное благосостояние из-за долгов на почве наркотиков. Мужчина перестает содержать семью, и женщина бывает вынуждена ее финансово обеспечивать, уделяя мало внимания детям. Нередки случаи, когда на фоне своей наркотической зависимости женщины начинают заниматься мелкими кражами, проституцией и т.д., чтобы достать деньги на наркотики [7]. Это оказывает негативное влияние не только на честь женщины, но и на честь ее семьи. Положение наркозависимой женщины часто усугубляется активным ее осуждением, отвержением, полным остракизмом со стороны ее родственников. В результате она остается один на один со своей зависимостью, и ей бывает крайне сложно получить какую-либо помощь.

Для такого традиционного общества, как в Афганистане, институт семьи имеет важное культурное значение. В 2008 г. Независимой комиссией по правам человека в Афганистане было проведено крупное исследование по проблеме наркомании среди афганских женщин⁷. В ходе исследования на базе социологиче-

⁶ Human Development Reports. Afghanistan. United Nations Development programme. <http://www.hdr.undp.org/en/countries/profiles/AFG> (accessed 10.05.2021)

⁷ Effective factors associated with drug addiction and the consequences of addiction among afghan women. *Afghanistan Independent Human Rights Commission. Research and planning section*. P. 10.

ского опроса были выявлены особенности женской наркомании, а также и причины ее формирования. Большая часть наркозависимых женщин (65%) состояли в браке и имели от одного ребенка и более. Важной особенностью также было и то, что многие из женщин вступили в брак в весьма юном возрасте, т.е. до того момента, как им исполнилось 16 лет, хотя, согласно афганскому законодательству, минимальный возраст для вступления в брак для женщин - 16 лет⁸.

До сих пор брак в Афганистане рассматривается как договор купли-продажи. Поэтому браки несовершеннолетних все еще широко распространены, особенно в сельской среде. Раннее вступление женщин в брак можно связать с зависимым положением женщин от мужчины, с низким уровнем грамотности и невозможностью трудоустроиться на хорошо оплачиваемую работу. Молодые люди не могут сами выбрать себе будущего супруга: о браке договариваются родители жениха и невесты. Нередки случаи, когда в результате замужества женщина, если она до этого получала образование, бывает вынуждена его прервать. Кроме этого, могут отдать замуж и девочку в возрасте 12 лет. Тем не менее, несмотря на указанные выше факторы, женщины часто бывают вынуждены работать.

Среди наркозависимых женщин процент работающих и безработных примерно одинаковый. Около 49% наркозависимых женщин в Афганистане - безработные. Большая часть работающих женщин задействована в изготовление ковров. Эта работа тяжелая и трудоемкая, и женщины начинают употреблять наркотики, чтобы справляться с нагрузкой⁹. В Афганистане всегда ткали ковры преимущественно женщины. Девочек обучают этому ремеслу с ранних лет, еще в родительском доме.

Согласно отчету SIGAR за 2020 г., на основе данных 2015 г. употребление наркотиков среди женщин и детей в Афганистане - одно из самых высоких в мире. С проблемами женской и детской наркомании сталкиваются около 39% домохозяйств в сельской местности¹⁰. На портале *TOLO news* приводилась информация о том, что в Афганистане в 2018 г. насчитывалось 1 млн наркозависимых женщин и около 100 тыс. наркозависимых детей, но фактически число наркозависимых женщин и детей может быть выше указанного [10]. За 2010-2015 гг. количество наркозависимых женщин увеличилось почти в 3 раза [7].

Женщины все чаще вынуждены заниматься проституцией или воровать. Детям дают наркотики, чтобы их успокоить и отправить спать. Бывают случаи, когда женщины продают своих дочерей замуж, чтобы достать средства для покупки наркотиков [7].

В Афганистане до сих пор практикуют *баад* - способ урегулирования конфликта, при котором женщина или девочка из семьи преступника передается в семью потерпевшего в качестве прислуги или невесты. Считается, что с помощью *баад* удастся избежать кровной мести [5]. Однако бывают случаи, когда женщина (девочка), по сути, отдается «в рабство». Баад нередко практикуется, когда необходимо выполнить свои долговые обязательства на почве наркотиков.

Наркозависимые афганские женщины сталкиваются обычно с такими проблемами, как безработный муж, употребляющий наркотики, дети, которых забрали и отправили в детский дом¹¹, конфликты с не одобряющими их жизнь родственниками, жизнь в бедности и в ожидании опасности. Наркотики дают короткое облегчение, но приносят долгосрочный ущерб [5].

В условиях Афганистана наркотики легкодоступны, особенно в южных провинциях (Гильменд, Кандагар и т.д.), где находится основное наркопроизводство. При этом недельная доза героина (это 5-7 г) стоит 500 афгани (\$6), что приблизительно равно средней стоимости пропитания для взрослого человека в Афганистане в неделю [13].

Последние несколько лет рост женской наркомании стал беспрецедентным социальным явлением. И до сих пор эта проблема сокрыта от глаз мирового сообщества. Она не получает должного внимания ни от афганских властей, ни со стороны международных организаций, что в значительной мере усугубляет сложившуюся ситуацию. Кроме того, как отмечено выше, в последние несколько лет нет конкретных научных исследований данной проблемы.

ПРОБЛЕМЫ ЛЕЧЕНИЯ ЖЕНСКОЙ НАРКОМАНИИ

На фоне распространения наркомании в Афганистане официальные власти сталкиваются с такими проблемами, как последующее лечение наркозависимых и их реабилитация. Несмотря на то, что в этой области в последние годы (до пандемии *COVID-19*) были некоторые улучшения, ситуация все равно остается очень сложной. И особенно сложной - для женщин. И хотя возможности для лечения наркомании крайне ограничены, мужчинам намного проще получить помощь в лечении наркозависимости, чем женщинам.

⁸ Ibid., p. 11.

⁹ Ibid., p. 12.

¹⁰ Quarterly report to the United States Congress. SIGAR. 2020. P. 148.

¹¹ Preserving hope in Afghanistan. Protecting children in the world's most lethal conflict. UNICEF child ALERT, December, 2019. P. 11.

В условиях Афганистана, с учетом особенностей общества, есть потребность в создании отдельных реабилитационных центров для женщин и мужчин.

Выше уже было отмечено, что проблема женской наркомании в Афганистане недостаточно широко освещается. Проблеме мужской наркомании уделено большее внимание. Это приводит к тому, что проблема женской и детской наркомании часто уходит на второй план, их доступ к лечению наркомании ограничен либо полностью отсутствует. В Афганистане остро ощущается недостаток ресурсов и возможностей для оказания помощи людям, страдающим наркотической зависимостью. В этих условиях женщинам намного сложнее получить доступ к лечению их зависимости, чем мужчинам.

В 2018 г. в Афганистане насчитывалось около 20 реабилитационных центров для женщин и детей. По заявлению афганских властей, этого недостаточно, чтобы помочь всем женщинам, нуждающимся в лечении [10]. Согласно данным на начало 2020 г., проблема нехватки реабилитационных центров для женщин по-прежнему актуальна, большая часть этих учреждений ориентирована на мужчин [9].

На фоне пандемии коронавируса в 2020 г. существенно сократилось финансирование многих гуманитарных программ в Афганистане. Пандемия способствовала дальнейшему распространению наркозависимости среди женщин в Афганистане, и вполне вероятно, что при недостатке медицинских ресурсов помощь в лечение этой проблемы будет получить еще сложнее.

Повторный приход Движения талибов к власти в Афганистане в августе 2021 г. также оказал сильное влияние на положение женщины в афганском обществе. Изначально талибы еще на переговорах в Дохе в 2020 г. обещали предоставить женщинам возможность работать и получать образование. Но к октябрю 2021 г. свои обещания талибы так и не выполнили. Практически сразу после того, как ими был взят Кабул, женщинам было запрещено работать в банковской сфере, на телевидении, радио, в сфере образования и т.д. Единственной сферой, где они хоть как-то могут работать, остались некоторые области здравоохранения.

Возникли проблемы и с получением женщинами образования. Были закрыты средние и старшие школы для девочек, студентки не смогли вернуться к обучению в университетах. Лидеры талибов заявляли о том, что женщины могут получать образование, но отдельно от мужчин. Женщины больше не могут свободно покинуть свой дом и выйти на улицу без сопровождения мужчины-родственника [14]. Учителям женского пола запрещается обучать мужчин [15].

На фоне этого афганские женщины стали весьма часто выходить на демонстрации, требуя, чтобы им дали возможность получать образование, работать и выходить на улицу [16].

Постепенно в ряде провинций (Балх, Нангархар и т.д.) талибы разрешили девочкам снова посещать школы и университеты отдельно от мужчин [17]. Некоторые изменения в положении афганских женщин произошли 3 декабря 2021 г. Руководством Движения талибов был издан указ [19], согласно которому женщину больше не могут насильно выдавать замуж, вдовы наделяются правами наследования собственности мужа, женщина должна перестать быть «собственностью» в Афганистане. Таким образом, к женщине не может быть более применен *баад*.

Подобные действия талибов могут быть связаны с необходимостью международного признания их режима, с зависимостью от гуманитарной и международной помощи, которые им предоставляют страны Запада. На данный момент сложно прогнозировать, как в дальнейшем будут реализованы права женщин в Афганистане.

Учитывая последние события, совершенно очевидно, что бороться с наркоманией, особенно женской, талибы будут жесткими методами. Скорее всего, будет издан фирман, запрещающий употребление наркотиков. Несоблюдение запрета при этом будет наказываться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Безусловно, положение женщины в афганском социуме - важный фактор, который лежит в основе сложившейся ситуации с женской наркоманией. Женщина в подчиненном положении по отношению к мужчине лишена возможности действовать самостоятельно. Женщины особенно в сельской среде крайне уязвимы для любого вида насилия и часто испытывают давление со стороны своих мужей, отцов и других родственников.

Наркозависимость часто приводит к преждевременной смерти, неизлечимым болезням и другим сопутствующим проблемам. В свою очередь, это ведёт к росту числа сирот, находящихся на попечении у государства, к распространению наркомании среди детей и росту детской смертности.

Продолжающийся рост женской наркомании, невозможность оказать помощь женщинам и их уязвимое положение в афганском обществе могут иметь крайне негативное последствие для Афганистана.

Повторный приход Движения талибов к власти в 2021 г. привел к изменениям в жизни Афганистана. Положение женщин в первые месяцы режима талибов оставалось неясным, т.к. они, как было отмечено

выше, столкнулись с сильными ограничениями их личной свободы. Тем не менее, талибы, нуждающиеся в международном признании и международной помощи, были вынуждены постепенно смягчить ограничения, введенные ими в отношении женщин. Следующим этапом стало расширение прав женщин на законодательном уровне в декабре 2021 г., что должно изменить положение женщины в афганском обществе. Однако пока сложно прогнозировать, как это будет реализовано в будущем.

По мнению автора, в ближайшие несколько лет проблема женской наркомании в Афганистане сохранится. В сложившейся на сегодняшний день ситуации правительство талибов, вероятнее всего, будет пытаться получить помощь от международных организаций и международного сообщества для борьбы как с женской наркоманией, так и с наркоманией среди остальных групп населения (мужчины и дети).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Opium addiction has followed the same hyperbolic growth. <https://www.unodc.org/unodc/en/press/releases/2010/June/unodc-reports-major-and-growing-drug-abuse-in-afghanistan.html> (accessed 10.05.2021)
2. Окибеков У.В. О наркоситуации в Афганистане <http://afghanistan.ru/doc/73104.html> (accessed 15.05.2021)
Okimbekov U.V. About drug situation in Afghanistan (In Russ.). <http://afghanistan.ru/doc/73104.html> (accessed 10.07.2021)
3. The world Factbook. Afghanistan. *CIA*. <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/afghanistan/#people-and-society> (accessed 10.05.2021)
4. SIGAR: Special Inspector General for Afghanistan reconstruction. <https://www.sigar.mil> (accessed 19.08.2021)
5. Что значит быть женщиной в Афганистане. <https://news.un.org/ru/audio/2017/01/1038831> (accessed 10.05.2021)
What does it mean to be a woman in Afghanistan. (In Russ.) (accessed 21.09.2021)
6. Atlas of Substance use disorders. Resources for prevention and treatment of substance use disorders (SUD). https://www.who.int/substance_abuse/publications/atlas_report/profiles/afghanistan.pdf?ua=1 (accessed 15.04.2021)
7. Constable P. Opium use booms in Afghanistan, creating a “silent tsunami” of addicted women. https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/opium-use-booms-in-afghanistan-creating-a-silent-tsunami-of-addicted-women/2017/06/19/6c5b16f2-3985-11e7-a59b-26e0451a96fd_story.html?noredirect=on&utm_term=.62867ca37d99 (accessed 29.08.2021)
8. Glinski S. Drug addiction is on the rise among women in Afghanistan with fears numbers will increase due to the coronavirus pandemic. <https://news.trust.org/item/20200402093914-go5o5/> (accessed 25.07.2021)
9. Fariba S. Afghanistan has over 2,5M drug users: Official. <https://tolonews.com/afghanistan/afghanistan-has-over-25m-drug-users-official> (accessed 19.09.2021)
10. Tamim H. Afghanistan has one million female drug addicts. <https://tolonews.com/afghanistan/afghanistan-has-one-million-female-drug-addicts> (accessed 18.07.2021)
11. Слинкин М.Ф. Афганистан: страна, люди, общество. Симферополь, 1995. с. 54.
Slinkin M.F. 1995. Afghanistan: country, people, society. P. 54. Simferopol (In Russ.)
12. Саженов Н.Д. История Конституции Афганистана. <https://afghanistan.ru/doc/138270.html> (дата обращения 17.06.2021)
Sazhenov N.D. History of Afghan’s constitution. (In Russ.) <https://afghanistan.ru/doc/138270.html> (17.06.2021)
13. Focusing on women in the fight against narcotics in Afghanistan. <https://georgetownsecuritystudiesreview.org/2020/02/28/focusing-on-women-in-the-fight-against-narcotics-in-afghanistan/> (accessed 21.09.2021)
14. Felbab-Brown V. The changing landscape for women under Taliban rule. <https://news.trust.org/item/20210823143613-51oxd> (accessed 14.10.2021)
15. Evidence contradicts Taliban’s claim to respect women’s right. <https://www.theguardian.com/world/2021/sep/03/afghanistan-women-defiant-amid-taliban-crackdown> (accessed 12.10.2021)
16. Barr H. List of Taliban policies violating women’s rights in Afghanistan. <https://www.hrw.org/news/2021/09/29/list-taliban-policies-violating-womens-rights-afghanistan> (accessed 10.10.2021)
17. Goldbaum C. Taliban allow girls to return to some high schools, but with big caveats. <https://www.nytimes.com/2021/10/27/world/asia/afghan-girls-school-taliban.html> (accessed 3.12.2021)
18. Langari A.Z. Drug problem in Afghanistan. *Afghanistan Independent Human Rights Commission*. 2015. p. 2.
19. Special Decree Issued by Amir al-Momenin on Women’s Rights. December 2021. <https://justpaste.it/8172.k.Image> (accessed 10.12.21)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Митрофаненкова Ольга Евгеньевна, м.н.с., Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Olga E. Mitrofanenkova, Junior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 26.07.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.10.2021

Принята к публикации
(Accepted) 20.12.2021

Пассажирский транспорт в Израиле - состояние и проблемы

© Бизяев А.И.^{a,b}, 2022^a Институт Востоковедения РАН, Москва, Россия;^b МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия;

ORCID ID: 0000-0003-1492-8734; abizyaev@ya.ru

Резюме. В данном исследовании рассматривается экономическое состояние современного пассажирского транспорта в Израиле. Выделены три проблемные области: спрос на личный автотранспорт, предложение транспортной инфраструктуры и рынок общественного транспорта. Анализ рынка личных автомобилей показал, что сегодня личные автомобили воспринимаются израильтянами как основной вид транспорта. Ввиду острой проблемы транспортных заторов в Израиле государство стремится ограничивать спрос на автомобили с помощью крайне высоких налогов на приобретение и содержание машины. Межстрановой сравнительный анализ выявил проблему дефицита транспортной инфраструктуры в Израиле. Относительно низкий уровень автомобилизации населения в Израиле и устойчивый тренд на увеличение числа личных авто на км автодорог в сочетании с нехваткой транспортной инфраструктуры говорят о том, что проблема транспортных заторов в будущем с большой вероятностью будет усугубляться, негативно влияя на всю экономику страны. Анализ рынка общественного транспорта выявил положительные эффекты, связанные с повышением конкурентности автобусных перевозок в ходе транспортной реформы 1990-х гг. С другой стороны, отмечаются такие потенциальные проблемные места, как относительно низкая обеспеченность железнодорожными перевозками и высокая степень централизации транспортного планирования. В заключение выделяется комплементарность и взаимозависимость трех рассматриваемых областей израильского пассажирского транспорта и подчеркивается важность комплексного анализа экономики пассажирского транспорта.

Ключевые слова: Израиль, общественный транспорт, личные авто, транспортная инфраструктура, экономика

Для цитирования: Бизяев А.И. Пассажирский транспорт в Израиле - состояние и проблемы. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 1. С. 55-61. DOI: 10.31857/S032150750018299-0

Passenger transport in Israel - current state and related problems

© Bizyaev A.I.^{a,b}, 2022^a Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia;^b Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

ORCID ID: 0000-0003-1492-8734; abizyaev@ya.ru

Abstract. This article studies economics of contemporary passenger transport market in Israel. Three key problem areas have been identified: private cars demand, supply of transport infrastructure and public transport market. Analysis of private cars market has shown that private cars are perceived as the main mode of transportation by today's Israelis. Due to acute transport congestion issues Israeli government aims to reduce the demand for cars by introducing extremely high taxes on car purchase and maintenance. International comparative analysis has revealed the issue of transport infrastructure deficit in Israel. Relatively low level of motorization in Israel and a stable trend for increase of number of private cars per kilometer of roads are highlighted. Together with transport infrastructure deficit this implies higher likelihood of deterioration of transport congestion issues in the future which will negatively affect Israeli economy. Analysis of public transport markets has revealed some positive effects following the increase in competition in bus transit markets introduced by Israeli public transport reform in 1990s. These include increase in output, quality, and efficiency of bus companies. The reform has also led to revitalization of railroad passenger transport in Israel, making trains a feasible alternative for buses. On the other hand, some potential issues have been outlined, such as relatively low level of railroad-passenger kilometers per capita and relatively highly centralized system of transport planning in Israel. The study concludes with underlining complementarity and interconnectivity between the three areas of Israeli passenger transport, thus stressing the importance of integrated approach to passenger transport economics analysis.

Keywords: Israel, public transport, private cars, transport infrastructure, economy

For citation: Bizyaev A.I. Passenger transport in Israel - current state and related problems. *Asia and Africa today*. 2022. № 1. Pp. 55-61. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018299-0

ВВЕДЕНИЕ

Израиль обычно ассоциируется с высокими технологиями и эффективной системой стимулирования инноваций [1], для которых требуется немалый человеческий капитал [2]. Можно ли утверждать, что Израиль, будучи «страной стартапов», обладает также и эффективной системой пассажирского транспорта, которая этот человеческий капитал перевозит и распределяет?

«ПРОБКИ» НА ПУТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Для ответа на данный вопрос требуется критерий, по которому можно судить о системе пассажирского транспорта в целом. Наиболее общий, репрезентативный и в то же время интуитивно понятный критерий - интенсивность транспортных заторов («пробки»). По этому показателю израильская транспортная система демонстрирует неутешительные результаты: по уровню транспортной загруженности дорог Израиль со значительным опережением занимает 1-е место среди стран ОЭСР¹. При этом размер ущерба огромен - каждый год израильская экономика теряет из-за «пробок» 6,99% ВВП [3].

Конечно, такую транспортную систему нельзя назвать в полном смысле эффективной, и израильские специалисты и специалисты МВФ и ОЭСР давно указывают на эту проблему². Естественно, возникает вопрос о причинах ее возникновения. В настоящем исследовании сделана попытка проанализировать самые важные составляющие в системе пассажирского транспорта в Израиле, которые определяют ее способность эффективно перевозить пассажиров.

Для анализа необходимо разделить транспортную отрасль на три основные составляющие. Первая - личный автомобильный транспорт, основное средство передвижения для израильтян. Вторая составляющая - транспортная инфраструктура, от которой зависит провозная способность системы. Наконец, третья часть - общественный транспорт, который по сравнению с личными автомобилями позволяет гораздо эффективнее использовать дорожное полотно [4]. Взаимодействие спроса на личные авто и предложения автотранспортной инфраструктуры в сочетании с предложением общественного транспорта формирует равновесный уровень транспортной загруженности дорог.

Таким образом, работа этих трех факторов определяет положение дел в израильской системе пассажирского транспорта. Рассмотрим каждый из них.

ЛИЧНЫЕ АВТО - НЕ БЛАГО?

В качестве одного из показателей роли личных авто в Израиле можно рассмотреть динамику доли километража личных авто от суммарного километража личных авто, такси и автобусов. В 1961 г. на личные автомобили приходилось 65% километража. К 1970 г. их доля возросла до 80%. С 1981 г. доля километража личных авто превышает 90%, а в 2015 г. достигла рекордных 95%³. Личные автомобили сегодня стали основным средством передвижения для израильтян, стремительно вытесняя общественный транспорт. Уровень автомобилизации населения в Израиле в 2016 г. составил 319 личных авто на 1000 человек: очень низкий показатель по сравнению с другими странами ОЭСР. Например, в Италии степень моторизации - 624 личных автомашины на 1000 населения, в Германии - 548, в США - 417, в Великобритании - 478, в Финляндии - 610⁴. Получается, что личные авто прочно завоевали популярность среди израильтян, но уровень моторизации населения в стране еще не достиг своего предела.

Что побуждает израильтян приобретать автомобили, даже несмотря на усугубление проблемы «пробок»?

Рост популярности личных авто в Израиле объясняют несколько факторов. Во-первых, возросли реальные доходы населения, в т.ч. домохозяйств из наиболее бедных децилей, тогда как стоимость покупки и расходы на обслуживание машины снизились. Поскольку личные авто традиционно относят к нормальным благам, то рост доходов населения приводит к увеличению спроса на автомобили [5; 6].

В Израиле стабильно высок прирост численности населения, что также приводит к увеличению спроса на личные авто. Темпы прироста населения в Израиле превышают средние по ОЭСР в 3 раза⁵.

Наконец, неудачные реформы середины 1980-х гг. сделали общественный транспорт менее привлекательной альтернативой по сравнению с личными авто [7]. И хотя общественный транспорт в Израиле сегодня гораздо комфортнее и эффективнее по сравнению с 1980-ми гг., те, кто приобрели машину в то время, уже вряд ли согласятся пересесть на общественный транспорт.

Что можно сделать для того, чтобы ограничить растущий спрос на личные автомобили? Во-первых, можно сделать более привлекательным общественный транспорт. Эта политика долгосрочная и часто требует значительных бюджетных средств. В последние годы в Израиле наблюдается увеличение объемов средств, выделяемых правительством на нужды транспорта, что свидетельствует о намерениях государст-

¹ OECD Economic Surveys: Israel, 2018. OECD. 2018. https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-israel-2018_eco_surveys-isr-2018-en#page119 (accessed 11.01.2020)

² OECD & IMF: Israel has West's worst traffic jams. *Globes Israel*. 2018. <https://en.globes.co.il/en/article-oecd-imf-israel-has-worst-traffic-jams-1001227824> (accessed 26.02.2019)

³ Israel Central Bureau of Statistics database. <https://www.cbs.gov.il> (accessed 18.10.2018)

⁴ Ibidem.

⁵ Population and migration. OECD. 2012. http://www.oecd.org/sdd/01_Population_and_migration.pdf (accessed 05.04.2019)

ва активнее приступить к решению транспортных проблем. В частности, очевидна тенденция к увеличению субсидий общественному транспорту и расходов на развитие его и соответствующей инфраструктуры [8].

Во-вторых, можно сделать относительно более дорогим приобретение и содержание личного автомобиля. В Израиле налог на покупку машины в 2017 г. составлял, в среднем, 60% стоимости машины и был одним из самых высоких в мире [8]. Кроме того, все личные автомобили в Израиле импортные и поэтому облагаются таможенным сбором [9]. В стране применяется акциз на автомобильное топливо: в 2017 г. он составлял почти половину стоимости литра бензина. Наконец, применяются лицензионные сборы за обслуживание и ремонт личных авто.

Но, несмотря на всю жесткость налоговой политики в отношении приобретения и использования личных автомобилей, израильтяне продолжают приобретать автомашины опережающими темпами. Можно предположить, что для разных уровней доходов населения существует некоторый «естественный» уровень моторизации, к которому сходятся все страны внутри своих экономических групп, и Израиль, в силу исторических обстоятельств, просто еще не достиг этого уровня, но к нему стремится.

Другими словами, возможно, что проблема не в том, что в Израиле много машин, а в том, что в стране мало дорог? Рассмотрим подробнее состояние транспортной инфраструктуры в Израиле.

ПО АСФАЛЬТУ ИЛИ ПО РЕЛЬСАМ?

Начнем с динамики объемов транспортной инфраструктуры. Если в 1961 г. суммарная протяженность автодорог в Израиле составляла 6675 км, то в 2016 г. она достигла 19362 км, продемонстрировав трехкратное увеличение. Что касается железных дорог, то в 1950 г. их протяженность составляла 290 км, тогда как в 2018 г. - 1462 км, увеличившись в 5 раз⁶.

Безусловно, темпы роста израильской транспортной сети впечатляют, однако динамика сама по себе не может говорить о достаточности данного объема инфраструктуры для нужд страны. По этой причине наиболее рациональным представляется сравнение Израиля с другими странами, о которых принято считать, что их обеспеченность транспортной инфраструктурой достигла некоторой «точки насыщения» [10].

Для сравнения с Израилем взяты следующие страны: Бельгия, Франция, Германия, Нидерланды, Швеция и Великобритания. Эти страны обладают высоким уровнем моторизации населения и достаточно развитой системой пассажирского транспорта, но при этом имеют различные модели организации общественного транспорта.

Чтобы провести сравнение, обеспеченность автодорожной и железнодорожной инфраструктурой нами были измерены как число км автомобильных дорог на 1000 человек населения и число км железных дорог на 1 млн населения, соответственно (см. *диагр.* 1). Видно, что Израиль имеет самые низкие показатели обеспеченности транспортной инфраструктурой среди выбранных стран. При этом инфраструктурный дефицит отрицательно влияет на израильский экономический рост [11].

Что касается качества инфраструктуры, государство проводило и продолжает осуществлять активное инвестирование в развитие автодорожной инфраструктуры, в результате чего удалось добиться значительного улучшения качества и комфорта вождения личного авто. Сегодня по качеству автодорог Израиль занимает 33-е место в мире по рейтингу Всемирного экономического форума (ВЭФ), что выше показателей, например, Саудовской Аравии и России, но ниже, чем в США и ОАЭ⁷. Повысилась безопасность вождения, о чем говорит значительное снижение числа автоаварий со смертельным исходом. Однако необходимо отметить, что уровень смертности на дорогах в Израиле занимает средние позиции среди стран ОЭСР⁸.

Таким образом, Израиль обладает низкими значениями обеспеченности транспортной инфраструктуры и средними - по ее качеству. Это говорит о том, что транспортная инфраструктура - действительно «узкое место» в развитии израильского пассажирского транспорта, причем влияние инфраструктурного дефицита распространяется не только на саму транспортную отрасль, но и на всю экономику страны. В то же время число личных автомобилей на 1 км автодорог в Израиле устойчиво растет с 1961 г. и по настоящее время (см. *диагр.* 2). Сохранение этого тренда приведет к дальнейшему усугублению проблемы транспортных заторов.

⁶ Israel Central Bureau of Statistics database. <https://www.cbs.gov.il> (accessed 18.10.2018)

⁷ The Global Competitiveness Report, 2016-2017. World Economic Forum. 2016. <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2016-2017-1> (accessed 21.04.2018)

⁸ השנתון הסטטיסטי לישראל (Statistical Abstract of Israel). Israel Central Bureau of Statistics. 2018. (In Hebr.) <https://www.cbs.gov.il/he/publications/Pages/2018/%D7%94%D7%A9%D7%A0%D7%AA%D7%95%D7%9F-%D7%94%D7%9E%D7%9C%D7%90-2018.aspx> (accessed 20.11.2019)

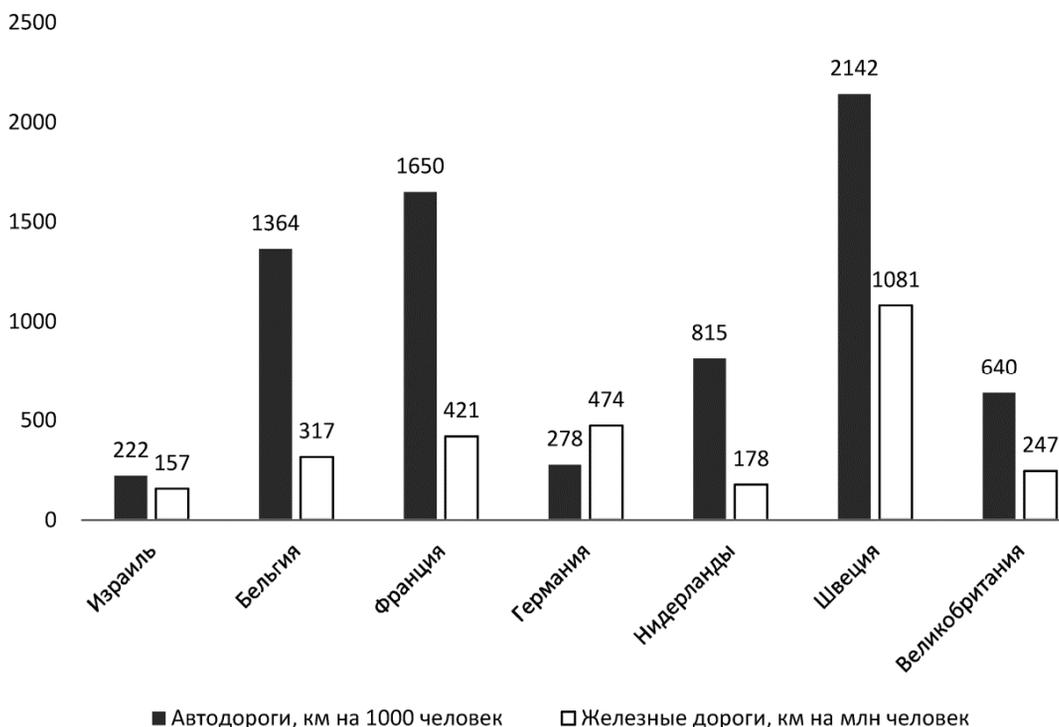

Диаграмма 1. Обеспеченность транспортной инфраструктурой. Сравнение Израиля и шести европейских стран. 2017 г.

Diagram 1. Transport infrastructure supply. Comparison of Israel and six European countries. 2017.

Составлено автором по: Eurostat database. <https://ec.europa.eu/eurostat/web/transport/overview> (accessed 03.03.2020); Israel Central Bureau of Statistics database. <https://www.cbs.gov.il> (accessed 18.10.2018); World Bank Databank. <https://data.worldbank.org/> (accessed 03.03.2020)

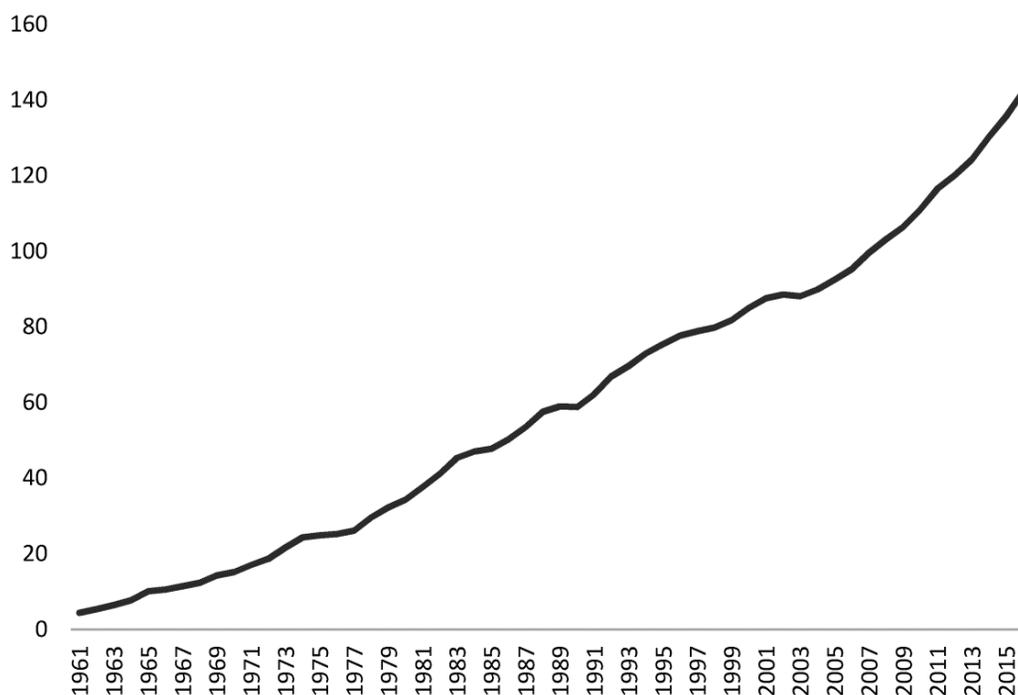

Диаграмма 2. Динамика интенсивности использования автодорог личными автомобилями в Израиле. 1961-2016 гг.

Diagram 2. Road use intensity by private cars in Israel. 1961-2016.

Составлено автором по: Israel Central Bureau of Statistics database. <https://www.cbs.gov.il> (accessed 18.10.2018).

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРАНСПОРТ. ОТ СТАГНАЦИИ К ЭФФЕКТИВНОСТИ.

Здесь и далее под «общественным транспортом» подразумеваются автобусные и железнодорожные перевозки, поскольку авиа- и морские перевозки занимают крайне небольшую долю рынка пассажирских перевозок в Израиле, а по рынку такси - данных недостаточно.

Исторически главный вид общественного транспорта в Израиле - автобусы, и до конца 1950-х гг. на этом рынке функционировало несколько автобусных кооперативов, разделивших между собой рынок по географическому принципу. Постепенно процессы укрупнения отрасли, активно поддерживаемые государством, привели к возникновению дуополии на рынке автобусных перевозок. Состояние дуополии, защищаемой государством, продлилось с 1970 по 1990-е гг., и этот период стал временем стагнации отрасли, снижения качества перевозок и началом интенсивной автомобилизации населения. Первые попытки реформы, предпринятые в 1980-х гг., были неудачными, и последовавший за ними рост цен на автобусные перевозки также способствовал увеличению числа личных авто на израильских дорогах [12].

Последовавшая в конце 1990-х гг. масштабная реформа общественного транспорта изменила ситуацию. Бывшие дуополисты были вынуждены постепенно открывать свои маршруты для новых игроков. Была внедрена тендерная конкуренция, в рамках которой автобусные компании должны были конкурировать не «на рынке», а «за рынок», т.е. победитель тендера получал монополию на определенном маршрутном кластере на оговоренный период времени [13]. Конкуренция привела к увеличению числа автобусных компаний, повышению их эффективности, улучшению качества услуг и, как следствие, стала началом возвращения популярности автобусов [14]. Сегодня на израильском рынке автобусных перевозок насчитывается более 10 компаний, а уровень обеспеченности населения автобусными перевозками в Израиле достаточно высок даже в сравнении с европейскими странами (см. *диагр. 3*) [15].

Диаграмма 3. Обеспеченность автобусными и железнодорожными перевозками. Сравнение Израиля и шести европейских стран. 2017 г.

Diagram 3. Bus and rail passenger transport supply. Comparison of Israel and six European countries. 2017.

Составлено автором по: Eurostat database. <https://ec.europa.eu/eurostat/web/transport/overview> (accessed 03.03.2020); Israel Central Bureau of Statistics database. <https://www.cbs.gov.il> (accessed 18.10.2018); World Bank Databank. <https://data.worldbank.org/> (accessed 03.03.2020)

Похожая ситуация наблюдалась и на рынке железнодорожных пассажирских перевозок. Первые годы после создания Государства Израиль активно реконструировались железнодорожные пути, оставшиеся после периодов Османской Империи и Британского мандата, открывались новые станции, приобретался подвижной состав. Однако уже в 1960-х гг. объем перевозок начал постепенно стагнировать, а затем даже сокращаться. Причиной тому стало переориентирование политики государства с пассажирских на грузовые железнодорожные перевозки, находившихся (и до сих пор остающихся) в монопольном владении государства.

Дефицит субсидирования привел к тому, что железнодорожные пассажирские перевозки с 1970-х гг. находились в упадке, продлившемся вплоть до реформы общественного транспорта конца 1990-х гг.

В ходе реформы была проведена реструктуризация израильской железнодорожной компании, а пассажирские перевозки получили значительный объем субсидирования. В результате произошло настоящее возрождение израильских железнодорожных перевозок [15]. Открывались новые станции, охват сети возрастал и объем пассажирских железнодорожных перевозок стал расти рекордными темпами. И хотя сегодня поезда по доле рынка все еще сильно уступают автобусам, железнодорожные пассажирские перевозки становятся все более конкурентоспособной альтернативой не только автобусам, но и личным автомобилям. Организация и регулирование общественного транспорта в Израиле обладает спецификой. Во-первых, пассажирский транспорт регулируется двумя министерствами - транспорта и финансов. Привлечение министерства финансов в качестве дополнительного регулятора в начале 2000-х гг. было связано со стремлением правительства жестче контролировать объем субсидирования, выделяемый транспортным компаниям [12].

Во-вторых, в отношении общественного транспорта министерство транспорта дополнительно получает экспертизу от частного сектора в лице Администрации общественного транспорта. Эта мера представляет собой ответ на проблему «захвата регулятора» двумя автобусными олигополистами в 1980-х гг., и реализация этой меры была успешной [16]. Тем не менее, среди израильских исследователей есть опасения относительно того, что передача регуляторных функций частной компании может привести к утрате экспертизы государственным регулятором, что потенциально может привести к повторению проблемы «захвата регулятора» [13].

В-третьих, в Израиле почти отсутствует вовлеченность операторов в транспортное планирование. Министерство транспорта принимает все решения на стратегическом (выработка национальной транспортной стратегии) и тактическом (планирование тарифов, объема и качества перевозок) уровнях, оставляя автобусным компаниям возможность самостоятельно принимать решения только на оперативном уровне (реализация перевозок). Специфика Израиля состоит в том, что управление крайне централизовано, т.е. муниципалитеты и региональные органы власти не имеют почти никакого влияния на транспортную политику в своем округе. По мнению израильских исследователей, такая политика снижает гибкость регулирования, что может негативно влиять на качество транспортных услуг [17].

Проведем сравнение текущего состояния израильского общественного транспорта с некоторыми европейскими странами, которые мы рассматривали в предыдущем разделе. Для этого введем показатели обеспеченности автобусными и железнодорожными пассажирскими перевозками, измеряемыми как число автобусов на 100 человек населения (число выбрано нами для удобства масштаба) и число железнодорожных пассажиро-километров на душу населения, соответственно.

Израиль имеет сравнительно хороший уровень обеспеченности автобусными перевозками, опережая Германию и Нидерланды, но уступая Бельгии, Франции, Швеции и Великобритании (см. *диагр. 3*). Не будет преувеличением сказать, что это во многом результат транспортной реформы конца 1990-х гг., в которой наибольшее внимание уделялось именно автобусным перевозкам.

Гораздо хуже ситуация с обеспеченностью железнодорожными пассажирскими перевозками: по этому показателю Израиль занимает последнее место среди рассматриваемых стран. Возможно, это связано с тем, что железнодорожные перевозки более капиталоемки по сравнению с автобусными, а значительный рост объема перевозок после реформы объясняется еще и тем, что поезда изначально не были основным видом общественного транспорта в Израиле. Вне зависимости от причин подобное отставание - сигнал о том, что развитие железнодорожного пассажирского сообщения в Израиле сегодня требует дополнительного внимания.

Таким образом, анализ рынка общественного транспорта в Израиле выявил наличие как положительных, так и отрицательных факторов. С одной стороны, израильская транспортная реформа привела к настоящему возрождению железнодорожных пассажирских перевозок и повышению эффективности автобусных перевозок. По уровню обеспеченности автобусными перевозками сегодня Израиль сопоставим с европейскими странами.

С другой стороны, положительные результаты реформы еще не полностью реализованы. По обеспеченности железнодорожными перевозками Израиль сильно отстает от стран Европы, а крайняя централизованность транспортного регулирования мешает муниципальным властям проводить более гибкую транспортную политику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня транспортные заторы стали центральной проблемой транспортных систем во многих развитых странах, и Израиль не исключение. «Пробки» сигнализируют о потерях в эффективности пассажирского транспорта, что приводит к значительным потерям для всей израильской экономики.

Результаты нашего исследования позволяют предполагать, что наиболее проблемное место для израильской системы пассажирского транспорта - дефицит транспортной инфраструктуры. Её нехватка на базовом уровне сдерживает не только развитие транспортной системы, но и всей экономики Израиля. При этом государство уже давно проводит политику по ограничению спроса на личные авто с помощью крайне высоких налогов, однако эти меры не останавливают израильтян от приобретения личных авто.

Что касается общественного транспорта, то здесь ключевую роль сыграла транспортная реформа конца 1990-х гг., благодаря которой значительно возросла эффективность автобусных компаний. Следствием стали рекордные темпы роста объемов перевозок, увеличение качества и привлекательности общественного транспорта в целом. Тем не менее, израильский общественный транспорт все еще имеет ряд нерешенных проблем, а некоторые цели реформы еще не полностью достигнуты.

Важно, на наш взгляд, отметить также, что все рассмотренные проблемные зоны - регулирование спроса на личный транспорт, увеличение предложения транспортной инфраструктуры и повышение эффективности общественного транспорта - комплементарны по отношению друг к другу. Иными словами, концентрация усилий на решении одной проблемы в изоляции от двух других не дает желаемого эффекта на системном уровне, т.е. не устраняет проблему транспортных заторов.

По этой причине автор данной работы полагает, что необходим именно комплексный подход к изучению транспортных систем. Дальнейшие исследования в этом направлении позволят лучше понять работу систем пассажирского транспорта и помогут найти решение для имеющихся проблем.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Марьясис Д.А. Сферы инновационного прорыва Израиля. *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 3. С. 92-100.
2. Maryasis D.A. 2016. Fields of Israel innovation breakthroughs. *World Economy and International Relations*. V. 60. № 3. Pp. 92-100. Moscow. (In Russ.)
3. Марьясис Д.А. Опыт построения экономики инноваций. Пример Израиля. Институт востоковедения РАН. 2015.
4. Maryasis D.A. 2015. On creation of innovations economy. Israel as an example. Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
5. Moav O., Schreiber S. 2017. כיצד ניתן לצמצם את הצפיפות בכבישים על ידי אימוץ אגרות גודש (How to reduce transport congestion by introduction of congestion charges). Aaron Institute for Economic Policy. (In Hebr.)
6. Schwarz H. 2011. Improving the sustainability of transport - The rail sector as a case study. New York.
7. Cowie J. 2009. The economics of transport: A theoretical and applied perspective. Routledge.
8. Dargay J. M., Hanly M. 1999. Bus fare elasticities: Report to the Department of the Environment, Transport and the Regions. ESRC Transport Studies Unit.
9. Martens C. 2009. Car ownership levels by income deciles. *Transport Today and Tomorrow*.
10. Cohen E. 2019. Traffic congestion on Israeli roads: faulty public policy or preordained? *Israel Affairs*. V. 25. №. 2. Pp. 350-365
11. Steren A., Rubin O.D., Rosenzweig S. 2016. Assessing the rebound effect using a natural experiment setting: Evidence from the private transportation sector in Israel. *Energy Policy*. V. 93. Pp. 41-49.
12. Grubler A., Nakicenovic N. 1991. Evolution of transport systems: Past and future.
13. Бизяев А.И. Дефицит транспортной инфраструктуры и экономическое развитие на примере Израиля. *Финансы и бизнес*. 2021. №1. Т. 17.
14. Bizyaev A.I. 2021. Transport infrastructure deficit and economic development: Israeli case. *Finances and Business*. V. 17. № 1. Moscow (In Russ.)
15. Bassat A.B. 2002. The Israeli Economy 1985-1998: From Government Intervention to Market Economics.
16. Ida Y., Talit G. 2015. Regulation of public bus services: The Israeli experience. *Transport Policy*. V. 42. Pp. 156-165.
17. Shiftan Y., Sharaby N. 2006. Competition in bus public transport in Israel. *Transportation research record*. V. 1986. №. 1. Pp. 38-45.
18. Бизяев А.И., Левин М.И. Экономическая история развития общественного транспорта в Израиле: долгий путь к эффективности. *Финансы и бизнес*. 2019. № 4. Т. 15
19. Bizyaev A.I., Levin M.I. 2019. Economic history of public transport development in Israel: a long way to efficiency. *Finances and Business*. V.15. № 4. Moscow (In Russ.)
20. Бизяев А.И. Регулирование общественного транспорта в Израиле. *Восточная аналитика*. 2020. №3. С. 28-40
21. Bizyaev A.I. 2020. Public transport regulation in Israel. *Eastern Analytics*. № 3. Pp. 28-40. Moscow (In Russ.)
22. Ida Y., Berechman J., Levy S. 2018. Cost, quality and scope of service: The case of the Israeli public bus sector. *Research in Transportation Business & Management*. V. 28. Pp. 40-44.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бизяев Антон Игоревич, лаборант-исследователь, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; старший преподаватель, Институт стран Азии и Африки МГУ, Москва, Россия.

Anton I. Bizyaev, Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Senior Lecturer, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 10.09.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 18.10.2021

Принята к публикации
(Accepted) 15.12.2021

Юго-Восточная Азия как регион нового фармацевтического освоения

© Акимова В.В.^{a,b}, Парамзина Е.А.^{a,c}, 2022

^a Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

^b РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия

^a ORCID ID: 0000-0003-0071-1307; varvaraakimova1576@gmail.com

^c ORCID ID: 0000-0002-5466-7033; kat@paramzina.ru

Резюме. Статья посвящена географическому анализу фармацевтической промышленности стран Юго-Восточной Азии - региона, претерпевшего за последние двадцать лет серьёзные изменения в условиях жёсткой конкуренции на международном рынке лекарственных препаратов. Выявлено, что изначально развитие фармацевтики в ЮВА происходило под влиянием мировых ТНК, было ориентировано исключительно на внешнего потребителя и носило точечный пространственный характер. Филиалы фармацевтических ТНК размещались таким образом, чтобы получить конкурентное преимущество в виде более дешевой рабочей силы и в то же время минимизировать транзакционные издержки на транспортировку локально произведенных лекарственных средств непосредственно к местам сбыта. Впоследствии рост платёжеспособности местного населения обусловил формирование устойчивого, хотя и неравномерно распределённого внутрирегионального спроса, с высоким потенциалом дальнейшего расширения. И на сегодняшний день развитие фармацевтической промышленности Юго-Восточной Азии характеризуется полимасштабностью преобразований: наряду с усложнением глобальных цепочек добавленной стоимости, в отрасли наблюдается устойчивый тренд постепенного углубления внутрирегиональных связей. Тем не менее, страны региона продолжают значительно отличаться между собой по степени зрелости национальной фармацевтической промышленности и внутренних рынков лекарственных средств, на основе чего авторами была составлена типология стран ЮВА по характеру развития фармацевтической промышленности.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, фармацевтическая промышленность, производство лекарственных средств, фармацевтический рынок

Для цитирования: Акимова В.В., Парамзина Е.А. Юго-Восточная Азия как регион нового фармацевтического освоения. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 1. С. 62-70. DOI: 10.31857/S032150750018300-2

Southeast Asia as a region of new pharmaceutical development

© Varvara V. Akimova^{a,b}, Ekaterina A. Paramzina^{a,c}, 2022

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

^b RANEP, Moscow Russia

^b ORCID ID: 0000-0003-0071-1307; varvaraakimova1576@gmail.com

^c ORCID ID: 0000-0002-5466-7033; kat@paramzina.ru

Abstract. The article is dedicated to the geographical analysis of the pharmaceutical industry in the countries of Southeast Asia, a region that has undergone serious changes over the past twenty years in the context of fierce competition on the international drug market. It was revealed that initially the development of pharmaceutical industry in the region took place under the influence of world multinational corporations, the production of medicines was focused exclusively on an external consumer and had an isolated spatial pattern. Subsidiaries of big pharmaceutical TNCs were located in such a way as to gain a competitive advantage in the form of cheaper labour and, at the same time, to minimize transaction costs for transporting locally produced medicines directly to the points of sale. Subsequently, the growth in the paying capacity of the local population led to the formation of a stable, albeit unevenly distributed intraregional demand, with a high potential for further expansion. Therefore, today the development of pharmaceutical industry in the countries of Southeast Asia is characterised as multi-scaled. As global value chains in the industry become more complex and advanced, there is a steady trend of a gradual deepening of intraregional ties. The countries of Southeast Asia still differ significantly in terms of the degree of maturity of the national pharmaceutical industry and domestic drug markets. These both criteria were used as the basic ones to create the typology of the countries of Southeast Asia according to the level and type of development of their pharmaceutical industry.

Keywords: Southeast Asia, pharmaceutical industry, drug production, pharmaceutical market

For citation: Varvara V. Akimova, Ekaterina A. Paramzina. Southeast Asia as a region of new pharmaceutical development. *Asia and Africa today*. 2022. № 1. Pp. 62-70. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018300-2

ВВЕДЕНИЕ

Фармацевтическая промышленность - одна из ключевых и жизнеобеспечивающих отраслей мирового хозяйственного комплекса. Пандемия *COVID-19* лишь в очередной раз подчеркнула исключительную важность фармацевтики как стратегической государственной отрасли, призванной обеспечить национальную медицинскую и эпидемиологическую безопасность. В период пиковых значений заболеваемости корона-вирусной инфекцией мир (даже такие развитые фармацевтические страны, как США, Франция, Великобритания, Германия) столкнулся с проблемой нехватки соответствующих лекарственных препаратов в необходимом объёме. Следовательно, наибольшим рискам были подвержены страны с отсутствующим или ещё неокончательно сформированным, а значит, зависимым сектором национальной фармацевтической промышленности, в группу которых входят и все страны Юго-Восточной Азии (ЮВА), за исключением Сингапура.

Местное производство коронавирусных вакцин построено на импортированных иностранных, в частности китайских, технологиях, что также подтверждает высокую степень их фармацевтической зависимости в постковидной реальности. Тем не менее, эффект «шоковой терапии (пандемии)» впоследствии может сыграть и позитивную роль как драйвер завершения процесса дотраивания базы национальных фармацевтических комплексов в странах Юго-Восточной Азии.

Ежегодные темпы роста фармацевтического производства в странах ЮВА в 2016-2021 гг. составили рекордные 9,1%, что превратило фармацевтический рынок региона в самый быстрорастущий в мире¹. Несмотря на пока еще относительно небольшой его вклад в формирование внешнего мирового рынка лекарственных средств (далее ЛС) - 2,7%² на сегодняшний день, перспективы дальнейшего стремительного развития отрасли в странах ЮВА остаются высокими. Причины заключаются в активном росте внутреннего рынка региона, что, в свою очередь, обусловлено ростом численности и благосостояния населения, а также ростом доступности многих мировых препаратов вследствие их выхода из-под патентной защиты в последние годы.

РАЗВИТИЕ ФАРМАЦЕВТИКИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Характерное отличие фармацевтической отрасли Юго-Восточной Азии её молодость, особенно заметная на фоне уже сформированных промышленных комплексов США и Европы. Если в последних мы наблюдаем эволюционное, эндогенное развитие фармацевтической индустрии вслед за сменой в них общественно-экономических формаций, то Юго-Восточная Азия, наоборот, пример становления отрасли за счет воздействия экзогенных факторов. Внешний толчок стал драйвером ускоренной, всесторонней модернизации фармацевтического сектора стран Юго-Восточной Азии. Однако впоследствии это привело к феномену длительного сосуществования и независимого развития двух противоположных по своей сущности форм производства ЛС: «экзогенной» промышленной фармацевтики и «эндогенной» кустарной медицины.

С течением времени эти два сектора начали взаимодействовать друг с другом. Возникший симбиотический эффект постепенно трансформировал практики традиционной медицины под формат современных экономических отношений [1]. Образцом успешной интеграции в мировую рыночную систему может служить опыт Индии, сумевшей приспособить народную медицину Аюрведу к условиям международной торговли [2].

На основе историко-географического анализа экономической деятельности ряда крупнейших национальных компаний стран ЮВА были выделены следующие 5 этапов развития фармацевтической индустрии региона:

1. Традиционная медицина,
2. Приход фармацевтических ТНК на местные рынки с целью: а) снижения издержек производства на проведение клинических испытаний как ключевого этапа разработки ЛС, б) захвата растущего потребительского рынка;
- 3) Появление национальных фармацевтических компаний, слабая конкуренция с ТНК (в условиях жёсткого патентного права);
- 4) Ослабление режима регулирования права интеллектуальной собственности (ПИС), усиление национальных фармацевтических компаний, успешная конкуренция с ТНК (на равных);

¹ См.: Top trends impacting South East Asia's pharma market - a conversation with Pharmaceutical Commerce. DKSH. <https://www.dksh.com/global-en/tl-hec-trends-impacting-south-east-asia-pharma-market> (accessed 18.02.2021)

² См.: Merchandise trade matrix in thousands United States dollars, annual. UNCTADstat. <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (accessed 16.02.2021)

5) Стабилизация отношений между национальными и зарубежными производителями ЛС: а) реализация общих проектов (“*Crossknowledge*”, “*Knowledgeintheair*”³), б) введение жестких стандартов качества фармацевтической продукции вытеснение ТНК с местного рынка.

Первый этап представляет из себя устойчивое состояние системы, сформировавшееся в течение длительного исторического процесса. Переход к второму этапу начался с постепенного внедрения крупных ТНК на местные рынки. Полученный извне опыт промышленной организации фармацевтики был переосмыслен странами ЮВА и, в конечном итоге, воспринят как образец экономического поведения.

Применение этого опыта в собственной практике, т.е. реализация эндогенного потенциала развития фармацевтической индустрии, ознаменовало третий этап развития. На рынке появились первые национальные фармацевтические компании, испытывавшие, тем не менее, существенное давление со стороны иностранных конкурентов ввиду отсутствия аналогичного опыта производства и дистрибуции ЛС.

Ключевым преимуществом и драйвером развития местных компаний на тот момент стало чувство национальной идентичности, стремление поддержать становление собственной фармацевтики западного уровня. Национальная компания Филиппин - *Unilab*- начинала как небольшое производственное предприятие в жилом доме со штатом не более 30 сотрудников. К тому времени зарубежные ТНК уже успели создать в стране мощное фармацевтическое производство, конкуренция с которым представляла крайне сложную задачу. Сейчас *Unilab* крупнейшая фармацевтическая компания на внутреннем рынке Филиппин. Ключевой фактор её успеха заключается в ориентации на местные культурно-нравственными ценности, близком взаимодействии с потребителем и синергизме⁴.

Постепенное обучение на зарубежном опыте, развитие предпринимательских способностей среди местного населения, становление и упрочение полномочий соответствующих институтов привели к существенному усилению конкурентоспособности фармацевтических компаний ЮВА. Это ознаменовало переход к четвёртому этапу развития отрасли, когда жёсткая конкуренция между мировыми фармацевтическими ТНК и национальными производителями ЛС уступает место стабилизации экономических отношений.

С одной стороны, они могут прийти к мирному сосуществованию через распределение рыночных ниш или сотрудничеству по разработке совместных проектов и «здоровой конкуренции». С другой - посредством нерыночных механизмов конкуренции (например, ужесточения институциональных стандартов) европейские и американские фармацевтические ТНК могут быть полностью вытеснены с определенных ниш внутреннего регионального рынка.

Агрессивным в этом плане игроком выступает Малайзия, которая создала специальное агентство по делам ислама, занимающееся, в т.ч., сертификацией халяльности продукции *JAKIM, Department of Islamic Development Malaysia*⁵. Так, фармацевтические препараты, по той или иной причине не отвечающие заявленным требованиям на одном из этапов производства, не допускаются на внутренний рынок. Естественно, истинные причины ограничения экономической деятельности некоторых иностранных компаний далеко не всегда объективны. В то же время большинство малазийских производителей подробно прописывают пункт соблюдения халяльных норм в своей внутренней политике и, действительно, жёстко ему следуют. Пример тому крупнейшая национальная компания страны *CCM Pharmaceuticals*⁶.

Таким образом, на основании соотношения ТНК и национальных компаний в стране, характера их взаимодействия и государственного регулирования в сфере интеллектуальной собственности можно определить положение соответствующих стран ЮВА на хронологической прямой развития фармацевтической промышленности региона (см. рис.).

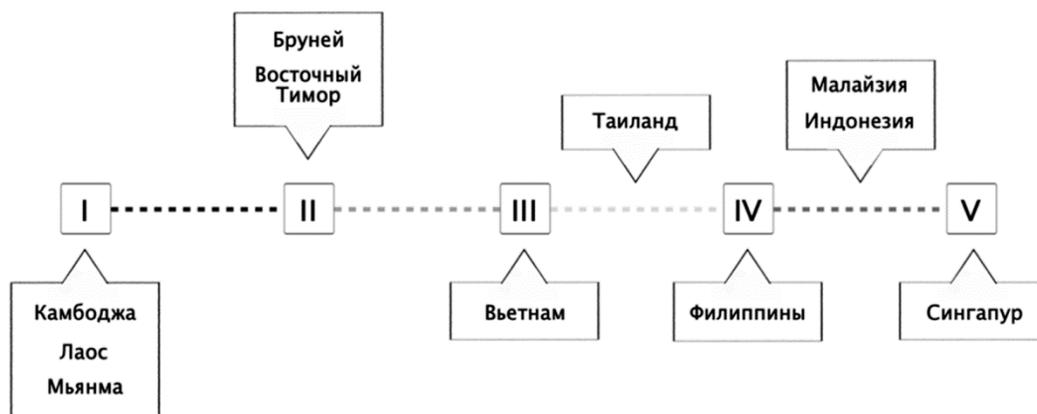
Так, на одном конце пунктирной прямой расположились отсталые, с точки зрения развития фармацевтической промышленности, страны Камбоджа, Лаос, Мьянма, которые сих пор находятся на этапе, характеризующимся отсутствием серьёзной промышленной фармацевтики (1-й этап). Бруней и Восточный Тимор в рамках политики диверсификации и ухода от нефтяной зависимости только начинают развивать свое фармацевтическое производство (2-й). На другом конце этой прямой находятся крупные промышленные центры Индонезия и Малайзия (4-й этап), характеризующиеся, в целом, зрелым развитием фармацевтической промышленности. Особняком стоит Сингапур, выполняющий роль инновационного хаба всего региона во всех отраслях, включая и фармацевтику (5-й этап).

³ “*Crossknowledge*” и “*knowledgeintheair*” побочный положительный эффект, возникающий в результате концентрации предприятий, близких или связанных друг с другом видов экономической деятельности; выражен в интенсификации неформальных социальных контактов и интеллектуального обмена, генерировании автономной креативно-инновационной среды (прим. авт.).

⁴ Our Humble Beginnings. Unilab.com.ph. <https://www.unilab.com.ph/our-humble-beginnings#subnavigation> (accessed 16.02.2021)

⁵ Foreign Halal Certification Body (FHCB). Halal Malaysia Official Portal http://www.halal.gov.my/v4/index.php?data=bW9kdWxlc9jZXXJ0aWZ5X2JvZmZk7Ozs7&utama=CB_LIST (accessed 17.02.2021)

⁶ Halal Policy. <https://www.ccmerhad.com/policies.php> (accessed 16.02.2021)

Примечание: I - V - этапы развития фармацевтической индустрии.

Рис. Этапы развития фармацевтической промышленности стран Юго-Восточной Азии. Составлено авторами.
Picture. Stages of pharmaceutical industry development in Southeast Asia.

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СТРАНАХ ЮВА

Процесс формирования территориальной организации фармацевтической промышленности Юго-Восточной Азии ещё не завершён и определяется прямым воздействием факторов развития отрасли.

Под факторами развития подразумеваются свойства данного производственного процесса и особенности дистрибуции конечного продукта, которые определяют необходимость экономической близости предприятий к тем или иным условиям производства [3]. Также в качестве факторов развития фармацевтической промышленности Юго-Восточной Азии учитываются воздействия, внешние по отношению к региону.

Структурировать анализ нами предлагается с точки зрения теории полимасштабности, последовательно рассмотрев влияния тех или иных явлений и процессов на *макро*- (регион в глобальном масштабе), *мезо*- (на уровне отдельных стран и их частей) и *микро/локально* уровнях (городов как зон повышенной концентрации экономической деятельности, а также отдельных организаций и компаний).

Первостепенную (*макромасштабную*) роль сыграли трудовая и рыночные факторы, частично повлиял ресурсно-сырьевой. В ЮВА условия труда рабочих промышленного сектора отличаются более слабым правовым регулированием, нежели в развитых капиталистических странах Европы и США ненормированная рабочая неделя, повышенная продолжительность рабочего дня (до 54 часов в неделю). Соответственно, масштабный перенос фармацевтических производств в регион (или т.н. аутсорсинг) обусловлен стремлением иностранных компаний минимизировать издержки на оплату труда.

С той же целью в конце XX в. многие иностранные компании переносили своё производство на территорию Китая, демонстрировавшего высокие темпы экономического роста при сохранении относительной дешевизны рабочей силы. С 2000-х гг. китайский труд начал значительно расти в цене: с тех пор средняя зарплата рабочих промышленного сектора удваивается практически каждые 5 лет. В ответ на это ТНК отреагировали переносом фармацевтических заводов из КНР в соседние, более дешёвые с точки зрения трудовых ресурсов, страны Юго-Восточной Азии⁷ (от \$284 в месяц в Индонезии, до \$125 - во Вьетнаме [4]).

Не меньшее значение для развития фармацевтической промышленности в ЮВА имел **рыночный фактор** соотношение и динамика объёмов сбыта готовой продукции на внешнем мировом, так и внутреннем региональном рынках. В настоящее время фармацевтическую промышленность стран региона можно охарактеризовать как внешнеориентированную, в то время как региональный рынок, наоборот, занимает позиции пассивного потребителя собственной лекарственной продукции.

Об этом свидетельствуют высокая экспортная квота особенно в таких странах, как Сингапур (108%), Вьетнам (100%), Малайзия (65%) и Таиланд (43%)⁸, и приморское положение крупнейших промышленных центров и кластеров, гарантирующих, тем самым, транспортно-логистическую гибкость отрасли.

С точки зрения **ресурсообеспеченности**, регион отличается уникальным богатством и разнообразием генетических групп фармацевтического сырья: животного и растительного (в т.ч. перец Пиппали, куркума яванская, сизигиум многоцветковый, имбирь аптечный [5]), минерального (органического и неорганиче-

⁷ Foreign investors continue to target Vietnam's pharmaceutical industry. Hanoi Times. <http://hanoitimes.vn/foreign-investors-continue-to-target-vietnams-pharmaceutical-industry-300691.html> (accessed 09.04.2021)

⁸ Merchandise trade matrix in thousands United States dollars, annual. UNCTADstat. <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (accessed 16.02.2021)

ского) и синтетического (побочные продукты химической промышленности, металлургии и др.). Однако эксплуатация вышеперечисленных биотических ресурсов пока еще носит лишь потенциальный характер. До 90-95% фармацевтического сырья для дальнейшей переработки в готовые ЛС страны ЮВА импортируют из Китая и Индии. Тем не менее, тренд роста мирового спроса на ЛС с «натуральным» компонентным составом, т.е. преимущественно животного или растительного происхождения, создаёт благоприятные условия для начала масштабного освоения богатых природных ресурсов региона [6]. При этом на начальных этапах страны региона даже не нуждаются в организации промышленных насаждений лекарственных растений [7]: сама природа есть источник больших запасов фармацевтического сырья.

На *мезомасштабном* уровне регион перестаёт рассматриваться как единый, относительно однородный ареал с некоторым набором общих характеристик. Акцент ставится на его внутренней дифференциации специфике отдельных стран и их частей. Важную роль здесь приобретает **социокультурный фактор**.

Под культурой подразумевается система поведенческих установок и норм восприятия окружающей действительности, формирующаяся в устойчивой социальной среде. Выступая в роли социального фильтра, культура некоторой общности накладывает неформальные ограничения на своих носителей с точки зрения возможности принятия ими ценностей других социальных групп [8]. Так, для фармацевтической отрасли социокультурный фактор имеет значение: 1) ограничивающего факт вхождения на региональный рынок Юго-Восточной Азии иностранных компаний как носителей чужеродной бизнес-культуры; и 2) определяющего круг потребителей национальной продукции.

Переходя к анализу *микро* (локальных) практик, отметим, что рассмотрение объектов и процессов в рамках ограниченного территориального охвата не преуменьшает их значимость для всей системы и не исключает распространение их влияния на более мелкие масштабные уровни. Создание высокоинтеллектуальной и инновационной среды (фактор НИОКР) как явление микромасштабной локализации играет роль ключевого драйвера современной фармацевтики. Поиски способов улучшения фармакологических свойств уже существующих ЛС и синтез новых субстанций генерируют мультипликативный эффект, тем самым усиливая экономическую свободу и конкурентоспособность как национальной фармацевтической промышленности в целом, так и отдельных компаний. Тем не менее, недостаток высококвалифицированных кадров фармацевтов в странах Юго-Восточной Азии, за исключением Сингапура, тормозит развитие инновационного сектора производства ЛС.

Высокая степень зависимости фармацевтической промышленности от государственного финансирования предопределяет исключительное значение **институционального фактора** [9].

В микромасштабе правовое регулирование закреплено на уровне отдельных законодательных актов, приписывающих территории особый налоговый или правовой статус создание особых экономических зон (ОЭЗ). Мезомасштабное влияние института государства выражается через регулирование деятельности фармацевтических компаний на уровне страны в целом, а не отдельных территорий и зон, как в случае микромасштаба. Здесь идет речь о национальном законодательстве в сфере производства ЛС и проведения лабораторных научно-исследовательских разработок.

Функцию контроля за соблюдением этих норм осуществляют специализированные национальные комитеты, оценочные агентства и др. в рамках одной страны. Особенно ярко государственная фармацевтическая политика проявляется в исламских странах региона Малайзии, Брунее и Индонезии, для выхода на внутренний рынок которых товарная продукция обязана пройти халяль-сертификацию. На макромасштабном уровне институциональный фактор упорядочивает межгосударственные отношения посредством подписания мировых и региональных соглашений и установления единых принципов и стандартов, а членство в международной Конвенции о сотрудничестве фармацевтических инспекций (сокращённо PIC/S).

Таким образом, в условиях уже сформированного мирового фармацевтического рынка с абсолютным господством крупных ТНК развитие фармацевтической промышленности в Юго-Восточной Азии сопряжено с большим количеством рисков и разного рода проблем для стран этого региона. Тем не менее, такие факторы, как растущий потребительский рынок, относительная дешевизна трудовых ресурсов, высокое биоразнообразие территории как перспективный источник биофармацевтического сырья, а также активное создание зон опережающего развития с льготными условиями ведения экономической деятельности, обуславливают огромный потенциал развития ЮВА как производителя ЛС мирового значения. Локомотивом этого развития является институциональный фактор, реализующийся как на уровне отдельных стран, так и региона, в целом.

Главная задача установление взаимного компромисса и экономического баланса в отношениях национальных и иностранных производителей ЛС. С одной стороны, тесное сотрудничество с ведущими фармацевтическими ТНК способствует усвоению их многолетнего международного опыта в вопросах функционирования отрасли, выступает в качестве источника инноваций и, соответственно, драйвера модернизации национальных фармацевтических секторов стран Юго-Восточной Азии. В то же время внедрение ино-

странных ТНК на внутренний рынок развивающихся стран чревато их сырьевой эксплуатацией, а также использованием исключительно для сбыта фармацевтической продукции развитых экономик.

Итак, для успешного эволюционного развития фармацевтической промышленности стран ЮВА крайне важны выбор и закрепление на законодательной основе четкой стратегии взаимодействия с иностранными ТНК, с учётом потенциального нишевого деления рынка в будущем и возможностей совместной реализации некоторых лабораторно-исследовательских и прикладных проектов.

ТИПОЛОГИЯ СТРАН ЮВА ПО ХАРАКТЕРУ РАЗВИТИЯ ФАРМАЦЕВТИКИ

Проведение типологизации стран Юго-Восточной Азии по характеру развития фармацевтической промышленности направлено на упорядочение знания об исследуемом регионе, выделение принципиально важных, маркирующих признаков, позволяющих обобщить разнородные страны в несколько ключевых типов.

Для получения первичной схемы типологии, далее скорректированной в соответствии с качественными критериями оценки, нами был проведен кластерный анализ на основе следующих количественных показателей: объём экспорта фармацевтических препаратов в абсолютных значениях (\$ млн); сальдо внешних торговых операций над фармацевтической продукцией (\$ млн); сальдо внешних региональных торговых операций над фармацевтической продукцией (\$ тыс.) (в пределах 11 стран ЮВА); индекс Херфиндаля-Хиршмана⁹ (см. табл.).

Таблица. Количественные показатели типологии, 2020 г.
Table. Quantitative indicators of typology, 2020

Страна	Объём экспорта ЛС, \$ тыс.	Сальдо внешней торговли ЛС, \$ тыс.	Сальдо региональной торговли ЛС, \$ тыс.	Индекс Херфиндаля-Хиршмана
Бруней	159	-99 588	-91 259	н/д
Восточный Тимор	180	-7 127	-1 921	н/д
Вьетнам	44 110	-3 129 233	122 995	2 593
Индонезия	132 125	-356 070	223 506	1 970
Камбоджа	723	-217 069	-57 978	н/д
Лаос	420	-31 468	-15 672	н/д
Малайзия	235 793	-1 339 970	23 096	1 076
Мьянма	48	-559 971	-106 223	н/д
Сингапур	5 885 881	4 922 145	623 874	7 715
Таиланд	214 981	-1 882 866	281 319	1 073
Филиппины	4709	-1 768 045	-203 548	2 710

Источник: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (accessed 22.03.2020)

Качественные критерии данной типологии несут в себе простую интерпретацию, фиксируя наличие или отсутствие факта того или иного явления в данной стране, при необходимости указываются его специфические черты. Принятие международной Конвенции о сотрудничестве фармацевтических инспекций (PIC/S) устанавливает в соответствующих странах единые мировые стандарты промышленной продукции (GMP), а также вводит общие систему и принципы инспектирования производителей, что значительно упрощает выхода национальных компаний на мировые рынки. На 2021 г. 4 страны региона уже являются членами PIC/S Сингапур, Малайзия, Индонезия и Таиланд. Критерий наличия фармацевтической специализации оценивался на основе подробного качественного анализа промышленности в страновом разрезе.

В результате были выделены четыре типа стран (см. карту).

К первому типу стран с высокоразвитой фармацевтической промышленностью и специализацией на инновационных препаратах относится исключительно Сингапур. От других стран ЮВА он отличается ранним началом модернизации экономической системы, перехода от низкотехнологичных производств к высокотехнологичным отраслям и инновационным системам. Сингапур характеризуется полной включенностью в глобальные цепочки добавленной стоимости, благоприятной институциональной средой, гарантирующей соблюдение ПИС, а также высоким объёмом экспорта (\$5,8 млрд) и положительным сальдо торговли

⁹ Индекс Херфиндаля Хиршмана показатель, использующийся для оценки степени монополизации отрасли, в географии степень территориальной концентрации (прим. авт.).

ЛС (+\$4,9 млрд). Специализация построена на производстве сложных инновационных лекарственных средств и, следовательно, необходимой исследовательской деятельности (НИОКР).

Типы стран

- Страны с высокоразвитой фармацевтической промышленностью и специализацией на производстве инновационных препаратов
- Страны со среднеразвитой фармацевтической промышленностью и сохранением национальной социокультурной специфики производства
- Страны на начальной стадии формирования фармацевтической промышленности без выраженной специализации производства
- Страны с примитивными формами фармацевтической промышленности
- Крупные ресурсобеспеченные страны, полностью зависящие от импорта фармацевтических препаратов
- Малые слабообеспеченные страны со слабыми институтами

Карта. **Типология стран ЮВА по характеру развития фармацевтики.** Составлено авторами.
Map. **Typology of the countries of Southeast Asia by the nature of the development of their pharmaceuticals.**

Второй тип стран со среднеразвитой фармацевтической промышленностью и сохранением национальной социокультурной специфики производства объединяет Малайзию и Индонезию. Страны этого типа характеризуются довольно длительным периодом развития отрасли, вследствие чего ряд эффективных институциональных практик уже сформировался и закрепился. На внутренних рынках функция упорядочения корпоративных отношений в области фармацевтической промышленности осуществляется через естественное «нишевое деление» этих рынков. За национальными компаниями закрепляется специализация на дженериковых препаратах, нишу производства оригинальных лекарств занимают иностранные ТНК. Существенное влияние в этих странах оказывает культурный, в частности конфессиональный, фактор, обусловивший формирование специфического сектора производства халяльной фармацевтической продукции с жёстким государственным регулированием. С точки зрения макроэкономических показателей, страны второго типа имеют отрицательное сальдо внешней мировой торговли фармацевтическими препаратами (Малайзия -\$1,3 млрд, Индонезия -\$356 тыс.), однако в региональном разрезе (наряду со странами первого типа) выступают в качестве нетто-экспортёров с положительным сальдо обмена (см. табл.).

Третий тип стран на начальной стадии формирования фармацевтической промышленности без выраженной специализации производства включает такие страны, как Таиланд, Вьетнам и Филиппины. Ключевые общие характеристики данного типа заложены в самом его названии «формирование промышленной фармацевтики» и «отсутствие специализации». При этом ещё одна важная идентифицирующая черта данного типа его неоднородность. В поисках устойчивого пути развития отрасли страны третьего типа раз-

рабатывают свои собственные, относительно непоследовательные программы регулирования экономических отношений в области фармацевтической промышленности и характеризуются незарегулированностью формальных отношений между национальными и иностранными фармацевтическими компаниями. С точки зрения макроэкономических показателей, *страны третьего типа* имеют отрицательное сальдо внешней мировой торговли фармацевтическими препаратами, но в региональном разрезе, за исключением Филиппин, имеют положительное сальдо обмена (см. табл.).

В Таиланде это связано с отсутствием органов управления, ответственных за регулирование дженерикового производства и ценообразования на лекарства, феномен «нераспределённых функций». Во Вьетнаме вхождение ТНК на внутренний рынок страны существенно ограничено на государственном уровне (для стимулирования развития национального производства), Филиппины, наоборот, предпочитают развиваться лишь за счёт внешних инвестиционных инициатив.

Таким образом, национальные производители ЛС в странах *третьего типа* не получают достаточной поддержки со стороны государства, характеризуются малым присутствием на рынке, нечёткой стратегией развития и «недораспределённостью» рыночных ниш.

Последний, **четвёртый** тип объединяет *страны с примитивными формами фармацевтической промышленности* и по признаку ресурсообеспеченности делится на два следующих подтипа: а) *крупные ресурсообеспеченные страны, полностью зависящие от импорта фармацевтических препаратов* (Лаос, Камбоджа, Мьянма); б) *малые слабообеспеченные страны со слабыми институтами* (Бруней, Восточный Тимор).

Эти страны ввиду политико-экономической нестабильности *подтипа б)* и сохранения традиционных укладов общественной жизни *подтипа а)* на данный момент не способны обеспечить формирование гибкого институционального регулирования в области медицины и фармацевтической промышленности. Ресурсно-сырьевые богатства территории оставляют за странами *подтипа а)* большой потенциал развития национальной фармацевтической промышленности. Однако низкие доходы населения препятствуют формированию минимального для рентабельности объёма спроса на ЛС и, наоборот, способствуют сохранению старинных практик лечения (деревенские целители, монахи, использующие настои, корни, травы и др.). Так, организация собственного производства представляется более затратным и рискованным проектом, нежели импорт готовых дешевых ЛС из стран-соседей региона, о чем свидетельствуют отрицательные значения как мирового торгового баланса, так и регионального (см. табл.). Специализация на нефтедобывающей промышленности обеспечивает немногочисленное население стран *подтипа б)* высокими душевыми доходами, позволяет свободно закупать все необходимые ЛС за рубежом. При этом организация «миниатюрной» национальной фармацевтической промышленности в данном случае возможна на основе получаемых в результате перегонки нефти фракций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Фармацевтическая промышленность Юго-Восточной Азии отличается инвазивным характером развития, с вытекающей отсюда асимметрией производственных процессов. Первые в регионе фармацевтические компании базировались на иностранном капитале, будучи промышленными подразделениями крупных мировых ТНК с узким набором локально реализуемых операций. Лишь позже, после получения независимости во второй половине XX в., страны региона начали организовывать собственные фармацевтические компании наподобие присутствующих в регионе иностранных производителей.

2. Регион обладает высоким потенциалом включения в глобальные цепочки добавленной стоимости вследствие количественно и качественно растущего внутреннего спроса, увеличения наукоёмкости отрасли и создания особо благоприятных институциональных условий.

3. Преодоление глобальной проблемы распространения вируса *COVID-19* требует ведения эффективной борьбы не только на международном, но и региональном и национальном уровнях, что также подчеркивает необходимость развития «молодой» фармацевтики стран Юго-Восточной Азии до уровня устойчивых национальных фармацевтических комплексов с широкой сетью связей как внутри азиатского региона, так и вне его.

4. К факторам, благоприятствующим развитию фармацевтической промышленности в странах ЮВА, наряду с институциональным фактором, можно отнести ресурсно-сырьевой (в т.ч. топливно-энергетический), трудовой, рыночный, транспортно-географическое положение (в масштабах региона и мира) и НИОКР. К факторам, препятствующим развитию отрасли в регионе, относятся социокультурный фактор (сохранение практик народной, кустарной медицины), влияние которого усиливается на фоне урбанизационных процессов в регионе, а также инфраструктурный и транспортно-логистический факторы в масштабах страны (отсутствие необходимой инфраструктуры за пределами зон концентрации населения в столичных агломерациях).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Mendoza R.L. 2009. Is It Really Medicine? The Traditional and Alternative Medicine Act and Informal Health Economy in the Philippines. *Asia Pacific Journal of Public Health*. Vol. 21, № 3, pp. 333-345.
2. Banerjee M. 2002. Public Policy and Ayurveda: Modernising a Great Tradition. *Economic and Political Weekly*. Vol. 3, № 12, pp. 1136-1146.
3. Горкин А.П., Смирнягин Л.В. 1973. О факторах и условиях размещения капиталистической промышленности. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. № 1, с. 68-75.
Gorkin A. P., Smirnyagin L. V. 1973. About the factors and conditions of the location of the capitalist industry. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geography series*. № 1, pp. 68-75. (In Russ.)
4. Wages and working time statistics (COND). ILOSTAT. <https://ilostat ilo.org/data/> (accessed 16.02.2021)
5. Wiart C. Medicinal plants of Southeast Asia. Petaling Jaya: Prentice Hall, 2002, 395 p.
6. Oyen L. P. A., Nguyen Xuan Dung Plant Resources of South-East Asia. Leiden: Backhuys Publishers, 1999, 280 p.
7. Astutik S., Pretzsch J., Kimengsi N. 2019. Asian Medicinal Plants' Production and Utilization Potentials: A Review. *Sustainability*. Vol. 11, pp. 5482-5535.
8. North D.C. Institutions and the Performance of Economies over Time. *Handbook of New Institutional Economics*. Heidelberg: Springer, 2008, pp. 21-30.
9. Подгорнев П.В. Территориальная структура фармацевтической промышленности в постиндустриальную эпоху: Дисс. ... к.г.н. Москва. 2016, 190 с.
Podgornev P.V. 2016. Spatial structure of pharmaceutical industry in the postindustrial era. PhD (Geography) dissertation. Moscow. 190 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Акимова Варвара Владимировна, к.г.н., н.с., кафедра социально-экономической географии зарубежных стран, Географический факультет, МГУ имени М.В.Ломоносова; Центр стратегий регионального развития, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия.

Varvara V. Akimova, PhD (Geography), Researcher, Department of Social Economic Geography of Foreign Countries, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Strategic Centre for Regional Development, RANEPa under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Парамзина Екатерина Алексеевна, студентка, Географический факультет, МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия.

Ekaterina A. Paramzina, Student, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 21.06.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.09.2021

Принята к публикации
(Accepted) 20.11.2021

African migration to Chad: Diversity of ethnic groups as one of the motives for the choice of migrants

© Mugadam M. Mugadam^a, 2022

^aRussian Peoples' Friendship University, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-5533-5655; mmougadamhamamat@gmail.com

Abstract. The mobility of the population of the African continent is not a new phenomenon. Intra-African migration has a close relationship with mobility, as every migrant dreams of better social, economic, and political conditions. In this article, the author touches on the topic of the diversity of ethnic groups and languages as one of the motives for migrants to choose the Republic of Chad. Chad is a link between the Maghreb and Black Africa, and a crossroads of trans-Saharan caravans and a cradle of nomadic civilizations. Today, emigration and immigration movements between Chad, Libya, Sudan, Central African Republic, Cameroon, Niger, and Nigeria constitute a basis of migratory dynamics. Chad is the first country to admit asylum seekers in Africa with a high number of refugees and asylum seekers which represents more than 3% of the Chadian population. The Republic of Chad was also an important stop on the pilgrimage route. There were many Muslims of African descent who made their way to the pilgrimage through Chad. Historical movements between the Republic of Chad and its neighboring countries provide an understanding of today's movements. These movements constitute the basis of the migratory dynamic of the Republic of Chad. The fact that we find shared communities on both sides of the border allows us to say that these particularly important cross-border exchanges are worth studying. Also, Chad alone has around 474,000 refugees and asylum seekers. Even if over the past two years the measures taken to fight the spread of the coronavirus infection (COVID-19) have slowed down the migration movement, the Republic of Chad now ranks among the top 10 countries of asylum in the world.

Keywords: Chad, ethnic groups, linguistic diversity, migration to Chad, intra-African migration, institutional capacities

For citation: Mugadam M.M. (Chad). African migration to Chad: diversity of ethnic groups as one of the motives for the choice of migrants. *Asia and Africa today*. 2022. № 1. Pp. 71-76. DOI: 10.31857/S032150750015511-4

Африканская миграция в Чад: разнообразие этнических групп как один из мотивов выбора мигрантов

© Мугадам М.М.^а, 2022

^аРоссийский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-5533-5655; mmougadamhamamat@gmail.com

Аннотация. Исторические перемещения между Чадом и соседними странами дают представление о современных перемещениях, которые составляют основу миграционной динамики в Чаде. Тот факт, что мы находим общие сообщества по обе стороны границы, позволяет нам сказать, что эти важные трансграничные обмены заслуживают изучения. Кроме того, только в Чаде находятся около 474 000 беженцев и просителей убежища. Даже если за последние два года меры, принятые для борьбы с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19), замедлили миграционное движение, Чад сейчас входит в топ-10 стран-убежищ в мире. Автор затрагивает тему разнообразия этнических групп и языков как один из мотивов выбора мигрантами Республики Чад.

Ключевые слова: Чад, этнические группы, языковое разнообразие, миграция в Чад, внутриафриканская миграция, институциональный потенциал

Для цитирования: Mugadam M.M. (Chad). African migration to Chad: diversity of ethnic groups as one of the motives for the choice of migrants. *Asia and Africa today*. 2022. № 1. Pp. 71-76. DOI: 10.31857/S032150750015511-4

INTRODUCTION

Internal African migration movements to Chad and its border states form the basis of the migration dynamics of the Republic of Chad. These important cross-border mobility and exchanges explain that there are common communities on both sides of the border. Even if the numbers show that these migrations are quantitatively low, it should be noted that Chad is a country of emigration, immigration, and transit [1] for nationals of sub-Saharan Africa who seek to emigrate to North Africa and to go beyond, to Europe, as well as for nationals of West Africa and

East Africa who wish to reach the Middle East, in particular Saudi Arabia, Chad can be considered as a practically obligatory passage.

MIGRATION STATISTICS IN CHAD

In the following proposals, we can look at the basic statistics of migration in Chad provided by the United Nations Department of Economic and Social Affairs (UN DESA):

- Immigration and emigration: the total number of international migrants in mid-2020 was 547.5 thousand people; the share of international migrants in the total population of 2020 was 3.3%; the total number of emigrants who left the country in 2020 was 222.3 thousand; net migration over the previous 5 years (the difference between the number of immigrants and the number of emigrants) in 2019 was 10 thousand; the proportion of women among international migrants in 2020 was 54.4%; the proportion of international migrants aged 19 and under residing in the country / region in mid-2020 was 29.1% and the proportion of international migrants aged 65 and over in mid-2020 was 3.5%;

- Forced migration: the total number of refugees by destination countries in 2020 was 442.7 thousand people; the total number of refugees by country of origin in 2020 was 11.2 thousand. It is important to note that according to International Migrant Stock, these statistics refer to stocks of international migrants and that stocks include all residents born abroad in a country, regardless of the date on which they entered the country. For countries where data on the foreign-born population is not available, International Migrant Stock uses data on foreign citizens. As such, the number of international migrants may not include second generation migrants born in the country but those whose parents have migrated. Thus data on stocks should not be confused with data on annual migratory flows [2].

Indeed, according to the Global Migration Stock in 2017 (see *Figure 1*), internal migration to Chad was 489,690 people, and immigrants in Chad accounted for 3.30% of the total resident population.

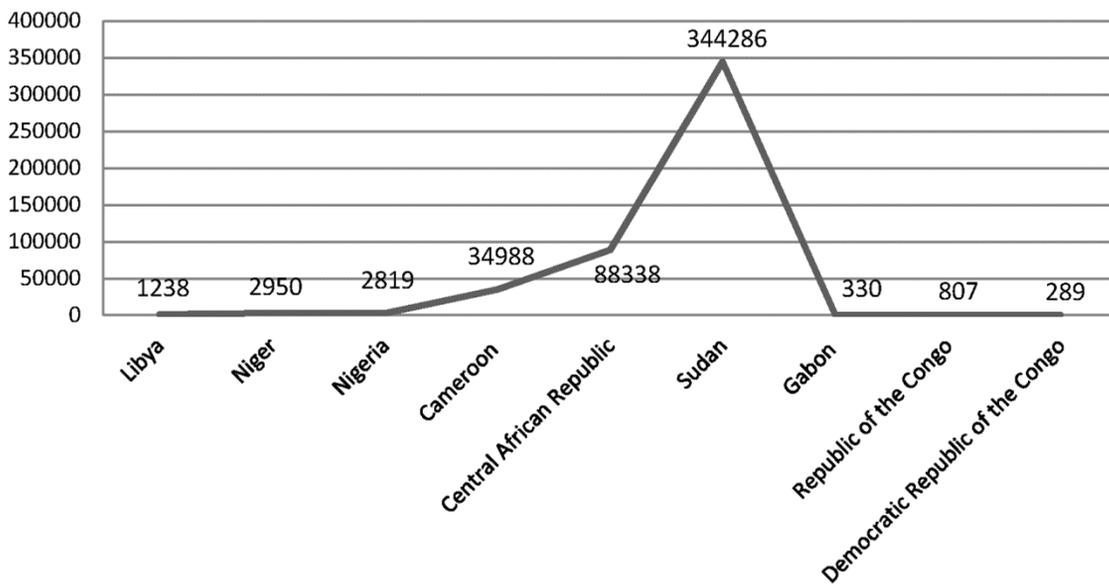

Figure 1. Number of intra-African migrants to Chad during 2017.

Source: Global migration stock. <https://www.iom.int/fr/la-migration-dans-le-monde>

Migration to Chad is explained by socio-economic, political reasons and by the search for means of adaptation to environmental difficulties, poverty, the lack of activities and opportunities in the countries of departure. It should be noted that Chad and its neighboring countries share almost the same culture, tradition, and language. One can find related ethnic groups in Chad and neighboring countries such as Sudan, Central Africa, Cameroon, Nigeria, and Niger. This explains the reason we have a large number of Chadians as evidenced by the predominantly Chadian neighborhoods in large cities such as Maiduguri in Nigeria, Maroua, Garoua, Ngaoundere in Cameroon and the capitals of neighboring countries such as Khartoum in Sudan, Bangui in the Central African Republic, and Tripoli in Libya.

Very often, nationals of border countries who come to work in Chad are attracted to the country because of the richness of the land, the dynamism of economic and mining activities, especially oil, and the resources offered by Lake Chad.

Even if the rate of migrants from the Republic of Chad is exceptionally low, we can see that for a variety of reasons, Chadians leave the country to overcome various difficulties. According to the Global Migration Stock in 2017, Libya received 879 migrants, Niger - 883, Nigeria - 30,050, Cameroon - 76,601, Sudan - 87,884, the Central African Republic welcomed 10,910, and the Republic of Congo - 10,723 Chadian migrants. Also, other countries beyond the border of Chad received Chadian migrants: Gabon welcomed 3057,7 migrants, 721 moved to Benin and 313 Chadian migrants were received in Egypt [3].

Chad also welcomes not only African migrants or migrants from neighboring countries, but also international migrants. According to UN DESA data source, the total number of international migrants in Chad in mid-2020 was 547.5 thousand.

In the *Figure 2* we can see the total number of international migrants in Chad during the last 25 years (from 2000 to 2020)¹.

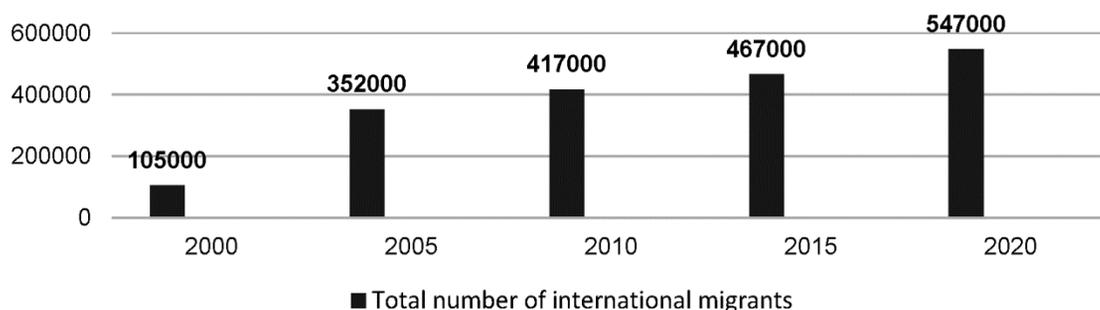

Figure 2. Number of international migrants in Chad (2000-2020).

Source: https://migrationdataportal.org/fr/data?focus=profile&t=2020&i=stock_abs_&cm49=148 (accessed 29.06.2021)

It is important to specify that among the international migrants represented on the diagram, the majority are African migrants from neighboring countries.

We must not forget that the civil war in Chad in the 90s had a major impact on the lives of many people and caused the displacement of thousands of Chadians to neighboring countries. These neighboring countries welcomed the Chadians during this difficult period. The Chadians who left the country in the 1990s until today did not return to Chad, they settled in those countries they migrated to. They have their family, their projects and their business and they are in direct contact with their relatives in Chad. Often, they facilitate the reception of their relatives. They support them by looking for jobs or universities that will welcome Chadian migrants [4].

INSTITUTIONAL CAPACITIES FOR MIGRATION MANAGEMENT

Today's migratory movements are a global phenomenon and Chad is no exception. Migration movements must be the subject of particular attention in Chad and in Central Africa in general. Due to the environmental degradation, migratory movements are likely to intensify. It is important that African countries provide national or even regional institutional responses to provide support to intra-African migrants.

The Central African country also ranks among the 10 largest host countries for refugees in the world, and the number of refugees and asylum seekers represents more than 3% of the Chadian population. We can say that Chad is the first country that welcomed asylum seekers in Africa. It is important to recognize that the institutional capacities for managing migration in Chad remain weak, just like the legal and managerial framework to help the migrants. The legislative and regulatory reform work must be done, relying on national and international conventions ratified by Chad.

As the number of refugees and asylum seekers increase, thus representing more than 3% of the Chadian population, it is necessary that the Chadian government adopts a new law. In this vein, Chad has added a new Chadian legislation that deals with asylum, that is, from the reception of refugees to the provision of long-term solutions to them. This legislation thus ensures protection, freedom of movement, the right to health, education, access to justice and to documents. This new law also allows Chad to help groups of refugees as well as individuals.

In 2020, Chad had 337,600 refugees and asylum seekers on its territory, including 298,700 Sudanese from Darfur, 5,000 Central Africans mainly in the south, 25,400 Nigerians in Lake Chad province and more than 8,500 refugees and asylum seekers from Cameroon, Niger and some other African countries.

¹ The UN DESA data source. https://migrationdataportal.org/fr/data?focus=profile&t=2020&i=stock_abs_&cm49=148 (accessed 29.06.2021)

We cannot afford not to say that Chad has set a notable example this time around with the adoption of a pioneering law that significantly advances practices in the protection of asylum seekers and refugees in Chad. The UNHCR and several other organizations claim that this law conforms to international instruments and standards, such as the 1951 Convention relating to the Status of Refugees, its 1967 Protocol and the 1969 OAU Convention.

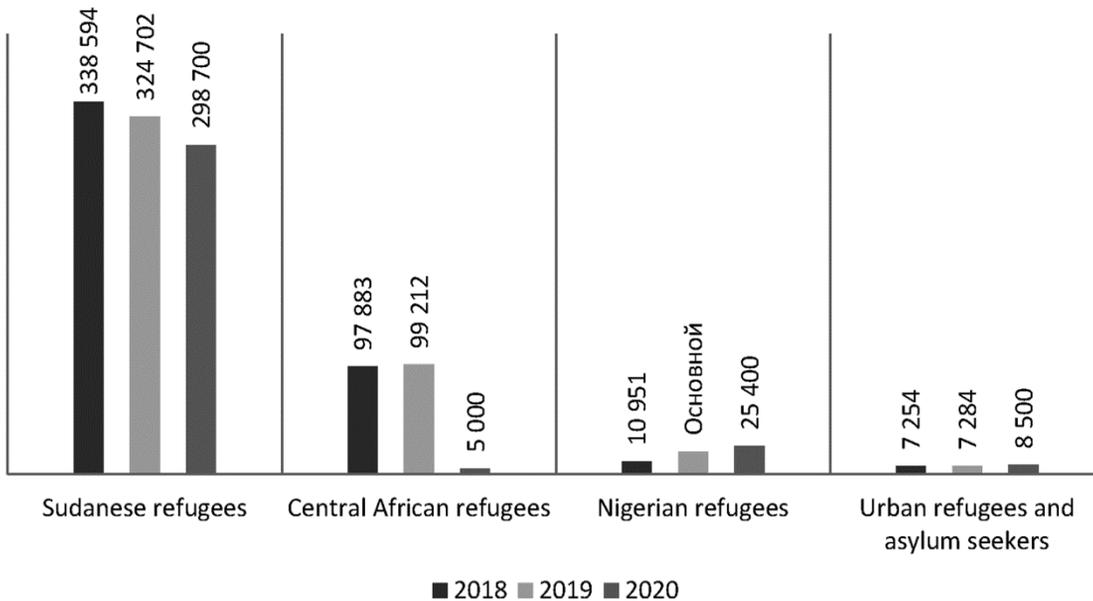

Figure 3. Statistics of refugees and asylum seekers in Chad.

Source: Chad: country response plan for refugees 2019-2020. <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Chad%20Country%20RRP%202019-2020%20-%20March%202019.pdf> (accessed 29.06.2021)

THE MOTIVES FOR THE CHOICE OF MIGRANTS

The author agrees with the opinion of the Russian researchers A.Vishnevsky (Professor, HSE University, Moscow) and M.Denisenko (HSE University, Moscow), that migration processes have always played a huge role in the history of mankind. This is because migration has led to the settlement of people from one point of the planet to another. They have led to the formation of various peoples and cultures, racial, ethnic, and linguistic diversity of the modern world [5].

Regarding Chad and Africans in general, we have to underline the fact that ethnic groups were separated by colonial delimitations, and this underlies the reason for which we can meet the same ethnic groups in different African countries today. This is a primary reason some people choose to migrate to countries where they can meet their grandparents. That is, the ethnic structure of migration flows can become increasingly diverse.

Today, when we observe the ethno-linguistic map of the Central African region, it is more homogeneous. And it is important to note that during the XII-XIX centuries, there were numerous migrations of the Africans and a modern ethnolinguistic map of Central Africa was formed.

It must be admitted that in the Chad linguistic diversity, it is considered as one of the characteristics of the population of the country of Chad. There are more than 130 languages (and many dialects) divided into three major linguistic families: Hamito-Semitic, Nilo-Saharan, and Niger-Congolese. It should be noted that only 18 of the 130 languages are spoken by 50,000 speakers or more:

- The languages of the Hamito-Semitic family cover a considerable geographical area, is also called Afro-Asian or Afrasian which extends from Northern Africa, more precisely, from the Maghreb to Nigeria and part of Cameroon, through Ethiopia, Eritrea, Somalia, on the island of Malta, as well as throughout the Middle East, to the borders of Iran. The Hamito-Semitic languages constitute one of the great linguistic families on the African continent;

The languages of the Hamito-Semitic family are spoken by the Chadian Arabs who represent more than 10.3% of the Chadian population, the Moussei - more than 2.4%, the Marba - more than 1.7%, the Massana - more than 1.5% and the Nanchere - more than 0.9% of the Chadian population [6];

- Regarding the languages of the Nilo-Saharan or Nilotic family, we must note that it includes nearly 10 linguistic groups in which are distributed nearly 200 languages spoken by people living mainly in Niger, Sudan, in Ethiopia, Chad and Congo-Kinshasa.

The language of the Nilo-Saharan or Nilotic family are spoken by the Sara who represents more than 10.3% the Chadian population, the Kanembou - more than 5.3%, the Daza - more than 3.8%, the Maba - 3.4%, the Naba - more than 3.2%, Kanouri - more than 1.2% Zagawa as well as Gor (or bodo) - more than 1%, Massalit - more than 0.7%, Mango - more than 0.6% of the Chadian population [7];

- And finally, the languages of the Niger-Congolese family are divided into 7 main groups with more than 490 languages in total, spoken by more than 104 million speakers. We can say that three Africans out of four have a Niger-Congolese language as their mother tongue.

The languages of the Niger-Congolese family are spoken by the Moundan who represents more than 2.2%, the Fulani - more than 1.7% and the Toubouri represent - more than 1.2% of the Chadian population [8].

Other more precise examples of the various ethnic groups of Chad include: the Djellaba, the so-called Madjabra (Fizan), the Bornouans, the Hausa, the Tuareg called here Kinnine and the Peuls called here Fallata who participated in the Trans-Saharan and Inter-Saharan trade. Sahélien (West-East) are from present-day Sudan, present-day Libya and the basins of Lake Chad and Niger.

Abeche, which is now the second largest city in Chad after the capital N'Djamena, and the third largest city economically, was also a crossroads, an important stop on the pilgrimage route. There were many Muslims of African origin who were on their way to the pilgrimage passing through the town of Abeche, which was as a reception and transit center. The pilgrims who went to Mecca walked a few kilometers and stopped, got supplies, worked a little, and they got a little money to continue their journey. At other times, some found a favorable situation and settled down permanently.

Some physical evidence indicates that the Chadian Arabs entered Chad through Kanem (the origins of their presence, the relays, the stages of dispersal and regrouping. It was a very long process, if we remember that before the end of the XIVth century, Arab groups were already nomadic in the Lake Chad region) in the Fezzan region (the south of modern Libya) which was also a region under the Kanem-Bornu empire (in XIII-XIX centuries).

The ancestors of the Arab tribes who now reside in this region arrived through the Sahara. Carbou² regroups these tribes under the name of Hasawna, named after a certain Hasan al-Gharbi, who would have been the leader of their original migration. Knowing that the Islamization of Kanem happened very early and was followed by the conversion to Islam of the major political entities of the region by its geographical position, both a pivot of economic exchanges in central Sudan, and the one of the gateways to Islam and Arabs. Arrived later by this route, the Awlad Sliman crossed the Sahara from Tripolitania at the beginning of the XIXth century to settle in Kanem in the northeast of Lake Chad [9].

CONCLUSION

Thus, the author concludes that Chad has always had a tradition of welcoming refugees from neighboring countries without creating tension. Historical migration movements in Chad allow us to understand and influence the movements of today.

Today, emigration and immigration movements between Chad, Libya, Sudan, Central African Republic, Cameroon, Niger, and Nigeria constitute a basis of migratory dynamics and can be explained by the fact that there are shared communities on both sides of the border. Until today, Chad hosts around 350,000 refugees, most of them driven out by war or terrorist attacks: almost 300,000 Sudanese in the east, more than 25,000 Nigerians fleeing the jihadist sect Boko Haram around Lake Chad, and 5,000 Central Africans in the south.

Chad is the first country to admit asylum seekers in Africa with a high number of refugees and asylum seekers which represents more than 3% of the Chadian population. Chad is a country strategically located in Africa, and on migratory routes to Libya and Europe. But at times refugees and migrants are exposed to a range of protection risks throughout their perilous journey from or through Chad. The lack of opportunities and prospects in the refugee hosting areas, the gradual reduction in humanitarian aid in recent years and the lack of prospects are pushing some refugees to leave the camps.

REFERENCES / ЛИТЕРАТУРА

1. Data portal migration for a global perspective. https://migration data portal.org/fr/data?focus=profile&t=2020&i=stock_abs_&cm49=148 (accessed 20.05.2021)

² Henri Carbou was a colonial civil servant and ethnographer who undertook pioneering studies on the peoples of Chad and Sudan and their languages. The groups studied in this two-volume book include the Kanembou, the Toubou, the Ouaddai, the Arabs, and many others. Carbou's sources include his own observations, the works of Arab writers, and the earlier work of Europeans, including the two great German explorers of Central Africa, Heinrich Barth (1821-1865) and Gustav Nachtigal (1834-1885). Carbou's works are still used by scholars interested in the dialects of Chad and Sudan (*author's note*).

2. Preliminary-study-of-the-migration-phenomenon-in-chad-FR%20(1).pdf. <https://www.humanitarianresponse.info/sites/www.humanitarianresponse.info/files/documents/files/etude-preliminaire-du-phenomene-des-migrations-au-tchad-FR.pdf> (accessed 08.06.2021)
3. Danièle Laliberté, Benoît Laplante and Victor Piché. The Impact of Forced Migration on Marital Life in Chad. *European Journal of Population. Revue Européenne de Démographie* Vol. 19, No. 4 (2003), pp. 413-435.
4. Chad: UNHCR welcomes adoption of asylum law. <https://news.un.org/en/story/2020/12/108530208> (accessed 10.06.2021)
5. Вишнеvский А., Денисенко М. Миграции в глобальном контексте. <https://www.hse.ru/data/2016/06/21/1116116567/%D0%9C%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8.pdf> (accessed 08.06.2021)
Vishnevsky A., Denisenko M. Migration in the global context. (In Russ.). <https://www.hse.ru/data/2016/06/21/1116116567/%D0%9C%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8.pdf> (accessed 08.06.2021).
6. M.Jacques Leclerc. Linguistic planning in the world, 2019. <https://www.axl.cefan.ulaval.ca/monde/famnilo-saharienne.htm> (accessed 10.06.2021)
7. Jacques Leclerc. Linguistic planning in the world, 2019. <https://www.axl.cefan.ulaval.ca/monde/famnigero-congolaise.htm> (accessed 10.06.2021)
8. Hassan Hamit Abderaman Haggar. The origin of the city of Abéché and its inhabitants. 2019. <https://afam.org.tr/lorigine-de-la-ville-dabeche-et-ses-habitants/> (accessed 13.06.2021)
9. The Arabic language and the Arab clans in Chad. <https://walkoulo.wordpress.com/2014/01/12/la-langue-arabe-et-les-clans-arabes-au-tchad/> (accessed 14.06.2021)
10. Коммегни Фонганг Д.П. Вынужденная миграция в странах Африки южнее Сахары. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2019, 2, с. 264-273.
Kommegni Fongang J.P. 2019. Forced Migration in Sub-Saharan Africa. *Vestnik RUDN. SDeries:International Relations*. № 2, pp. 264-273. (In Russ.)
11. Мугадам М.М. COVID-19 в Африке и его влияние на африканских мигрантов. *Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление*. 2021. № 2. С. 145-152.
Mugadam M.M. 2021. COVID-19 in Africa and its Impact on African Migrants. *RUDN Journal. Series: State and municipal administration*, № 2, pp. 145-152 (In Russ.)
12. Медушевский Н. А. Миграция в странах Африки к югу от Сахары. *Власть*. 2018. Т. 26. № 1. С. 186-188.
Medushevsky N.A. 2018. Migration in Sub-Saharan Africa. *Power*. Vol. 26. № 1, pp. 186-188 (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Mugadam Mahamat Mugadam (Chad), Post-graduate student, Department of Political Analysis and Management, Russian Peoples' Friendship University, Moscow, Russia.

Мугадам Махамат Мугадам (Чад), аспирант, кафедра политического анализа и управления, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.

Поступила в редакцию
(Received) 01.07.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.09.2021

Принята к публикации
(Accepted) 19.11.2021

DOI: 10.31857/S032150750018301-3

Рецензия / Review

Новые страницы истории советско-африканских отношений

© Мезяев А.Б.^a, 2022

^a Университет управления «ТИСБИ», Казань, Россия
ORCID ID: 0000-0002-5318-3029; alexmezyaev@gmail.com

Рецензия на книгу: **Россия и Африка. Документы и материалы. 1961 - начало 1970-х** (ред. коллегия: Мазов С.В., Давидсон А.Б., Балезин А.С., Воеводский А.В.). М., РОССПЭН, 2021. 1006 с. ISBN 978-5-8243-2428-0

Ключевые слова: Россия, СССР, Африка, внешняя политика, международное сотрудничество, российско-африканские отношения, советско-африканские отношения, архивные документы

Для цитирования: Мезяев А.Б. Новые страницы истории советско-африканских отношений. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 1. С. 77-80. DOI: 10.31857/S032150750018301-3

New pages of history of Soviet-African relations

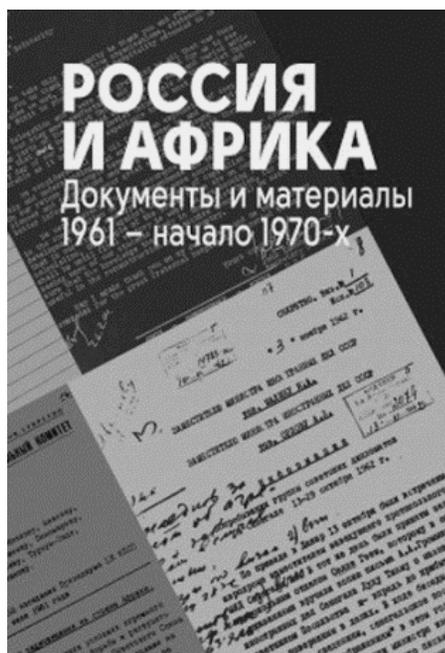
© Alexander B. Mezyaev^a, 2022

^a University of Management TISBI, Kazan, Russia
ORCID ID: 0000-0002-5318-3029; alexmezyaev@gmail.com

Review of the book: **Russia and Africa. Documents and materials. 1961 - early 1970s** (Eds.: Mazov S.V., Davidson A.B., Balezin A.S., Voevodsky A.V.). Moscow, 2021. 1006 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8243-2428-0

Keywords: Russia, USSR, Africa, foreign policy, international cooperation, Russian-African relations, Soviet-African relations, archival documents

For citation: Mezyaev A.B. New pages of history of Soviet-African relations. *Asia and Africa today*. 2022, № 1. Pp. 77-80. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018301-3

Выход сборника «**Россия и Африка. Документы и материалы (1960 - начало 1970-х)**» (ред. коллегия: Мазов С.В., Давидсон А.Б., Балезин А.С., Воеводский А.В. М., РОССПЭН, 2021. 1006 с.) стало, безусловно, событием в отечественной африканистике.

Редакционная коллегия сборника, в состав которой входят крупнейшие отечественные учёные, вводит в научный оборот огромное количество драгоценных источников. Нет сомнений, что в этом фундаментальном издании заложены сотни будущих научных трудов. Кроме того, введённые в научный оборот документы и материалы заставят по-новому посмотреть на давно сделанные выводы, увидеть доселе скрытые механизмы, казалось бы, хорошо известных событий, найти ответы на многие остававшиеся вопросы.

Рецензируемый сборник является продолжением вышедшего в 1999 г. двухтомника - «*Россия и Африка*»¹. В нем представлены документы не по всем странам Тропической Африки (что было бы и невозможно), однако представлены все основные регионы - Северо-Восточная Африка (Эфиопия, Сомали, Уганда, Танзания, Кения, Мадагаскар), Западная (Гана, Нигерия, Гвинея, Мали, Либерия, Сенегал), Центральная (Демократическая Республика Конго, Республика Конго, Ангола), Юг Африки (Ботсвана, Лесото, Свазиленд, Замбия, Мозамбик, Южная Родезия, Южно-Африканская Республика).

¹ Россия и Африка. Документы и материалы. Т. I (XVIII в. - 1917), т. II (1918-1960). М., Институт всеобщей истории РАН. 1999.

Документы собирались в разных архивах, прежде всего, в Архиве внешней политики, Государственном архиве РФ, Российском архиве новейшей истории (папки ЦК КПСС, Политбюро ЦК, Секретариата ЦК).

Что касается тематики, она продолжает весьма разнообразную тематику первых двух томов 1999 года и, в то же время, существенно расширяет её. Кроме уже ставших традиционными тем «россияне в Африке» и «африканцы в России», формирования взаимных представлений, установления и развития политических и экономических отношений, введены темы строительства социализма в отдельных странах Африки, идеологических отношений, ошибок как советской дипломатии, так и отдельных государственных деятелей и общественно-политических (в т.ч. повстанческих) движений на Африканском континенте.

Значительный интерес представляют документы по истории установления дипломатических отношений СССР с государствами Африки. В этом разделе стоит обратить внимание на письмо президента Сенегала Леопольда Сенгора Председателю Совета министров СССР Н.С.Хрущёву, в котором он говорит о готовности установить дипломатические отношения с Советским Союзом, но «в будущем», пока же предлагая проведение «миссии доброй воли» (док. № 187, с. 519-520).

Не менее интересно письмо премьер-министра Нигерии Т.Балевы министру иностранных дел СССР, в котором выдвигаются предварительные условия для установления дипломатических отношений с СССР (документ № 164, с. 466).

Должное внимание в сборнике уделяется теме социалистического выбора и строительства социализма в ряде стран Африканского континента. Так, один из документов свидетельствует о том, как советский посол в Мали, в ответ на заверения министра иностранных дел о «сознательном социалистическом выборе», информировал его об опыте КПСС в деле подъёма сельского хозяйства в первые годы советской власти и в годы коллективизации (док. № 152, с. 440-442).

Важным свидетельством являются рекомендации представителей Госплана СССР правительству Ганы в связи с его 7-летним планом экономического развития. Советские представители, в частности, рекомендуют ограничение частнокапиталистического сектора экономики страны, в т.ч. посредством организации смешанных государственно-иностраннх предприятий с целью контроля иностранного капитала с перспективой дальнейшего выкупа части акций и превращения их в государственную собственность (док. № 100, с. 331-334).

Представляет интерес письмо личного секретаря Огинги Одинги (в то время - министра внутренних дел Кении) в ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ о необходимости поддержки «социалистической группировки» в Кении в её противостоянии с капиталистическими и неокOLONIALными группировками (док. № 256, с. 655-658).

По сути, открывает перспективы отдельного направления системных научных исследований публикация документов, показывающих реакцию ряда стран Африки на важнейшие события в СССР или с участием СССР. Особо выделяются документы о реакции африканских стран на события в Чехословакии 1968 года, в частности, Нигерии и Ганы. Опубликованные документы свидетельствуют, что глава федерального военного правительства Нигерии генерал Якубу Говон «не верил в оценку событий в Чехословакии, которая давалась западной пропагандой», и заявил, что СССР и другие соцстраны «сделали в отношении Чехословакии правильный и своевременный шаг» (док. № 183, с. 513-515).

Касательно реакции Ганы свидетельствует советский посол в Аккре, который в беседе в местном МИДе выразил удивление занятой ганскими властями «более резкой и враждебной» позиции даже по сравнению с некоторыми западными государствами, а также разъясняет мотивы советского демарша (поддержанного другими соцстранами) во время выступления на обеде в честь президента Верхней Вольты 24 августа 1968 г. главы Ганы генерала Анкра (док. № 119, с. 370-372).

Сквозная тема сборника - тема государственных переворотов в Африке.

Так, представляет огромный научный интерес записка директора Института Африки АН СССР В.Г.Солодовникова в ЦК КПСС о причинах и уроках государственных переворотов в Африке. Многие выводы, содержащиеся в этом документе, сохраняют свою актуальность, хотя сделаны еще в 1966 г. Интересны выводы, касающиеся армии стран Африки.

Так, например, говорится о «недостаточной политико-воспитательной работе в вооружённых силах» африканских стран. Отмечается также, что после на мировоззрение офицерского состава армий независимых стран Тропической Африки «оказывало, а зачастую и продолжает оказывать, влияние длительного обучения в военных училищах империалистических государств, служба в армии бывших метрополий, служба под руководством западных военных инструкторов» (док. № 23, с. 111-127).

Оценка Института Африки подтверждается и аналитическими справками советских посольств. Так, посол СССР в Мали в совершенно секретном донесении отмечает, что Политбюро партии Суданский союз и лично президент Мали М.Кейта в последнее время усилили контроль над армией, в частности, путём улучшения работы военной контрразведки; ни одно решение по армии не принимается без согласия президента. Однако этот контроль «вызвал болезненную реакцию со стороны части офицеров, которые рассматривают это как «ущемление их прерогатив». Справка заканчивается выводом о том, что «до тех пор, пока малийское руководство не откажется от использования западных инструкторов в своей армии и будет продолжать направлять

в капиталистические страны военнослужащих для прохождения там подготовки, опасность попытки военного переворота не может быть в Мали полностью исключена» (док. № 151, с. 433-440)².

Интересны и причины государственных переворотов в отдельных странах, тем более, сформулированные для советского руководства самими путчистами.

Так, в письме на имя Н.В.Подгорного глава верховного революционного совета Сомали Сиад Барре объяснял причины переворота октября 1969 года следующим образом: «Эгоизм бывших членов правительства настолько сильно их ослепил, что пренебрежение законами, традициями и конституцией страны стало обычным явлением», что и привело «к трагическому убийству президента» А.Али Шермарка (док. № 218, с. 593-594).

В сборнике публикуется целый ряд документов, касающихся не только успешных, но и проблемных сторон экономического сотрудничества между СССР и странами Африки.

Так, в секретном документе сотрудника посольства СССР в Гане анализируются недостатки советской экономической политики в этой стране. В документе, в частности, говорится о «некритическом» отношении советского посольства к просьбам ганских властей по оказанию экономического и технического сотрудничества. В результате такого подхода «советские организации были вынуждены переделывать уже законченные и переданные ганской стороне проекты, выполняя дополнительную дорогостоящую работу, требующую значительного времени», а ряд затрат вообще являлись «бессмысленной тратой средств» (док. 116, с. 364-366).

В справке II Африканского отдела Министерства внешней торговли СССР делается вывод о неудачных сделках и контрактах на поставки в Нигерию советских товаров, которые в результате пришлось аннулировать (док. 170, с. 486-487).

Важное свидетельство о проблемах экономического сотрудничества СССР со странами Африки в контексте взаимоотношений континента с государствами Запада, содержится в справке Председателя ГКЭС СССР 1965 года: «В своё время сомалийская сторона официально отказалась от предложенной советской стороной содействия в строительстве водопровода ... рассчитывая на обещание американской фирмы». В связи с тем, что американская фирма затягивала начало строительства, советский посол дважды вновь предлагал помощь СССР, однако власти Сомали снова и снова отклоняли эти предложения. Лишь через полгода правительство Сомали официально обратилось с просьбой к СССР об оказании содействия в строительстве водопровода в счёт предоставленного кредита (док. № 215, с. 586-589).

Весьма любопытен документ, связанный с попыткой президента корпорации «Де Бирс» Г.Оппенгеймера посетить Советский Союз для «выяснения возможностей заключения ... соглашения о совместных выступлениях на рынке золота». Примечательна рекомендация министра иностранных дел А.А.Громыко для ЦК КПСС: «Целесообразно было бы отказать Оппенгеймеру в визе для поездки в Советский Союз» (док. № 406, с. 958-959).

Ряд документов существенно дополняют знания по ряду, казалось бы, известных событий в истории советско-африканских отношений.

Такова, например, запись беседы, состоявшейся в Советском Комитете солидарности со странами Азии и Африки с будущим лидером (а на тот момент - «министром иностранных дел») партии УНИТА (Ангола) Жонасом Савимби, приехавшим в СССР в апреле 1964 г. (док. № 285, с. 704-710).

Таково и письмо заведующего Международным отделом ЦК КПСС Б.Н.Пономарева в Центральный комитет КПСС касательно просьбы Южно-Африканской коммунистической партии (ЮАКП) дать совет и оказать помощь в связи с намерением начать вооружённую борьбу.

Любопытный факт - руководство ЮАКП (в лице М.Котане и Ю.Даду) испрашивают совета у советских товарищей, однако одновременно с этим запрашивают помощь, показывая тем самым, что совет как таковой не так уж и важен. Тем не менее, надо отдать должное Б.Н.Пономареву: оставляя вопрос о военной помощи «на потом», он предлагает ЦК КПСС утвердить достаточно разумный совет южноафриканским товарищам (док. № 390, с. 940-941).

Таково и письмо главы правительства Конго в Стенливиле Антуана Гизенги Н.С.Хрущёву, содержащее просьбу о военном вмешательстве СССР в конголезский кризис начала 1960-х гг.³, содержащее краткое: «Рассчитываю на ... немедленное прямое вмешательство в течение ближайших часов» (док. № 294, с. 728).

Особняком стоит публикация дневниковых записей Андрея Андреевича Громыко и других советских дипломатов. Ряд из них публиковали официальные книги, однако содержат несопоставимую по ценности

² Как известно, в 1968 г. (через два года после написания вышецитируемой справки советского посольства) в Мали произошёл военный переворот, совершённый М.Граоре, получившим военное образование во Франции. Интересно отметить, что выводы справки во многом находят своё подтверждение и в последующих переворотах в Мали (как, впрочем, и в других странах Африки) (*прим. авт.*).

³ В письме говорится: «Начиная с нынешнего утра, бельгийские войска из Руанды-Урунди совместно с солдатами Мобуту атакуют наши части в Букаву. ... Бельгийская агрессия против конголезского народа продолжается... Чтобы разрешить этот кризис, конголезскому народу ничего не остается, кроме вооруженной борьбы, которую уже развязали мятежники и их союзники».

информацию. Многие помнят разочарование, когда в 1986 г. вышли двухтомные мемуары А.А.Громыко - «Памятное». Публикация дневниковых записей Андрея Андреевича в рецензируемом сборнике **«Россия-Африка...»** может рассматриваться как некоторая компенсация разочарований тех давних лет - на этот раз советский министр иностранных дел даёт весьма детальный «разбор полётов» взаимоотношений с Ганой (док. № 104, с. 339-344).

Безусловный интерес представляют дневниковые записи заместителя министра иностранных дел СССР Я.А.Малика и посла СССР в Нигерии А.И.Романова. Они объединены общей темой советско-нигерийских отношений периода гражданской войны в Нигерии (1967-1970 гг.) и попытками создания независимого государства Биафра. Так, публикация записей Я.А.Малика с послом Нигерии в СССР О.Ифеагву (*игбо* по национальности и родственника лидера сепаратистов Оджукву) показывает необычную трансформацию во время беседы - из посла Нигерии в посланника Биафры (док. № 176, с. 496-498).

Публикация дневниковых записей посла СССР в Нигерии А.И.Романова подтверждает сделанные ранее утверждения о том, что без военной техники СССР «вернуть в победу национально-патриотических сил, ведущих борьбу за единую Нигерию, очень трудно» (док. № 178, с. 500-501).

Наконец, публикация дневниковых записей Постоянного представителя СССР в Совете Безопасности ООН В.А.Зорина даёт важный исторический материал о событиях в Конго (Леопольдвиль) начала 1960-х гг., в частности, о содержании его встречи с Генеральным секретарем ООН Д.Хаммаршельдом, состоявшейся 18 января 1961 г. (док. № 295, с. 728-732) и о положении в оппозиционных партиях в стране весной 1962 г. (док. № 310, с. 754-759).

Ряд опубликованных документов дают любопытную информацию об участии советских органов в формировании её политики в Африке, в частности, Комитета государственной безопасности СССР. В этой связи, примечательно письмо Председателя КГБ В.Е.Семичастного в ЦК КПСС относительно возможного приезда в СССР лидера партии ЗАПУ (Южная Родезия) Джошуа Нкомо. Впрочем, наибольший интерес представляет не столько текст Семичастного, сколько приписка на нём заведующего сектором Африки Международного отдела ЦК КПСС П.И.Манчи: «В соответствии с Постановлением ЦК КПСС ... послу СССР в Каире даны указания о выдаче въездных виз Дж.Нкомо ... без ограничения в сроках въезда», что говорит об особых ожиданиях для СССР от этого визита (док. № 374, с. 903).

Не менее интересна совершенно секретная записка Председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР А.Н.Шелепина в ЦК КПСС касательно разработок полезных ископаемых в Мали (док. № 141, с. 410-411). Документ говорит о том, что этот вопрос находился в тот момент в компетенции КГБ СССР. (Обратим внимание на то, что данное письмо существенно отличается от «простого участия» Председателя КГБ как члена Политбюро ЦК в решении многих аналогичных вопросов.)

Наконец, особый «шарм» сборнику дают документы, касающиеся вопросов культуры. Члены редакционной коллегии включили в него документы, которые показывают роль творческой интеллигенции в формировании советско-африканских отношений.

Это целый ряд писем в ЦК советского поэта Евгения Долматовского (док. №№ 29, 31, 33), письмо президента Сенегала Л.Сенгора Евгению Евтушенко (док. №№ 200 и 201, с. 538-539), информация о поездке в СССР известного малийского поэта (впрочем, также министра информации) Мамаду Голого (док. № 149, с. 428-431).

Как видим, тематика сборника столь разнообразна, что ценнейшие материалы в нём найдут африканисты всех направлений и интересов. При этом все документы публикуются впервые.

Завершая обзор рецензируемого сборника **«Россия-Африка. Документы и материалы. 1961 - начало 1970-х»**, можно сделать единственно возможный вывод: перед нами фундаментальное издание, имеющее огромную научную ценность. Будучи об истории, оно, тем не менее, направлено в будущее. И не только потому, что история - наука о будущем. Но и потому, что оно создало прочный фундамент для будущих научных исследований, в т.ч. новых направлений в изучении внешней политики России и стран Африканского континента.

В этой связи следует поздравить авторский коллектив с выдающимся свершением и поблагодарить их за их тщательную, филигранную работу.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

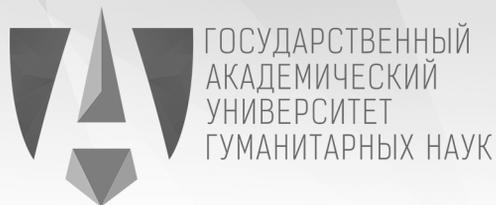
Мезяев Александр Борисович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Университет управления «ТИСБИ», Казань, Россия.

Alexander B. Mezyaev, Dr.Sc. (Legal Science), Professor, Head, Department of International Law, University of Management TISBI, Kazan, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.10.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 23.11.2021

Принята к публикации
(Accepted) 25.12.2021

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ
Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА
Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА
Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членв-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).